

КЛАССИЧЕСКАЯ
УТОПИЯ

КЛАССИЧЕСКАЯ УТОПИЯ

Т. Мор
Т. Кампанелла
Ф. Бэкон
С. де Бержерак

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
К 47

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с латинского и комментарии *Ф. Петровского*
и *А. Малеина* («Утопия», «Город Солнца»)

Перевод с английского *З. Александровой*
(«Новая Атлантида»), комментарии *Ф. Петровского*

Перевод с французского *Е. Гунста*
(«Государства и империи Луны»)

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

К47 Классическая утопия : [сборник : переводы] /
Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. де Бержерак. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Зару-
бежная классика).

ISBN 978-5-17-109987-9

Как же представляли себе идеальное общество великие мечтатели далекого прошлого?

Рациональный Томас Мор допускал в своем идеальном обществе существование рабов, однако горячо приветствовал равноправие женщин, всеобщую грамотность и запрет на смертную казнь...

Неистовый Томмазо Кампанелла представил на суд шокированных современников эксцентричные идеи государственного воспитания детей, «свободной любви» и отмирания традиционной семьи...

Фрэнсис Бэкон, которому принадлежит честь создания «технократической» утопии, воспел общество, поставившее себе на службу достижения науки — от «вечного двигателя» до телефона...

А остроумный Сирано де Бержерак создал парадоксальный и смешной мир, населенный фантастическими существами, которых на земле считают «оракулами, нимфами, гениями, феями, пепатами, вампирами, домовыми, призраками и привидениями»...

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-109987-9

© Перевод, комментарии. Ф. Петровский, 2018
© Перевод. З. Александрова, 2018
© Перевод. Е. Гунст, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Золотая книга, столь же полезная,
как забавная, о наилучшем устройстве
государства и о новом острове Утопии

Томас Мор шлет привет Петру Эгидию

Дорогой Петр Эгидий, мне, пожалуй, и стыдно посыпать тебе чуть не спустя год эту книжку о государстве утопийцев, так как ты, без сомнения, ожидал ее через полтора месяца, зная, что я избавлен в этой работе от труда придумывания; с другой стороны, мне нисколько не надо было размышлять над планом, а надлежало только передать тот рассказ Рафаила, который я слышал вместе с тобою. У меня не было причин и трудиться над красноречивым изложением, — речь рассказчика не могла быть изысканной, так как велась экспромтом, без приготовления; затем, как тебе известно, эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом, и чем больше моя передача подходила бы к его небрежной простоте, тем она должна была бы быть ближе к истине, а о ней только одной я в данной работе должен заботиться и заботчусь.

Признаюсь, друг Петр, этот уже готовый материал почти совсем избавил меня от труда, ибо обдумывание материала и его планировка потребовали бы немало таланта, некоторой доли учености и известного количества времени и усердия; а если бы понадобилось изложить предмет не только правдиво, но также и красноречиво, то для выполнения этого у меня не хватило бы никакого времени, никакого усердия. Теперь, когда исчезли заботы, из-за которых пришлось бы столько попотеть, мне оставалось только одно — просто записать слышанное, а это было уже де-

лом совсем нетрудным; но все же для выполнения этого «совсем нетрудного дела» прочие дела мои оставляли мне обычно менее чем ничтожное количество времени. Постоянно приходится мне то возиться с судебными процессами (одни я веду, другие слушаю, третья заканчиваю в качестве посредника, четвертые прекращаю на правах судьи), то посещать одних людей по чувству долга, других — по делам. И вот, пожертвовав вне дома другим почти весь день, я остаток его отдаю своим близким, а себе, то есть литературе, не оставляю ничего.

Действительно, по возвращении к себе надо поговорить с женой, поболтать с детьми, потолковать со служителями. Все это я считаю делами, раз это необходимо выполнить (если не хочешь быть чужим у себя в доме). Вообще надо стараться быть возможно приятным по отношению к тем, кто дан тебе в спутники жизни или по предусмотрительности природы, или по игре случая, или по твоему выбору, только не следует портить их ласковостью или по снисходительности из слуг делать господ. Среди перечисленного мною уходят дни, месяцы, годы. Когда же тут писать? А между тем я ничего не говорил о сне, равно как и обеде, который поглощает у многих не меньше времени, чем самый сон, — а он поглощает почти половину жизни. Я же выгадываю себе только то время, которое краду у сна и еды; конечно, его мало, но все же оно представляет нечто, поэтому я хоть и медленно, но все же напоследок закончил «Утопию» и переслал тебе, друг Петр, чтобы ты прочел ее и напомнил, если что ускользнуло от меня. Правда, в этом отношении я чувствую за собой известную уверенность и хотел бы даже обладать умом и ученостью в такой же степени, в какой владею своей памятью, но все же не настолько полагаюсь на себя, чтобы думать, что я не мог ничего забыть.

Именно, мой питомец Иоанн Клемент, который, как тебе известно, был вместе с нами (я охотно позволяю ему присутствовать при всяком разговоре, от которого может быть для него какая-либо польза, так как ожидаю со вре-

менем прекрасных плодов от той травы, которая начала зеленеть в ходе его греческих и латинских занятий), привел меня в сильное смущение. Насколько я припоминаю, Гитлодей рассказывал, что Амауротский мост, который перекинут через реку Анидр, имеет в длину пятьсот шагов, а мой Иоанн говорит, что надо убавить двести; ширина реки, по его словам, не превышает трехсот шагов. Прошу тебе порыться в своей памяти. Если ты одних с ним мыслей, то соглашусь и я и признаю свою ошибку. Если же ты сам не припоминаешь, то я оставлю, как написал, именно то, что, по-моему, я помню сам. Конечно, я приложу все старание к тому, чтобы в моей книге не было никакого обмана, но, с другой стороны, в сомнительных случаях я скорее скажу невольно ложь, чем допущу ее по своей воле, так как предпочитаю быть лучше честным человеком, чем благоразумным.

Впрочем, этому горю легко будет помочь, если ты об этом разузнаешь у самого Рафаила или лично, или письменно, а это необходимо сделать также и по другому затруднению, которое возникло у нас, не знаю, по чьей вине: по моей ли скорее, или по твоей, или по вине самого Рафаила. Именно, ни нам не пришло в голову спросить, ни ему — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия. Я готов был бы, разумеется, искупить это упущение изрядной суммой денег из собственных средств. Ведь мне довольно стыдно, с одной стороны, не знать, в каком море находится остров, о котором я так много распространяюсь, а с другой стороны, у нас находятся несколько лиц, а в особенности одно, человек благочестивый и по специальности богослов, который горит изумительным стремлением посетить Утопию не из пустого желания или любопытства посмотреть на новое, а подбодрить и развить нашу религию, удачно там начавшуюся. Для надлежащего выполнения этого он решил предварительно принять меры к тому, чтобы его послал туда папа и даже чтобы его избрали в епископы утопийцам; его нисколько не затрудняет то, что этого сана ему приходится добиваться просьбами. Он

считает священным такое домогательство, которое порождено не соображениями почета или выгоды, а благочестием.

Поэтому прошу тебя, друг Петр, обратиться к Гитло-дею или лично, если ты можешь это удобно сделать, или списаться заочно и принять меры к тому, чтобы в настоящем моем сочинении не было никакого обмана или не было пропущено ничего верного. И едва ли не лучше показать ему самую книгу. Ведь никто другой не может наравне с ним исправить, какие там есть, ошибки, да и сам он не в силах исполнить это, если не прочтет до конца написанного мною. Сверх того, таким путем ты можешь понять, мирится ли он с тем, что это сочинение написано мною, или принимает это неохотно. Ведь если он решил сам описать свои странствия, то, вероятно, не захотел бы, чтобы это сделал я: во всяком случае, я не желал бы своей публикацией о государстве утопийцев предвосхитить у его истории цвет и прелесть новизны.

Впрочем, говоря по правде, я и сам еще не решил вполне, буду ли я вообще издавать книгу. Вкусы людей весьма разнообразны, характеры капризны, природа их в высшей степени неблагодарна, суждения доходят до полной нелепости. Поэтому несколько счастливее, по-видимому, чувствуют себя те, кто приятно и весело живет в свое удовольствие, чем те, кто терзает себя заботами об издании чего-нибудь, могущего одним принести пользу или удовольствие, тогда как у других вызовет отвращение или неблагодарность. Огромное большинство не знает литературы, многие презирают ее. Невежда отбрасывает как грубость все то, что не вполне невежественно; полузнайки отвергают как пошлость все то, что не изобилует стародавними словами; некоторым нравится только ветошь, большинству — только свое собственное. Один настолько угрем, что не допускает шуток; другой настолько неостроумен, что не переносит остроумия; некоторые настолько лишены насмешливости, что боятся всякого намека на нее, как укушенный бешеной собакой страшится воды; иные

до такой степени непостоянны, что сидя одобряют одно, а стоя — другое. Одни сидят в трактирах и судят о талантах писателей за стаканами вина, порицая с большим авторитетом все, что им угодно, и продергивая каждого за его писание, как за волосы, а сами меж тем находятся в безопасности и, как говорится в греческой поговорке, вне обстрела. Эти молодцы настолько гладки и выбриты со всех сторон, что у них нет и волоска, за который можно было бы ухватиться. Кроме того, есть люди настолько неблагодарные, что и после сильного наслаждения литературным произведением они все же не питают никакой особой любви к автору. Они вполне напоминают этим тех невежливых гостей, которые, получив в изобилии богатый обед, наконец сытые уходят домой, не принеся никакой благодарности пригласившему их. Вот и затевай теперь на свой счет пиршество для людей столь нежного вкуса, столь разнообразных настроений и, кроме того, для столь памятливых и благодарных.

А все же, друг Петр, ты устрой с Гитлодеем то, о чем я говорил. После, однако, у меня будет полная свобода принять по этому поводу новое решение. Впрочем, покончив с трудом писания, я, по пословице, поздно хватился за ум; поэтому, если это согласуется с желанием Гитлодея, я в дальнейшем последую касательно издания совету друзей, и прежде всего твоему. Прощайте, милейший Петр Эгидий и твоя прекрасная супруга, люби меня по-прежнему, я же люблю тебя еще больше прежнего.

ПЕРВАЯ КНИГА

*Беседа, которую вел выдающийся муж Рафаил
Гитлодей, о наилучшем состоянии государства,
в передаче знаменитого мужа Томаса Мора,
гражданина и виконта славного британского
города Лондона.*

Унепобедимейшего короля Англии Генриха, восьмого с этим именем, щедро украшенного всеми качествами выдающегося государя, были недавно немаловажные спорные дела с пресветлейшим государем Кастилии Карлом.

Для обсуждения и улажения их он отправил меня послом во Фландрию в качестве спутника и товарища несравненного мужа Кутберта Тунсталла, которого недавно, к всеобщей радости, король назначил начальником архивов. В похвалу ему я не скажу ничего, но не из боязни, что дружба с ним не будет верной свидетельницей моей искренности, а потому, что его доблесть и ученость стоят выше всякой моей оценки; затем повсеместная слава и известность его настолько исключают необходимость хвалить его, что, поступая так, я, по пословице, стал бы освещать солнце лампой.

Согласно предварительному условию, в Бругге встретились с нами представители государя, все выдающиеся мужи. Среди них первенствовал и был главою губернатор Бругге, а устами и сердцем посольства был Георгий Темзиций, настоятель собора в Касселе, красноречивый не только в силу искусства, но и от природы. К тому же он был превосходным знатоком права и выдающимся мастером в ведении переговоров благодаря своему уму, равно

как и постоянному опыту. После нескольких встреч мы не пришли к полному согласию по некоторым пунктам, и потому они, простившись с нами, поехали на несколько дней в Брюссель, чтобы узнать волю их государя. А я на это время, по требованию обстоятельств, отправился в Антверпен.

Во время пребывания там наиболее приятным из всех моих посетителей был Петр Эгидий, уроженец Антверпена, человек, пользующийся среди сограждан большим доверием и почетом и достойный еще большего. Неизвестно, что стоит выше в этом юноше — его ученость или нравственность, так как он и прекрасный человек и высокообразованный. К тому же он мил со всеми, а к друзьям особенно благожелателен, любит их, верен им, относится к ним так сердечно, что вряд ли найдешь где другого человека, которого можно было бы сравнить с ним в отношении дружбы. Он на редкость скромен, более всех других ему чужда напыщенность; ни в ком простодушие не связано в такой мере с благородствием. Речь его весьма изящна и безобидно-остроумна. Поэтому приятнейшее общение с ним и его в высокой степени сладостная беседа в значительной мере облегчили мне тоску по родине и домашнему очагу, по жене и детям, к свиданию с которыми я стремился с большой тревогой, так как тогда уже более четырех месяцев отсутствовал из дома.

Однажды я был на богослужении в храме Девы Марии, который является и красивейшим зданием, и всегда переполнен народом. По окончании обедни я собирался вернуться в гостиницу, как вдруг случайно вижу Петра, говорящим с иностранцем, близким по летам к старости, с опаленным от зноя лицом, отпущенной бородой, с плащом, небрежно свесившимся с плеча; по наружности и одежде он показался мне моряком. Заметив меня, Петр тотчас подходит и здоровается. Я хотел ответить ему, но он отводит меня несколько в сторону и спрашивает:

— Видишь ты этого человека? — Одновременно он показывает на того, кого я видел говорившим с ним. — Я собирался, — добавил он, — прямо отсюда вести его к тебе.

— Его приход был бы мне очень приятен, — ответил я, — ради тебя.

— Нет, — возразил Петр, — ради тебя, если бы ты знал этого человека. Нет ведь теперь никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это.

— Значит, — говорю, — я сделал неплохую догадку. Именно, сразу, с первого взгляда, я заметил, что это — моряк.

— И все-таки, — возразил Петр, — ты был очень далек от истины. Правда, он плавал по морю, но не как Палинур, а как Улисс, вернее — как Платон. Ведь этот Рафаил — таково его имя, а фамилия Гитлодей — не лишен знания латыни, а греческий он знает превосходно. Он потому усерднее занимался этим языком, чем римским, что всецело посвятил себя философии, а в области этой науки, как он узнал, по-латыни не существует ничего сколько-нибудь важного, кроме некоторых сочинений Сенеки и Цицерона. Оставив братьям имущество, которое было у него на родине (он португалец), он из желания посмотреть на мир примкнул к Америго Веспуччи и был постоянным его спутником в трех последующих путешествиях из тех четырех, про которые читают уже повсюду, но при последнем не вернулся с ним. Ибо Рафаил приложил все старание и добился у Веспуччи быть в числе тех двадцати четырех, кто был оставлен в крепости у границ последнего плавания. Таким образом, он был оставлен в угоду своему характеру, более склонному к странствиям по чужбине, чем к пышным мавзолеям на родине. Он ведь постоянно повторяет следующие изречения: «Небеса не имеющих урны укроют» и: «Дорога к всевышним отовсюду одинакова». Не будь божество благосклонно к нему, такие мысли его обошлись бы ему очень дорого.

В дальнейшем, после разлуки с Веспуччи, он с пятью своими товарищами по крепости объездил много стран, и напоследок удивительная случайность занесла его на Тапробану; оттуда прибыл он в Каликвит, где нашел, кстати,

корабли португальцев, и в конце концов неожиданно вернулся на родину.

После этого рассказа Петра я поблагодарил его за услужливость, именно — за усиленную заботу о том, чтобы мне насладиться беседой с тем лицом, разговор с которым, как он надеялся, будет мне приятен. Затем я поворачиваюсь к Рафаилу. Тут после взаимных приветствий и обмена теми общепринятыми фразами, которые обычно говорятся при первой встрече лиц незнакомых, мы идем ко мне домой и здесь в саду, усевшись на скамейке, покрытой зеленым дерном, начинаем разговор.

Рафаил рассказал нам, как после отъезда Веспуччи он сам и его товарищи, оставшиеся в крепости, начали мало-помалу, путем встреч и ласкового обхождения, приобретать себе расположение жителей той страны. В результате они не только жили среди них в безопасности, но чувствовали себя с ними по-приятельски; затем они вошли в милость и расположение к одному государю (имя его и название его страны выпали у меня из памяти). Благодаря его щедрости, продолжал Рафаил, как сам он, так и его товарищи получили в изобилии продовольствие и денежные средства, а вместе с тем и вполне надежного проводника. Он должен был доставить их — по воде на плотах, по сухе на повозках — к другим государствам, к которым они ехали с дружескими рекомендациями. После многодневного пути Рафаил, по его словам, нашел малые и большие города и густонаселенные государства с отнюдь не плохим устройством.

Действительно, под экваториальной линией, затем с обеих сторон вверх и вниз от нее, почти на всем пространстве, которое охватывает течение солнца, лежат обширные пустыни, высохшие от постоянного жара; в них повсюду нечистота, грязь, предметы имеют скорбный облик, все сурово и невозделано, заселено зверями и змеями или, наконец, людьми, не менее дикими, чем чудовища, и не менее вредными. Но по мере дальнейшего продвижения все мало-помалу смягчается: климат становится менее суровым, почва — привлекательной от зелени, природа живых

существ — более мягкой. Наконец открываются народы, города, большие и малые; в их среде постоянные торговые сношения по суше и по морю не только между ними и соседями, но даже и с племенами, живущими в отдалении.

По словам Рафаила, он имел возможность осмотреть многие страны во всех направлениях потому, что он и его товарищи весьма охотно допускались на всякий корабль, снаряжавшийся для любого плавания. Он рассказывал, что корабли, виденные им в первых странах, имели киль плоский, паруса на них натягивались из сшитых листьев папируса или из прутьев, в иных местах — из кож. Далее находили они кили заостренные, паруса пеньковые, наконец — во всем похожие на наши. Моряки оказались достаточно сведущими в знании моря и погоды.

Но, как он рассказывал, он приобрел у них огромное влияние, сообщив им употребление магнитной иглы, с которой они раньше были совершенно незнакомы и потому с робостью привыкали к морской пучине, доверяясь ей без колебаний не в иную пору, как только летом. Ныне же, крепко уповая на эту иглу, они презирают зиму. Результатом этого явилась скорее их беззаботность, чем безопасность; поэтому можно опасаться, как бы та вещь, которая, по их мнению, должна была принести им большую пользу, не явилась, в силу их неблагоразумия, причиной больших бедствий.

Слишком долго было бы излагать его рассказы о том, что он видел в каждой стране, да это и не входит в план настоящего сочинения и, может быть, будет передано нами в другом месте. Особенно полезным будет, конечно, прежде всего знакомство с теми правильными и мудрыми мероприятиями, которые он замечал где-либо у народов, живущих в гражданском благоустройстве. Об этом и мы расспрашивали его с большою жадностью, и он распространялся охотнее всего. Между тем мы оставили в стороне всякие вопросы о чудовищах, так как это представляется отнюдь не новым. Действительно, на хищных Сцилл, и Целен, и пожирающих народы Лестригонов и тому по-

добных бесчеловечных чудовищ можно наткнуться почти всюду, а граждан, воспитанных в здравых и разумных правилах, нельзя найти где угодно.

И вот, отметив у этих новых народов много превратных законов, Рафаил, с другой стороны, перечислил немало и таких, из которых можно взять примеры для исправления заблуждений наших городов, народов, племен и царств; об этом, как я сказал, я обещаюсь упомянуть в другом месте. Теперь я имею в виду только привести его рассказ об обычаях и учреждениях утопийцев, но предварительно все же передам тот разговор, который послужил как бы путеводной нитью к упоминанию этого государства.

Именно, Рафаил стал весьма умно перечислять сперва ошибки наши и тех народов, во всяком случае, очень многочисленные с обеих сторон, а затем мудрые и благоразумные распоряжения у нас, равно как и у них. При этом он излагал обычай и учреждения каждого народа так, что казалось, будто, попадая в какое-либо место, он прожил там всю жизнь.

Тогда Петр в восхищении воскликнул:

— Друг Рафаил, почему ты не пристроишься при каком-либо государе? Я убежден, что ты вполне угодишь каждому из них, так как в силу такой своей учености и такого знания мест и людей ты способен не только позабавить, но привести поучительный пример и помочь советом. Вместе с тем таким способом ты сможешь отлично устроить и собственные дела, оказать большую помощь преуспению всех твоих близких.

— Что касается моих близких, — возразил Рафаил, — то я не очень волнуюсь из-за них. Я считаю, что посильнo выполнил лежавший на мне долг по отношению к ним. Именно, будучи не только вполне здоровым и бодрым, но и молодым человеком, я распределил между родственниками и друзьями свое имущество. А обычно другие отступают от него только под старость и при болезни, да и тогда даже отступаются с трудом, будучи не в силах более удержать его. Думаю, что мои близкие должны быть до-

вольны этой моей милостью и не будут требовать и ждать того, чтобы ради них я пошел служить царям.

— Не выражайся резко! — заметил Петр. — Я имел в виду не служить царям, а усугубить им.

— Но это, — ответил Рафаил, — только один лишний слог по сравнению с служить.

— А я, — возразил Петр, — думаю так: как бы ты ни называл это занятие, именно оно является средством, которым ты можешь принести пользу не только тесному кругу лиц, но и обществу, а также улучшить свое собственное положение.

— Улучшится ли оно, — спросил Рафаил, — тем путем, который мне не по сердцу? Ведь теперь я живу так, как хочу, а я почти уверен, что это — удел немногих порфироносцев! Разве мало таких лиц, которые сами ищут дружбы с владыками, и разве, по-твоему, получится большой урон, если они обойдутся без меня или без кого-либо мне подобного?

Тогда вступаю в беседу я:

— Друг Рафаил, ты, очевидно, не стремишься ни к богатству, ни к могуществу, и, разумеется, человека с таким образом мыслей я уважаю и почитаю не менее, чем и каждого из тех, кто обладает наивысшим могуществом. Но, как мне кажется, ты поступишь с полным достоинством для себя и для твоего столь возвышенного и истинно философского ума, если постараешься даже с известным личным ущербом отдать свой талант и усердие на служение обществу; а этого ты никогда не можешь осуществить с такой пользой, как если ты станешь советником какого-либо великого государя и, в чем я уверен, начнешь внушать ему надлежащие честные мысли. Не надо забывать, что государь, подобно неиссякаемому источнику, изливает на весь народ поток всего хорошего и дурного. Ты же всегда, даже без большой житейской практики, явишься превосходным советником для всякого из королей благодаря твоей совершенной учености и даже без всякой учености, благодаря твоей многосторонней опытности.

— Друг Мор, — ответил Рафаил, — ты дважды ошибаешься: во-первых, в отношении меня, во-вторых, по сути дела. У меня нет тех способностей, которые ты мне приписываешь, а если бы они и были, то, жертвуя для дела своим бездействием, я не принес бы никакой пользы государству. Прежде всего все короли в большинстве случаев охотнее отдают свое время только военным наукам (а у меня в них нет опыта, да я и не желаю этого), чем благим деяниям мира; затем государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным. Кроме того, из всех советников королей нет никого, кто действительно настолько умен, чтобы не нуждаться в советах другого, однако каждый представляется самому себе настолько умным, что не желает одобрять чужое мнение. Впрочем, есть исключение: советники льстиво и низкопоклонно по-твортствуют каждому нелепому мнению лиц, пользующихся у государя наибольшим влиянием, желая подобной лестью расположить их к себе. И, во всяком случае, природой так устроено, что каждому нравятся его произведения. Так и ворону мил его выводок, и обезьяне люб ее детеныш.

Поэтому, если в кругу подобных лиц, завидующих чужим мнениям и предпочитающих собственные, кто-нибудь приведет факт, вычитанный им из истории прошлого или замеченный в других странах, то слушатели относятся к этому так, как будто вся репутация их мудрости подвергается опасности и после этого замечания их сочтут круглыми дураками, если они не сумеют придумать чего-нибудь такого, чем можно опорочить чужую выдумку. Если других средств нет, то они прибегают к следующему: это, говорят они, нравилось нашим предкам, а мы желали бы равняться с ними в мудрости. И на этом они успокаиваются, считая, что подобным замечанием прекрасно себя защищили. Как будто великая опасность получится от того, если кто в каком-либо деле окажется умнее своих предков. А между тем всему, что ими удачно установлено, мы с пол-

ным спокойствием предоставляем существовать. Но если по какому-либо поводу можно придумать нечто более благоразумное, то мы тотчас страстно хватаемся за этот довод и цепко держимся установленного ранее. С подобными высокомерными, нелепыми и капризными суждениями я встречался неоднократно в других местах, а особенно однажды столкнулся с ними в Англии.

— Скажи, пожалуйста, спрашиваю я, — так ты был в нашей стране?

— Да, — ответил он, — и провел там несколько месяцев после поражения западных англичан в гражданской войне против короля, которая была подавлена безжалостным их избиением. В это время я многим обязан был до-сточтимому отцу Иоанну Мортону, архиепископу Кентерберийскому и кардиналу, а тогда также и канцлеру Англии. Этот муж, друг Петр (я обращаюсь к тебе, так как Мор знает, что я имею в виду сказать), внушал уважение столько же своим авторитетом, как благоразумием и добродетелью. Стан у него был средний, но не согбенный от возраста, хотя и преклонного. Лицо внушало почтение, а не страх. В обхождении он был не тяжел, но серьезен и важен. У него появлялось иногда желание слишком сурового обращения с просителями, впрочем без вреда для них; он хотел этим испытать, какою находчивостью, каким присутствием духа обладает каждый. В смелости их, но отнюдь не связанной с нахальством, он находил большое удовольствие, так как это качество было сродни и ему самому, и он признавал такого человека пригодным для служебной деятельности. Речь его была гладкая и проникновенная. Он обладал пре-восходным знанием права, несравненным остроумием, на редкость дивной памятью. Эти выдающиеся природные качества он развил учением и упражнением.

Король вполне полагался на его советы; в мою бытность там находило в них опору и государство. С ранней юности, прямо со школьной скамейки, попал он ко двору, провел всю жизнь среди важных дел и, постоянно подвергаясь превратностям судьбы, среди многих и великих опас-

ностей приобрел большой государственный опыт, который, будучи получен таким образом, нескоро исчезает.

По счастливой случайности я присутствовал однажды за его столом; тут же был один мирянин, знаток ваших законов. Не знаю, по какому поводу он нашел удобный случай для обстоятельной похвалы тому суровому правосудию, которое применялось в то время по отношению к ворам; их, как он рассказывал, вешали иногда по двадцати на одной виселице. Тем более удивительным, по его словам, выходило то, что, хотя незначительное меньшинство ускользало от казни, в силу какого-то злого рока, многие все же повсюду занимались разбоями. Тогда я, рискнув говорить свободно в присутствии кардинала, заявил:

«Ничего тут нет удивительного. Такое наказание воров заходит за границы справедливости и вредно для блага государства. Действительно, простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание. В этом отношении вы, как и значительная часть людей на свете, по-видимому, подражаете плохим педагогам, которые охотнее бьют учеников, чем их учат. В самом деле, вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать».

«В этом отношении, — отвечал тот, — принятые достаточные меры, существуют ремесла, существует земледелие: ими можно поддержать жизнь, если люди сами не предпочтут быть дурными».

«Нет, так тебе не вывернуться, — отвечаю я. — Оставим, прежде всего, тех, кто часто возвращается домой каляками с войн внешних или гражданских, как недавно у вас после битвы при Корнуэлле и немного ранее — после войн с Францией. После потери членов тела ради государства и ради короля убожество не позволяет им вернуться к преж-

ним занятиям, а возраст — изучить новые. Но, повторяю, оставим это, так как войны происходят через известные промежутки времени. Обратимся к тому, что бывает всякий день.

Во-первых, существует огромное число знати: она, подобно трутням, живет праздно, трудами других, именно — арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса. Только такая скрупость и знакома этим людям, в общем расточительным до нищеты. Мало того, эти аристократы окружают себя также огромной толпой телохранителей, которые не учились никогда никакому способу снискивать пропитание. Но стоит господину умереть или этим слугам заболеть, как их тотчас выбрасывают вон. Хозяева охотнее содержат праздных, чем больных, и часто наследник умершего не в силах содержать отцовскую челядь. И вот они усиленно голодают, если не начинают усиленно разбойничать. Действительно, что им делать? Когда в скитаниях они поизносят несколько пласти и поизносятся сами, то подкошенных болезнью и покрытых лохмотьями не соблаговолят принять благородные и не посмеют крестьяне. Эти последние прекрасно знают, что человек, деликатно воспитанный среди праздности и наслаждений, со шпагой на боку и со щитом в руке, привык только хвастливо бросать гордые взгляды на соседей и презирать всех по сравнению с собою, а отнюдь не пригоден для того, чтобы с заступом и мотыгой за скучное вознаграждение и скромный стол верно служить бедняку».

На это мой собеседник возразил:

«А нам, однако, надо особенно поддерживать людей этого рода; в них ведь, как в людях более возвышенного и благородного настроения, заключается, в случае если дело дойдет до войны, главная сила и крепость войска».

«Отлично, — отвечаю я, — с таким же основанием ты мог бы сказать, что ради войны надо поддерживать и вооруженных, от которых, несомненно, вы никогда не избавитесь, пока у вас будут эти дворовые. Почему, с одной стороны, разбойникам не быть вполне расторопными солдатами,

а с другой, солдатам — самыми отъявленными трусами из разбойников, — до такой степени эти два занятия прекрасно подходят друг к другу. Впрочем, этот порок, несмотря на свою распространенность у вас, не составляет, однако, вашей отличительной особенности: он общий у всех почти народов. Так, что касается Франции, то ее сверх этого разоряет другая язва, еще более губительная: вся страна даже и во время мира (если это можно назвать миром) наполнена и осаждена наемными солдатами, призванными в силу того же убеждения, в силу которого вы признали нужным держать здесь праздных слуг. Именно, эти умные дураки решили, что благо государства заключается в том, что оно должно иметь всегда наготове сильный и крепкий гарнизон, состоящий главным образом из ветеранов: эти политики отнюдь не доверяют новобранцам. Поэтому им приходится искать войны даже и для того, чтобы дать опыт солдатам и вообще иметь людей для резни; иначе, по оструумному замечанию Саллюстия, руки и дух закоченеют в бездействии.

Франция познала собственным бедствием, насколько гибельно содержать чудовищ такого рода, а с другой стороны, то же доказывают примеры римлян, карфагенян, сирийцев и вообще многих народов. Постоянные войска всех этих народов уничтожили по разным поводам не только их владычество, но поля и даже самые города. В какой степени, однако, это не вызывается необходимостью, видно хотя бы из следующего: даже и французские солдаты, вполне от молодых ногтей закаленные в боях, при столкновении с вашими призывными не могут слишком часто похвастаться победами. Впрочем, я не буду дальше распространяться об этом в вашем присутствии, чтобы не оказаться льстецом. Но нельзя думать, чтобы и у вас праздные телохранители аристократов внушали больший страх вашим городским ремесленникам или простым и грубым земледельцам, кроме разве как тем из них, кто по своему телосложению не отличается особой физической силой и отвагой или чья бодрость надломлена имущественными недостатками. По-

этому нет никакого основания опасаться, что эти сильные и крепкие физически люди (ведь только отборные удостаиваются развращенного внимания аристократии), теперь слабеющие в праздности или в занятиях чуть ли не женских, станут недостаточно мужественны, если получат подготовку для жизни в полезных ремеслах и мужских трудах. Во всяком случае, мне отнюдь не представляется полезным для государства содержать на случай войны, которой у вас никогда не будет без вашего желания, беспредельную толпу людей такого рода; они вредят миру, о котором, во всяком случае, надо заботиться гораздо больше, чем о войне.

Впрочем, это не единственная причина для воровства. Есть другая, насколько я полагаю, более присущая специально вам».

«Какая же это?» — спросил кардинал.

«Ваши овцы, — отвечаю я, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастили от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастища, сносят дома, разрушают города, делают из храмов свиные стойла. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

Таким образом, с тех пор как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон арендаторов, лишает их — или опутанных обманом, или подавленных насилием — даже их собствен-

ного достояния или, замучив обидами, вынуждает к продаже его. Во всяком случае, происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домочадцами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого, даже если бы она могла дожидаться покупателя, они продают за бесценок при необходимости сбыть ее. А когда они в своих странствиях быстро потратят это, то что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение, — никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его. А хлебопашству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха вообще, чтобы пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук.

От этого также сильно поднялась во многих местах цена на хлеб. Мало того, и сама шерсть возросла в цене настолько, что покупать ее стало совершенно не под силу более бедным людям, занимавшимся приготовлением из нее одежды, и потому большинство из них от дела должно переходить к праздности. Дело в том, что после умножения пастбищ бесчисленное количество овец погибло от чумы, как будто этот мор, посланный на овец, был отмщением свыше за алчность их владельцев, хотя справедливее было бы обратить эту гибель на собственные головы владельцев. Но если даже количество овец сильно возрастет, то цена на шерсть все же нисколько не спадет, потому что если продажу ее нельзя назвать монополией, так как этим занято не одно лицо, то, во всяком случае, это — олигополия. Ведь это дело попало в руки немногих и притом богатых людей, которых никакая необходимость не вынуждает продавать раньше, чем это им заблагорассудится, а благо-

рассудится им не раньше, чем станет возможным продать за сколько им заблагорассудится. Та же причина вызывает одинаковую дороговизну и прочих пород скота, и даже в тем большей степени, что с разрушением поместий и сокращением хлебопашества нет лиц, которые бы заботились о приплоде. Упомянутые богачи не выращивают ни ягнят, ни телят, но, купив их в других местах за дешевую цену, они откармливают их на своих пастбищах и перепродают дорого. Позволяю себе думать, что все неудобство такого положения дел еще не ощущается. Именно, до сих пор эти лица создают дороговизну скота только там, где продают его. Но когда они будут вывозить его с места покупки несколько быстрее, чем он может рождаться, то и там также запас его будет мало-помалу уменьшаться, и здесь по необходимости недостаток его будет очень ощутителен.

Таким образом, ненасытная алчность немногих лиц обратила в гибель вашему острову то самое, от чего он казался особенно счастливым. Эта дороговизна хлеба служит причиной того, что каждый отпускает от себя возможно большее количество челядинцев, но, спрашивается, на что, как не на нищету или — к чему можно легче склонить благородные натуры — на разбой?

Далее, к этой жалкой нищете и скудости присоединяется неуместная роскошь. Именно, и у слуг знати, и у ремесленников, и почти что у самих крестьян, одним словом, у всех сословий заметно много чрезмерной пышности в одежде, излишняя роскошь в еде. Разве не посылают прямо на разбой своих поклонников, после предварительного быстрого опустошения их кошельков, все эти харчевни, притоны, публичные дома и еще раз публичные дома в виде винных и пивных лавок, наконец, столько бесчестных игр — кости, карты, стопка, большие и малые мячи, диск?

Уничтожьте эти губительные язвы, постановите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстановили их, или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скопки, производимые богачами, их своеволие, переходящее как бы в их монополию. Кормите меньше дармоедов.

Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почетным делом! Пусть с пользой занимается им эта праздная толпа: те, кого до сих пор бедность сделала ворами, или те, кто является теперь бродягами либо праздными слугами, — то есть в обоих случаях будущие воры. Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным. В самом деле, вы даете людям негодное воспитание, портите мало-помалу с юных лет их нравственность, а признаете их достойными наказания только тогда, когда они, прия в зрелый возраст, совершают позорные деяния; но этого можно было постоянно ожидать от них начиная с детства. Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караete?»

Во время этой моей речи упомянутый правовед сосредоточенно приготовился к возражению. Он решился прибегнуть к тому обычному способу рассуждения, когда с большим старанием повторяют доводы противника, чем отвечают на них; такие возражатели вменяют себе в заслугу прежде всего свою хорошую память.

«Ты, конечно, — начал он, — сказал красиво; но легко догадаться, что ты иностранец, который мог скорее кое-что слышать об этих делах, чем иметь о них какие-либо точные сведения; это я и выявлю в немногих словах. Именно, прежде всего я перечислю по порядку твои доводы; затем покажу, в каких пунктах ты ошибся в силу незнания наших обстоятельств; наконец, разобью и опровергну все твои положения. Так вот, начиная, согласно обещанию, с первого, ты, как мне показалось, в четырех пункта...»

«Молчи, — перебил кардинал, раз ты начинаешь так, то собираешься отвечать не в немногих словах. Поэтому мы освободим тебя в настоящее время от этого тягостного ответа. Но сохраним за тобою такую задачу целиком во второй вашей встрече; ее мне желательно было бы устроить завтра, если ничто не помешает ни тебе, ни Рафаилу.

А пока, друг Рафаил, я очень охотно услышал бы от тебя, почему ты не признаешь нужным карать воровство высшей мерой наказания и какую кару за него, более полезную для общества, назначаешь ты сам; ведь и ты также не признаешь воровство терпимым. А если теперь люди рвутся воровать, несмотря на смерть, то, раз устранен будет страх ее, какая сила, какой страх может отпугнуть злодеев: смягчение наказания они, пожалуй, истолкуют как поощрение и приглашение к злодействию?»

«Во всяком случае, всемилостивейший владыка, — отвечаю я, — по моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право вышею несправедливостью? Действительно, нельзя одобрить, с одной стороны, достойные Манлия законы, повелевающие обнажать меч за малейшее нарушение дисциплины; с другой стороны, порицания заслуживают и стойческие положения, признающие все прегрешения до такой степени равными, что, по их мнению, нет никакой разницы между убийством человека и кражей у него гроша; а на самом деле между этими преступлениями, рассматривая их сколько-нибудь беспристрастно, нет никакого сходства и родства. Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы так легко убиваем за отнятие ничтожной суммы денег. Если же кто-нибудь стал бы толковать это так, что данное повеление божие запрещает убийство во всех случаях, кроме тех, когда оно допускается человеческими законами, то что же мешает людям точно таким же образом согласиться между собой о допустимости разврата, прелюбодеяния и клятвопреступления? Бог отнял право лишать жизни не только другого, но и себя самого; так неужели соглашение людей об убийстве друг друга, принятое при определенных судебных условиях, должно иметь такую силу, чтобы освобождать от применения этой запо-

веди сто исполнителей, которые без всякого указания божия уничтожают тех, кого велел им убить людской приговор? Не будет ли в силу этого данная заповедь божия правомочной только постольку, поскольку допустит ее право человеческое? В результате люди таким же образом могут принять общее постановление о том, в какой мере следует вообще исполнять повеления божии. Наконец, и закон Моисеев, несмотря на все его немилосердие и соровость (он дан был против рабов, и притом упрямых), все же карал за кражу денежным штрафом, а не смертью. Не будем же думать, что в новом законе милосердия, где бог повелевает, как отец детям, он предоставил нам больший произвол свирепствовать друг против друга.

Вот причины, по которым я выскзываюсь против казни. А насколько нелепо и даже гибельно для государства карать одинаково вора и убийцу, это, думаю, известно всякому. Именно, если разбойник видит, что при осуждении только за кражу ему грозит не меньшая опасность, как за уличение еще и в убийстве, то этот один расчет побуждает его к убийству того, кого при других обстоятельствах он собирался только ограбить. Действительно, в случае поимки опасность для него нисколько не увеличивается, а при убийстве она даже уменьшается, так как с уничтожением доказчика преступления можно иметь большую надежду скрыться. Поэтому, стремясь чересчур сильно устрашить воров, мы подстрекаем их к уничтожению хороших людей.

Что же касается обычного дальнейшего вопроса, какое наказание может быть более подходящим, то ответить на это, по моему мнению, несколько легче, чем на то, какое наказание может быть еще хуже. Зачем нам сомневаться в пользе того способа кары за злодеяния, который, как мы знаем, был так долго в ходу у римлян, весьма опытных в управлении государством? Именно уличенных в крупных злодеяниях они присуждали к каменоломням и рудникам, держа их, кроме того, постоянно в кандалах.

Впрочем, в этом отношении я ни у одного народа не нахожу лучшего порядка, чем тот, какой я наблюдал и за-

метил, путешествуя по Персии, у так называемых полилеритов; это — народ не маленький и вполне разумно организованный. За исключением дани, платимой им ежегодно персидскому царю, он в остальных отношениях свободен и управляет по своим законам. Живя далеко от моря и будучи почти со всех сторон окружены горами, они довольствуются плодами своей земли, отнюдь ни в чем не скрупульты, и сами не часто посещают других, не часто и посещаются; по старинному национальному обычаю, они не стремятся к расширению своих границ, которые в их теперешнем виде легко защищены от всякого несправедливого посягательства горами и платой, вносимой могущественному властелину. Вполне свободные от военной службы, они живут не столько блестяще, сколько благополучно, и скорее счастливо, чем пышно и славно; даже самое имя их известно только ближайшим соседям.

Так вот, у полилеритов пойманные при краже возвращают утащенное хозяину, а не государю, как это обычно делается в других местах: по мнению этого народа, у государя столько же прав на украденную вещь, как и у самого вора. Если же вещь пропадет, то после оценки стоимость ее выплачивается из имущества воров, остальное же отдается целиком их женам и детям, а сами воры осуждаются на общественные работы. Если совершение кражи не осложнено преступлением, то похитителей не сажают в тюрьму, избавляют от кандалов, и они свободно и беспрепятственно занимаются общественными работами. Если же преступники уклоняются от них или производят их слишком вяло, то их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами. Работающие усердно избавлены от оскорблений; только ночью, после поименного счета, их запирают по камерам. Кроме постоянного труда, их жизнь не представляет никаких неприятностей. Питаются они не скучно: работающие для государства — на казенный счет, в других случаях — по-разному. Иногда траты на них собираются путем милостины; хотя это путь очень ненадежный, однако, в силу присущего данному на-

роду милосердия, он дает результат, лучший всякого другого; в других местах назначаются для этого известные общественные доходы. В иных местах для этой потребности устанавливают определенный поголовный налог. Наконец, в некоторых местностях преступники не исполняют никаких общественных работ; но если то или иное частное лицо нуждается в наемных рабочих, оно нанимает на рынке любого из них за определенную плату, несколько дешевле по сравнению со свободным человеком; кроме того, раба за его леность позволяет наказать бичом.

В результате эти люди никогда не бывают без работы, и, помимо заработка на свое содержание, каждый вносит еще нечто в государственную казну. Все вместе и каждый в отдельности одеты они в один определенный цвет, волос им не бреют, а подстригают немного выше ушей, одно из которых слегка подрезают. Друзья могут давать каждому пищу, питье и платье надлежащего цвета; но дать деньги считается уголовным преступлением как для дающего, так и для получающего; не менее опасным является для человека свободного получать по какой бы то ни было причине монету от осужденного, равно как рабам (так называют осужденных) запрещается касаться оружия. Каждая область различает своих рабов особой отметкой, бросить которую считается уголовным преступлением, равно как показаться вне своих пределов и вести какой-либо разговор с рабом другой области. Замысел бегства является столь же опасным, как и самое бегство. За соучастие в таком решении рабу полагается казнь, свободному — рабство. С другой стороны, доносчику назначены награды: свободному — деньги, рабу — свобода, далее, обоим прощение и безнаказанность за соучастие; таким образом, приведение в исполнение дурного намерения ни в каком случае не может доставить большую безопасность, чем раскаяние в нем.

Законы и порядки насчет воровства таковы, как я сказал. Легко можно видеть, насколько они человечны и удобны. Гнев проявляется настолько, чтобы уничтожить пороки; но люди остаются в целости и встречают такое об-

хождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни искупить все то количество вреда, какое они причинили раньше.

Далее, не может быть никакого опасения за то, что они вернутся к прежним нравам. Мало того, путешественники при своем отправлении куда-либо считают себя в наибольшей безопасности, когда их проводниками являются именно эти рабы, которых они неоднократно меняют в каждой области. Действительно, для совершения разбоя рабы не видят ни в чем никакой подмоги: руки у них безоружны, деньги являются только доносчиком злодеяния, в случае поимки кара наготове, и нет абсолютно никакой надежды убежать куда бы то ни было. В самом деле, как сделать незаметным и скрыть свое бегство человеку, нисколько не похожему платьем на остальных? Разве только уйти голому? Да и в этом случае беглеца может выдать его урезанное ухо. Но, наконец, может, пожалуй, еще явиться опасение, что они вознамерятся составить заговор против государства. Как будто какая-нибудь отдельная округа может во звать такую надежду, не опросив и не подговорив предварительно рабов многих областей! Они не только лишены возможности устраивать заговоры, но им нельзя даже собраться вместе побеседовать и обменяться приветствиями: тут же надо признать, что они бесстрашно вверят своим сотоварищам такой план, умолчать о котором, как известно, опасно, а выдать его будет очень выгодно. С другой стороны, никто из рабов отнюдь нещен надежды на то, что если он будет послушен, скромен и подаст доказательства своего стремления исправиться в будущем, то он может под этими условиями рассчитывать на обратное получение свободы; это и делается ежегодно для нескольких лиц изуважения к их терпеливости».

Вот что я сказал и прибавил, что не вижу основания, почему бы этот образ действия не мог принести и в Англии гораздо большие плоды, чем та справедливость, которую так превозносил упомянутый правовед. Тогда этот последний заметил:

«Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности».

При этих словах он покачал головою, скривил презрительно губы и замолчал. Все присутствовавшие охотно согласились с его словами. Тогда кардинал заметил:

«Нелегко угадать, будет ли это иметь успех или нет, раз не сделано никакого предварительного опыта. Но если по произнесении смертного приговора государь велит отложить казнь, то можно применить обычай полилеритов, уничтожив привилегию заповедных мест; и вот тут, если результат дела докажет его пользу, правильно было бы ввести это установление; в противном случае заслуженная казнь тех, кто уже подвергся осуждению, будет так же полезна для государства и так же справедлива, как если бы она была совершена ранее; между тем опасности от этого не может быть никакой. Мало того, по-моему, подобный образ действия можно было бы с значительным успехом применить и к бродягам, а то в отношении их мы до сих пор не добились никаких результатов, несмотря на издание многочисленных законов».

Как только кардинал сказал это, все наперерыв осыпали похвалами его мысль, к которой раньше, в моих устах, отнеслись с пренебрежением; особое же одобрение заслужил пункт о бродягах, так как это была его собственная прибавка.

Не знаю, не лучше ли умолчать о том, что произошло далее, так как это было смешно; но все же я расскажу: эта было недурно и имело некоторое отношение к настоящей теме.

Случайно тут стоял один блюдолиз, который, по-видимому, хотел строить из себя дурака, но, притворяясь таким, был очень близок к настоящему. Шутки его, которыми он старался насмешить, были настолько плоски, что сам он вызывал смех гораздо чаще, чем его слова. Но иногда все же у него вырывалось нечто совсем неглупое, что могло оправдать правильность поговорки: «При частой игре добьешься и выигрыша». Именно, один из гостей ска-

зал, что я в своей речи говорил о надлежащих мерах против воров, кардинал подумал о бродягах, и теперь государству остается только позаботиться о тех, кого довела до нищеты болезнь или старость и сделала их непригодными к труду для снискания себе пропитания. Тогда упомянутый блюдолиз заметил:

«Позволь мне, я и это устрою правильно. Я страстно желаю удалить куда-нибудь с глаз долой людей этого рода. Они мне сильно и часто надоедали своим требованием денег, сопровождаемым жалобными воплями, но никогда все же причитания их не имели такого успеха, чтобы вытянуть у меня монету. Выходило как-то всегда одно из двух: или мне не хотелось давать, или даже и нельзя было, так как не было ничего. Поэтому теперь они стали умнее; когда они видят, что я иду, то не трятят своего труда и пропускают молча: они совершенно не ждут ничего от меня, как будто бы я был священником. Так вот я и вношу закон, чтобы всех этих нищих разместить и распределить по бенедиктинским монастырям и сделать из них так называемых монахов-мирян, а женщинам я велю стать монахинями».

Кардинал улыбнулся и одобрил это как шутку, а другие приняли ее и всерьез.

Но замечание о священниках и монахах сильно развеселило одного из этих последних, ученого богослова, так что он и сам захотел пошутить, хотя в общем был серьезен до свирепости.

«Но и в этом случае, — заметил он, — ты не отделаешься от нищих, если не подумаешь и о нас — монашествующей братии».

«Да это уже предусмотрено, — ответил паразит. — Ведь кардинал прекрасно позаботился о вас, когда выносил постановление о задержании и привлечении к работе бродяг, ведь вы-то и есть главные бродяги».

При этих словах все взглянули на кардинала и, заметив, что он не отрицает этого, очень охотно подцепили это замечание, все, кроме монаха. Он (что и не удивительно), пораженный такой колкостью, пришел в негодование и до

того раскиптился, что не мог удержаться от ругательств: он назвал противника негодяем, подлецом, клеветником и сыном погибели, приводя вместе с тем страшные угрозы из Священного Писания. Тогда шут вошел в свою роль всерьез и почувствовал себя вполне как дома.

«Не гневайся, добрый брат, ответил он, — сказано в Писании: «В терпении вашем овладеете душами вашими».

На это монах (приведу его подлинные слова) ответил:

«Я не гневаюсь, висельник, или по крайней мере не грешу, и псалмопевец говорит: «Гневайтесь и не согрешайте».

Затем, в ответ на мягкое внушение кардинала удержать свои страсти, монах заметил:

«Я говорю, как должен, по добруму усердию. Ведь у святых людей было доброе усердие; отсюда и сказано: «Усердие по дому твоем съело меня». И в церквях поют: «Над Елисеем кто смеялся, когда в храм тот направлялся», усердие плешилого почуяли, — как почует, вероятно, и этот насмешник, шут, грубиян».

«Ты, — ответил кардинал, — поступаешь, может быть, с наилучшими побуждениями, но поступишь, по-моему, еще благочестивее, во всяком случае разумнее, если поведешь себя так, что не будешь вступать в смешное состязание с человеком глупым и смешным».

«Нет, владыка, — ответил тот, — я не поступил бы разумнее. Ведь сам премудрый Соломон говорит: «Отвечай глупому по глупости его», как я теперь и делаю и указываю ему яму, в которую он упадет, если не побережется как следует. Ведь если многие насмешники над Елисеем, который был только один плешилый, почувствовали усердие плешилого, то насколько сильнее почувствует это один насмешник над многими братьями, среди которых есть много плешилых? И вдобавок у нас есть папская булла, по которой все осмеивающие нас подлежат отлучению».

Кардинал, увидев, что этому не будет конца, отоспал кивком головы паразита и свел удачно разговор на другую тему, а затем немного спустя встал из-за стола и занялся делами своих подчиненных, отпустив нас.

Вот, друг Мор, каким длинным рассказом я замучил тебя; мне было бы очень стыдно так долго передавать это, но ты, с одной стороны, пламенно желал этого, а с другой, казалось, слушал так, как будто не желал ничего упустить из этого разговора. Но, во всяком случае, мне, хотя бы и в сжатом виде, надо было передать это, потому что те же лица, отвергнув высказанную мною мысль, сейчас же сами одобрили ее, услышав одобрение ей от кардинала. Они угощали ему до такой степени, что льстили даже выдумке его паразита, которую кардинал не отверг как шутку, и чуть не приняли ее всерьез. Отсюда ты можешь определить, какую цену имели бы в глазах придворных я и мои советы.

— Конечно, друг Рафаил, отвечаю я, — ты доставил мне большое удовольствие, до такой степени разумна вместе и изящна была вся твоя речь. Кроме того, во время ее мне представлялось, что я не только нахожусь на родине, но даже до известной степени переживаю свое детство, предаваясь приятным воспоминаниям о том кардинале, при дворе которого я воспитывался мальчиком. Друг Рафаил, хотя ты вообще очень дорог мне, но ты не поверишь, насколько стал ты мне дороже оттого, что с таким глубоким благоговением относишься к памяти этого мужа. Но все же я никоим образом не могу еще переменить своего мнения, а именно: если ты решишься не чуждаться дворцов государей, то своими советами можешь принести очень много пользы обществу. Исполнить это ты обязан прежде всего как человек честный. Ведь и твой Платон полагает, что государства будут благоденствовать только в том случае, если философы будут царями или цари философами; но как далеко будет это благоденствие, если философы не соблаговолят даже уделять свои советы царям?

— Нет, они не настолько неблагодарны, чтобы не делать этого с охотой, — возразил он, — наоборот, многие уже и выполнили это изданием своих книг; только бы носители верховной власти были готовы повиноваться добрым советам. Но Платон, без сомнения, отлично предвидел, что если цари не станут сами философами, то, совер-

шенно пропитанные и зараженные с детства превратными мнениями, они никогда не одобрят планов философов: это Платон испытал и сам при дворе Дионисия.

Как по-твоему, если я при дворе какого-нибудь короля предложу проекты здравых распоряжений и попытаюсь вырвать у него злые и гибельные семена, то разве я не подвергнусь немедленно изгнанию и не буду выставлен на посмешище?

Ну вот, предположи, что я нахожусь при дворе французского короля, состою в его Совете, и тут на самом секретном совещании, под председательством самого короля, в кругу умнейших людей, усиленно обсуждается вопрос, какими средствами и ухищрениями король может удержать Милан, привлечь к себе обратно беглый Неаполь, а затем разорить Венецию, подчинить себе всю Италию, далее, захватить власть над Фландрией, Брабантом, наконец, над всей Бургундией и, кроме того, над другими народами, на королевства которых он давно уже нападал мысленно. Тут один советник предлагает заключить союз с венецианцами, имеющий силу на столько времени, на сколько это будет удобно королю, сообщить им свои планы, даже оставить у них некоторую часть добычи, чтобы потребовать ее обратно при удовлетворительном окончании дела. Другой подает мысль о найме германцев, третий о том, чтобы задобрить деньгами швейцарцев, четвертый о том, чтобы умилостивить золотом, как жертвой, гнев августейшей воли его величества императора; пятому представляется необходимым уладить дела с королем Арагонии и, в залог мира, отказаться от чужого, не французского, королевства Наваррского; шестой предлагает опутать какими-нибудь брачными надеждами короля Кастилии и привлечь, за определенную ежегодную плату, на свою сторону нескольких знатных его царедворцев. Тут встречается главное затруднение, какое решение принять касательно Англии, во всяком случае, надо вести с ней переговоры о мире и закрепить наиболее прочными узами всегда непрочный союз с ней; надо называть англичан друзьями, а рассматривать

как недругов. Поэтому следует всегда держать наготове, как на карауле, шотландцев, имея их постоянно в виду для всяких случайностей, и тотчас выпустить на англичан, если те чуть-чуть зашевелятся. Для этого надо тайно (открыто-му осуществлению этого мешают союзные договоры) поддерживать какого-нибудь знатного изгнанника, который утверждает, что это королевство принадлежит ему, и таким средством обуздывать подозрительность короля Франции. Так вот, повторяю, если бы в такой напряженной обстановке, когда столько выдающихся мужей предлагают наперерыв свои планы для войны, встал вдруг я, ничтожный человек, и предложил повернуть паруса обратно, посоветовал оставить Италию и сказал бы, что надо сидеть дома, так как и одно Французское королевство слишком велико, чтобы им мог надлежаще управлять один человек, а потому пусть король откажется от мысли и расчетов на приобретение других земель, как ко мне отнеслись бы? Затем я мог бы предложить их вниманию постановления ахорицев, народа, живущего к юго-востоку напротив острова Утопии. Именно эти ахориццы вели когда-то войну, чтобы добыть своему королю другое королевство, которое, как он утверждал, должно было принадлежать ему по наследству в силу старинных уз свойства.

Добившись наконец этого королевства, ахориццы сразу увидели, что удержать его стоит отнюдь не меньше труда, чем сколько они потратили для его приобретения: новые подданные были постоянно недовольны ахорицами или подвергались иноземным набегам, поэтому надо было все время воевать или за них, или против них, и никогда не представлялось возможности распустить войско; а между тем собственная страна ахориццев подверглась разграблению, деньги уплывали за границу, они проливали свою кровь ради ничтожной и притом чужой славы, мир не делался никаким крепче, война испортила нравы внутри государства, жители прониклись страстью к разбоям; убийства укрепили в них наглую дерзость; законы стали предметом презрения. Между тем царь, внимание которо-

го развлекалось между двумя царствами, не мог сосредоточиться на котором-нибудь одном из них. Напоследок ахорийцы, видя, что этим сильным бедствиям не предвидится никакого конца, в результате совещания очень вежливо предложили своему королю удержать за собою одно, какое он хочет, царство, так как на два у него не хватит власти. Они говорили, что их слишком много для того, чтобы ими могла управлять половина короля, а с другой стороны, никто не согласится на то, чтобы даже погонщик мулов у него был общий с другим хозяином. Таким образом, этот благодушный монарх принужден был предоставить новое царство одному из друзей, который в скором времени был изгнан, а сам удовольствовался старым.

Так вот, если бы после истории об ахорийцах я указал королю, что все эти воинственные предприятия, которые по его вине вносят замешательство в жизнь стольких народов, истощат его казну, разорят подданных, а могут в силу какой-либо случайности кончиться ничем, и предложил бы ему заботиться о своем унаследованном от дедов королевстве, насколько возможно украшать его, привести его в самое цветущее состояние, любить своих подданных, снискать их любовь, жить одною с ними жизнью, управлять ими мягко и оставить в покое другие государства, раз то, которое ему досталось, более чем достаточно по своей величине, — как ты думаешь, друг Мор, с каким настроением принята была бы подобная речь?

— Разумеется, не очень благосклонно, — отвечаю я.

— Ну так пойдем дальше, продолжает он. — Допустим, что советники какого-либо короля в беседе с ним обсуждают и измышляют средства, как ему увеличить казну. Один советует повысить стоимость монеты, когда надо будет платить деньги, и, с другой стороны, понизить ценность ее ниже нормы, когда надо будет собирать капитал, — таким образом можно будет заплатить большую сумму малым количеством денег и за малую сумму приобрести много. Другой внушает притворно готовиться к войне и под этим предлогом собирать деньги, а устроив

это, заключить торжественный мир с религиозными обрядами и создать этим в глазах жалкой черни такое впечатление, что вот, мол, благочестивый государь из жалости к человечеству прекратил кровопролитие. Третий приводит ему на мысль какие-то старинные, съеденные червями законы, устаревшие от долгого неприменения их; так как никто не помнит об их издании, то они нарушены всеми, за что следует взыскивать штраф; доход от этого будет обильнее и почетнее всякого другого, так как на этом будет лежать личина справедливости. Четвертый предлагает запретить, под угрозой больших штрафов, многое, особенно такое, что идет вразрез с народными интересами, а потом поделиться полученными деньгами с теми, чьим выгодам наиболее препятствует этот указ; таким образом можно снискать расположение народа и получить двойную выгоду: с одной стороны, штрафам подвергаются только те, кого загнала в эти сети алчность к наживе, а с другой — дорогая цена на привилегии стоит в полном соответствии с прекрасными нравственными качествами государя, который с трудом дарует какому-нибудь частному лицу что-либо, идущее вразрез с выгодами народа, да и то не иначе, как по высокой цене. Пятый убеждает привлечь на свою сторону судей, чтобы они в решении всякого дела принимали во внимание права короля; кроме того, их следует позвать во дворец и приглашать разбирать дела в королевском присутствии; тогда ни одно дело короля не будет настолько несправедливым, чтобы кто-нибудь из судей — или из желания противоречить, или из стыда повторить то же самое, или с целью снискать милости властелина — не нашел в этом процессе какой-нибудь щели, через которую могла бы проскользнуть какая-нибудь кляузуза; таким образом, при разногласии судей дело, само по себе вполне очевидное, возбуждает обсуждение, истина вызывает споры, а это как раз предоставляет королю повод для истолкования закона в свою пользу; остальные присоединятся к этому или из стыда, или из страха; поэтому в результате с трибунала бестрепетно произно-

сится соответственный приговор; ведь при подаче голоса за государя предлог всегда найдется: для этого достаточно, чтобы на его стороне были или справедливость, или слова закона, или запутанность смысла документа, или, наконец, то, что в глазах благочестивых судей стоит выше законов, — неоспоримая прерогатива государя. Все эти советники вполне единодушно и согласно признают следующие положения: правильность изречения Красса, что никакого количества золота не достаточно для государя, которому надо содержать войско; затем король даже при самом сильном своем желании ни в чем не может поступать несправедливо, потому что все и у всех принадлежит ему, как и самые люди, а у каждого имеется собственность лишь настолько, насколько ее не отняла у него королевская милость; при этом для государя очень важно, чтобы такой собственности было возможно меньше, потому что главный оплот его власти заключается в том, чтобы не дать народу избаловаться от богатства и свободы, когда люди не очень-то милятся с жестокими и несправедливыми приказаниями, между тем как, наоборот, нищета и недостаток притупляют настроение, приучают к терпению и отнимают у угнетенных благородный дух восстания. И вот тут опять поднимусь я и стану спорить, что все эти советы для короля и бесчестны и гибельны, так как не только честь его, но и его безопасность заключаются скорее в благосостоянии народа, чем в собственной казне короля. Затем я покажу, что они выбирают короля для себя, а не для него самого, именно — чтобы, благодаря его труду и расположению, жить в благополучии и безопасности от обид, и королю подобает больше заботиться о том, чтобы хорошо было народу, а не ему самому; таким же образом на обязанности пастуха, поскольку он является овчаром, лежит скорее питать овец, чем себя самого. Если, далее, советники полагают, что нищета народа служит охраной мира, то они жестоко ошибаются по самой сути дела. Действительно, где можно найти больше ссор, как не среди нищих? Кто интенсивнее стремится к перевороту, как не

тот, кому отнюдь не нравится существующий строй жизни? У кого, наконец, проявятся более дерзкие порывы привести все в замешательство с надеждой откуда-нибудь поживиться, как не у того, кому уже нечего более терять? Поэтому если какой-нибудь царь вызывает у своих подданных такое презрение или ненависть, что может удержать их в повиновении, только действуя оскорблениеми, грабежом и конфискацией и доводя людей до нищенства, то ему, конечно, лучше будет отказаться от королевства, чем удерживать его такими средствами, при которых если он и удерживает свой титул властелина, то, во всяком случае, теряет свое величие. Несовместимо с королевским достоинством проявлять свою власть над нищими, а скорее над людьми достаточными и зажиточными. Это именно и отметил муж ума высокого и благородного, Фабриций, в своем ответе, что он предпочитает управлять богачами, а не быть богачом. И, конечно, допускать, чтобы кто-нибудь один жил среди изобилия удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонали и плакали — это значит быть сторожем не королевства, а тюрьмы. Наконец, как полным неучем является тот врач, который умеет лечить болезнь только болезнью же, так и тот, кто не может исправить жизнь граждан другим путем, как только отнимая у них блага жизни, должен признаться в своем неумении управлять людьми свободными; мало того, ему следует отказаться от своей косности или высокомерия: этими пороками он вызовет у народа или презрение, или ненависть; он должен, никому не вредя, жить на свои средства, сводить расход с приходом, обуздывать злодеяния, правильным наставлением подданных скорее предупреждая их, чем давая им усиливаться с целью потом карать их; не следует зря возобновлять законы, отмененные обычаем, особенно такие, которые давно устарели и никогда не были желательными; никогда под предлогом штрафа не следует брать ничего такого, чего судья не позволил бы получить ни одному частному лицу, как добытого несправедливо и обманно. Наконец, я мог бы пред-

ложить на этом совещании закон макарийцев, которые также живут не очень далеко от Утопии. Именно, их король в первый день по вступлению на престол, после торжественных жертвоприношений, дает клятвенное обязательство не иметь никогда в казне одновременно свыше тысячи фунтов золота или серебра, равного по цене этому золоту. Говорят, что этот закон установил один превосходный король, больше заботившийся о благе родины, чем о своих богатствах. Закон должен был служить преградой для таких огромных накоплений денег, которые могли бы вызвать недостаток их в народе. Король видел, что этого капитала будет достаточно, если ему придется бороться с мятежниками или его королевству с вражеским нашествием, но этой суммы не хватит, чтобы создать соответственное настроение для нападения на чужие владения. Это было главной причиной для издания закона; вторая, по мнению короля, заключалась в предупреждении недостатка в деньгах для повседневного обращения их в народе; а так как король обязан выплачивать все то, что наростило в казне выше указанного законного размера, то в силу этого ему не надо будет искать повода к причинению обид подданным. Такой король будет внушать страх злодеям и приобретет любовь хороших граждан. Так вот, если эти и подобные положения я буду навязывать людям, сильно склонным к совершенно обратному образу мыслей, то не выступлю ли я в роли проповедника перед глухими?

— Несомненно, даже и перед сильно глухими, — отвечаю я. — Я, право, нисколько не удивлюсь этому, да, говоря по правде, мне и не представляется необходимым навязывать подобные разговоры и давать такие советы, которые, ты уверен, никогда не примут. Действительно, какую пользу может принести или каким образом может повлиять такая необычная речь на настроение тех, в чьем сердце заранее поместилось и засело совершенно противоположное убеждение? В дружеской беседе среди близких приятелей подобные схоластические рассуждения не лишены привлекательности, но в Советах государей, где

обсуждаются дела важные и с полным авторитетом, для них нет места.

— Это, — возразил он, — то самое, что я говорил: у государей нет места для философии.

— Да, — отвечаю я, — для той схоластической, которая считает, что она пригодна везде и всюду. Но есть и другая философия, более житейская, которая знает свою сцену действия и, приспособляясь к ней в той пьесе, которая у нее в руках, выдерживает свою роль стройно и благопристойно. Вот ее-то тебе и надо применять. Иначе допустим, что играют какую-нибудь пьесу Плавта, где жалкие рабы говорят вздор друг с другом, а ты вдруг выйдешь в философском одеянии на сцену впереди всех и начнешь декламировать из «Октавии» то место, где Сенека рассуждает с Нероном: разве не лучше будет изобразить лицо без речей, чем, декламируя неподходящее, устраивать подобную трагикомедию? Действительно, ты испортишь и исказишь данную пьесу, припутывая к ней противоположный материал, даже и в том случае, если твои прибавки будут лучше оригинала. Играй возможно лучше ту пьесу, которая у тебя под рукою, и не приводи ее в совершенный беспорядок тем, что тебе приходит на память из другой, хотя бы и более изящной.

Так обстоит дело в государстве, так и на совещаниях у государей. Если нельзя вырвать с корнем превратные мнения, если ты по своему искреннему убеждению не в силах излечить прочно вошедшие в житейский обиход пороки, то из-за этого не следует покидать государственных дел, как нельзя оставлять корабля в бурю, раз ты не можешь удержать ветров. Но нельзя насилием навязывать новые и необычные рассуждения людям, держащимся противоположных убеждений, так как эти рассуждения не будут иметь у них никакого веса; тебе же надо стремиться окольным путем к тому, чтобы по мере сил все выполнить удачно, а то, чего ты не можешь повернуть на хорошее, сделать по крайней мере возможно менее плохим. Ведь нельзя, чтобы все было хорошо, раз не хороши все люди,

а я не ожидаю, что это случится всего через несколько лет в будущем.

Рафаил ответил:

— Из этого не может выйти ничего другого, как то, что, стремясь вылечить бешенство других, я сам с ними сойду с ума. Ведь раз я хочу говорить правду, мне и необходимо так говорить. Впрочем, я не знаю, дело ли философа говорить ложь: но, во всяком случае, это не мое дело. Правда, эта моя речь, может быть, будет неприятна и тягостна моим противникам, но я все же не вижу, почему она должна казаться необычной до нелепости. Допустим, что я говорил бы то, что воображает Платон в своем «Государстве» или что делают утопийцы в своем; хотя это и было бы лучше, как оно и есть на самом деле, но все же могло бы показаться чуждым для нас, потому что здесь у каждого есть частная собственность, а там все общее.

Что касается моей речи, то она предостерегает от опасностей и указывает на них; поэтому она может быть неприятной только для тех, кто, идя по противоположной дороге, решил сбросить вместе с собою в пропасть и других; иначе — что в моих словах было такого, что бы нельзя было или не следовало сказать везде? Действительно, если надо опускать, как чуждое и нелепое, все то, чему порочные нравы людей придали вид необычного, то и у христиан надо скрывать многое из учения Христова, а он не только запретил скрывать это, но велел даже открыто на крышах проповедовать своим то, что нашептал им на ухо. Огромная часть этого гораздо более чужда современным нравам, чем была моя речь. Правда, проповедники, люди хитрые, следуя, думаю, твоему совету и видя, что для людей затруднительно приспособить свои нравы к правилам Христовым, приладили его учение к нравам, как свинцовую линейку, чтобы, разумеется, хоть каким-нибудь образом сочетать их. Я вижу, что они добились этим только того, что дурным людям живется беззаботнее; и я, конечно, добьюсь в Советах государей столь же больших результатов. Или я буду держаться мнений, противоположных

высказываемым, а это будет все равно, как если бы у меня не было никаких, или я буду думать то же самое и стану, по словам Теренциева Микиона, помощником их безумия. Я не постигаю, что значит тот окольный путь, которым, по-твоему, надо стремиться к тому, чтобы если нельзя все-го сделать хорошим, то хоть удачно повернуть это и пре-вратить, насколько возможно, в наименьшее зло. Там нет места для того, чтобы прятаться или смотреть сквозь паль-цы; надо открыто одобрять самые скверные мнения и под-писываться под самыми губительными решениями. Но даже скромная похвала бесчестным постановлениям была бы достойна только шпиона и почти что предателя.

Далее, попадая в такую среду, которая легче может ис-портировать даже прекрасного человека, чем исправиться сама, ты не можешь встретить ничего такого, где ты мог бы при-нести какую-нибудь пользу. Извращенные обычай такого общества или испортят тебя, или, оставаясь непорочным и невинным, ты будешь служить прикрытием чужой злобы и глупости; нечего и говорить тут о каких-либо дости-жениях путем упомянутой окольной дороги.

Поэтому Платон в очень красивом сравнении поясняет правильность воздержания философов от занятий государ-ственными делами. Именно, философы видят, что, высыпав на улицы, народ попал под проливной дождь, и не могут угово-рить его укрыться от дождя — зайти под крышу; и вот, зная, что если они выйдут на улицу, то ничего не добьются, кроме того, что промокнут сами, они остаются в доме, до-вольствуясь тем, что если не могут вылечить чужую глупость, то по крайней мере находятся в безопасности.

Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собствен-ность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо воз-можно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все луч-шее достается самым дурным, или удачным то, что все раз-делено очень немногим, да и те получают отнюдь не до-статочно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляет при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с ними столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало, каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение, или охрану, или ограничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны — никогда не оканчивающиеся процессы. Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаюсь более справедливым к Платону и менее удивляюсь его нежеланию давать какие-либо законы тем народам, которые отвергали законы, распределяющие все жизненные блага между всеми поровну. Этот мудрец легко усмотрел, что одинединственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно, если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно, первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она

останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить. Например, можно установить следующее: никто не должен иметь земельной собственности выше известного предела; сумма денежного имущества каждого может быть ограничена законами; могут быть изданы известные законы, запрещающие королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным; можно запретить приобретать должности подкупом или продажей; прохождение этих должностей не должно сопровождаться издержками, так как это представляет удобный случай к тому, чтобы потом наверстать эти деньги путем обманов и грабежей, и возникает необходимость назначать на эти должности людей богатых, тогда как люди умные выполнили бы эти обязанности гораздо лучше. Подобные законы, повторяю, могут облегчить и смягчить бедствия точно так же, как постоянные припарки обычно подкрепляют тело безнадежно больного. Но пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние. Мало того, заботясь об исцелении одной его части, ты растравляешь рану в других. Таким образом, от лечения одного взаимно рождается болезнь другого, раз никому нельзя ничего прибавить без отнятия у другого.

— А мне кажется наоборот, — возражаю я, — никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться? А когда людей будет подстрекать недостаток в продуктах и никакой закон не сможет охранять как личную собственность приобретенное каждым, то не будут ли тогда люди по необходимости страдать от постоянных кровопролитий и беспорядков? И это осуществится тем более, что исчезнет вся-

кое уважение и почтение к властям; я не могу даже представить, какое место найдется для них у таких людей, между которыми «нет никакого различия».

— Я не удивляюсь, — ответил Рафаил, — этому твоему мнению, так как ты совершенно не можешь вообразить такого положения или представляешь его ложно. А вот если бы ты побыл со мною в Утопии и сам посмотрел на их нравы и законы, как это сделал я, который прожил там пять лет и никогда не уехал бы оттуда, если бы не руководился желанием поведать об этом новом мире, — ты бы вполне признал, что нигде в другом месте ты не видал народа с более правильным устройством, чем там.

— Разумеется, — заметил Петр Эгидий, — ты с трудом можешь убедить меня, что народ с лучшим устройством находится в новом мире, а не в этом, известном нам; по-моему, здесь и умы нисколько не хуже, и государства постарше, чем там, да и долгий опыт придумал у нас много удобств для жизни людей; я не распространяюсь уже о некоторых случайных наших открытиях, для измышления которых не могло бы хватить никакого ума.

— Что касается древности их государств, — возразил Рафаил, — то ты мог бы судить правильнее, если бы прочитал историю тех стран; если ей следует верить, то у них города были раньше, чем у нас люди. Далее, и там и тут могло возникнуть все то, что до сих пор изобрел ум или добыл случай. Впрочем, я, во всяком случае, полагаю, что как мы превосходим их талантливостью, так они все же оставляют нас далеко позади своим усердием и трудолюбием. По свидетельству их летописей, до прибытия туда нашего корабля они ничего никогда не слыхали о наших делах (они называют нас «живущими за линией равноденствия»). Правда, некогда, лет тысяча двести тому назад, один корабль, который занесла туда буря, погиб от крушения у острова Утопии; были выброшены на берег какие-то римляне и египтяне, которые никогда потом оттуда не вернулись. Посмотри теперь, как умело воспользовалось этим удобным случаем их трудолюбие. От выброшенных чуже-

странцев утопийцы научились всякого рода искусствам, существовавшим в Римской империи и могущим принести какую-нибудь пользу, или, узнав только зародыши этих искусств, они изобрели их дополнительно. Столько хорошего принесло им то обстоятельство, что некоторые от нас всего один раз были занесены к ним. А если бы какой-нибудь подобный случай загнал ранее кого-нибудь оттуда к нам, то это так же изгладилось бы из памяти, как исчезнет, вероятно, у потомков то, что я когда-то был там. И как они сразу после одной встречи усвоили себе все то, что нами было хорошо придумано, так, думаю, пройдет много времени, прежде чем мы узнаем какое-либо из их учреждений, превосходящее наши. Причиной этого, полагаю, служит одно то, что, хотя мы не стоим ниже их ни по уму, ни по средствам, все же их государство имеет более разумный по сравнению с нами способ правления и процветает среди большего счастья.

— Поэтому, друг Рафаил, — говорю я, — убедительно прошу тебя — опиши нам этот остров; не старайся быть кратким, но расскажи по порядку про его земли, реки, города, жителей, их нравы, учреждения, законы и, наконец, про все, с чем ты признаешь желательным ознакомить нас, а ты должен признать, что мы желаем знать все, чего еще не знаем.

— Исполню это с особой охотой, — ответил он, — так как хорошо все помню. Но этот предмет потребует свободного времени.

— Так пойдем, — отвечаю, — в дом пообедать, а потом распорядимся временем по своему усмотрению.

— Хорошо, — сказал он.

Таким образом, мы вошли в дом и стали обедать.

После обеда мы вернулись на то же место, уселись на той же скамейке и приказали слугам, чтобы нам никто не мешал. Затем я и Петр Эгидий уговариваем Рафаила исполнить его обещание. Когда он заметил наше напряженное внимание и сильное желание послушать, то, посидев некоторое время молча и в раздумье, начал следующим образом.

ВТОРАЯ КНИГА

Беседа, которую вел Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче лондонского гражданина и виконта Томаса Мора.

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на две сти миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного; а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли. Вход в залив очень опасен из-за мелей с одной стороны и утесов — с другой. Почти на середине этого расстояния находится одна скала, которая выступает из воды, вследствие чего она не может принести вреда. На ней выстроена башня, занятая караулом. Остальные скалы скрыты под волнами и губительны. Проходы между ними известны только утопийцам, и поэтому не зря устроено так, что всякий иностранец может проникнуть в залив только с проводником от них. Впрочем, и для самих утопийцев вход не лишен опасности без некоторых сигналов, направляющих путь к берегу. Если перенести их в другие места, то легко можно погубить — какой угодно

по численности неприятельский флот. На другой стороне острова гавани встречаются довольно часто. Но повсюду спуск на берег настолько укреплен природою или искусством, что немногие защитники со стороны суши могут отразить огромные войска.

Впрочем, как говорят предания и как показывает самый облик земли, эта страна когда-то не была окружена морем. Но Утоп, чье победоносное имя носит остров (раньше этого он назывался Абракса), сразу же при первом прибытии после победы распорядился прорыть пятнадцать миль, на протяжении которых страна прилегала к материку, и провел море вокруг земли; этот же Утоп довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь они почти превосходят в этом отношении прочих смертных. Не желая, чтобы упомянутая работа считалась позорной, Утоп привлек к ней не только жителей, но, кроме того, и своих солдат. При распределении труда между таким множеством людей он был закончен с невероятной быстротой. Этот успех изумил и поразил ужасом соседей, которые вначале смеялись над бесполезностью предприятия.

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; языки, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность. Самые близкие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. С другой стороны, ни один город не является настолько уединенным, чтобы из него нельзя было добраться до другого пешком за один день.

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значитель-

но больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, людиуважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств — один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пребывавшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии. Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести сурровую жизнь, однако многие имеющие природную склонность к деревенской жизни, выращивают себе большее число лет. Земледельцы обрабатывают землю, кормят скот, заготавливают дрова и отвозят их в город каким удобно путем — по суше или по морю. Цыплят они выращивают в беспредельном количестве, с изумительным уменьем. Они не подкладывают под курицу яиц, но согревают большое количество их равномерной теплотою и таким образом оживляют и выращивают. Едва лишь цыплята вылупляются из скорлупы, как уже бегают за людьми, словно за матками, и признают их. Лошадей они держат очень немногих, при этом только ретивых и исключительно для упражнения молодежи в верховой езде. Весь труд по земледелию или перевозке несут быки. Утопийцы признают, что они уступают лошадям в рыси, но, с другой стороны,

берут над ними верх выносливостью; кроме того, они не считают быков подверженными многим болезням, и содержание их стоит меньших затрат и расходов.

Зерно они сеют только ради хлеба, а вино пьют или виноградное, или грушевое, или, наконец, иногда чистую воду, часто также отвар меда или солодкового корня, которого у них немалое количество. Хотя они определяют (и делают это весьма точно), сколько хлеба потребляет город и прилегающий к нему округ, однако они и посевы делают, и скот выращивают в гораздо большем количестве, чем это требуется для их нужд, имея в виду поделиться остатком с соседями. Все, что им нужно и чего нет в деревне, все подобные предметы они просят у города и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. В город они сходятся каждый месяц на праздник. Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой.

О городах и преимущественно об Амауроте

Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга, поскольку этому не мешает природа местности. Поэтому я изобразжу один какой-либо город (да и не очень важно, какой именно). Но какой же другой предпочтительнее Амаурота? Ни один город не представляется достойнее его, так как остальные уступают ему, как местопребыванию сената; вместе с тем ни один город не знаком мне более его, потому что я прожил в нем пять лет подряд.

Так вот Амаурот расположен на отлогом скате горы и по форме представляет почти квадрат. Именно, начинаясь несколько ниже вершины холма, он простирается в ши-

рину на две мили до реки Анидра, а вдоль берега ее длина города несколько больше.

Анидр начинается в восьмидесяти милях выше Амаурота, из небольшого родника; но, усиленный от притока других рек, в числе их двух даже средней величины, он перед самым городом расширяется до полутора миль, а затем, увеличившись еще более, он протекает шестьдесят миль и впадает в океан. На всем этом протяжении между городом и морем и даже на несколько миль выше города на быстрой реке каждые шесть часов чередуются прилив и отлив. Во время прилива море оттесняет реку назад и заполняет все русло Анидра своими волнами на тридцать миль в длину. Тут и несколько дальше оно портит соленой водой струи реки; затем она мало-помалу становится пресной, протекает по городу неиспорченной и, будучи чистой и без примесей, почти у самого устья догоняет, в свою очередь, сбывающую воду.

С противоположным берегом реки город соединен мостом не на деревянных столбах и сваях, а на прекрасных каменных арках. Мост устроен с той стороны, которая дальше всего отстоит от моря, так что корабли могут без вреда проходить мимо всей этой части города. Есть там, кроме того, и другая река, правда, небольшая, но очень тихая и привлекательная. Зарождаясь на той же самой горе, на которой расположен город, она протекает по склонам посредине его и соединяется с Анидром. Так как она начинается недалеко за городом, жители Амаурота соединили ее с ним, охватив укреплениями, чтобы в случае какого-либо вражеского нашествия воду нельзя было ни перехватить, ни отвести, ни испортить. Отсюда по кирпичным трубам вода стекает в различных направлениях к нижним частям города. Там, где местность не позволяет устроить этого, собирают в объемистые цистерны дождовую воду, приносящую такую же пользу.

Город опоясан высокой и широкой стеной с частыми башнями и бойницами. С трех сторон укрепления окружены сухим рвом, но широким, глубоким и заросшим огра-

дою из терновника; с четвертой стороны ров заменяет сама река. Расположение площадей удобно как для проезда, так и для защиты от ветров. Здания отнюдь не грязны. Длинный и непрерывный ряд их во всю улицу бросается в глаза зрителю обращенными к нему фасадами. Эти фасады разделяют улица в двадцать футов ширины. К задним частям домов на всем протяжении улицы прилегает сад, широкий и отовсюду загороженный задами улиц. Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди — на улицу и сзади — в сад. Двери двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают кого угодно — до такой степени у утопийцев устроена частная собственность. Даже самые дома они каждые десять лет меняют по жребию.

Сады они ценят высоко. Здесь имеются виноград, плоды, травы, цветы; все содержится в таком блестящем виде и так возделано, что нигде не видал я большего плодородия, большего изящества. В этом отношении усердие их разжигается не только самым удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц об уходе каждой за своим садом. И, во всяком случае, нелегко можно найти в целом городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для удовольствия. Поэтому основатель города ни о чем, по-видимому, не заботился в такой степени, как об этих садах.

Именно, как говорят, весь этот план города уже с самого начала начертан был Утопом. Но украшение и прощее убранство, — для чего, как он видел, не хватит жизни одного человека, — он оставил добавить потомкам. Поэтому в их летописях, которые они сохраняют в старательной и тщательной записи начиная с взятия острова, за период времени в 1760 лет, сказано, что дома были первоначально низкие, напоминавшие хижины и шалashi, делались без разбора из всякого дерева, стены обмазывались глиной, крыши сводились кверху острием и были соломенные. А теперь каждый дом бросается в глаза своей формой и имеет три этажа. Стены построены снаружи из камня, песчаника или кирпича, а внутри полые места засыпаны

щебнем. Крыши выведены плоские и покрыты какой-то замазкой, ничего не стоящей, но такого состава, что она не поддается огню, а по сопротивлению бурям превосходит свинец. Окна от ветров защищены стеклом, которое там в очень большом ходу, а иногда также тонким полотном, смазанным прозрачным маслом или янтарем, что представляет двойную выгоду: именно, таким образом они пропускают больше света и менее доступны ветрам.

О должностных лицах

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом — филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофиларх.

Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно — одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо се-

ната или народного собрания. Эта мера, говорят, принятия с тою целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранней. Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию си-фогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собою и свое решение сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум, ибо потом он будет более думать о том, как подкрепить свое первое решение, а не о пользе государства; извращенный и ложный стыд заставит его пожертвовать скорее общественным благом, нежели мнением о себе, что якобы вначале он мало позаботился о том, о чем ему надлежало позаботиться, а именно — говорить лучше обдуманно, чем быстро.

О занятии ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло, как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков, или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того

или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холodu и жаре. И вот эту одежду каждая семья приготовляет себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, желает еще и другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется на

личное усмотрение каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лености, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяют наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками. Кроме них, как мужчины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни — одних, другие — других, сообразно с естественным влечением каждого. Впрочем, если кто предпочтет посвятить это время своему ремеслу, — а это случается со многими, у кого нет стремления к проникновению в какую-либо науку, — то в этом никто ему не мешает; мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу государству.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна — это бой чисел, где одно число ловит другое; другая — в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями. В этой игре в высшей степени умело указывается и раздор пороков между собою, и согласие их в борьбе с добродетелями, а также то, какие пороки каким добродетелям противополагаются, с какими силами они оказывают открытое сопротивление, с какими ухищрениями нападают искося, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими искусствами уклоняются они от их нападений и, наконец, каким способом та или другая сторона одерживает победу.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходят на работу, то от-

сюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины — половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы! Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, именно — весь этот сброд ливрейных бездельников; присоедини, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все меряем на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудаами других, сколько нужно их для двух изготавителей этих

продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также — и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно, там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует на всегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства, которого на старинном своем языке они именуют барзаном, а на новом адемом. Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята небесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создают они и в какое небольшое количество часов.

К приведенным мною соображениям присоединяется еще то преимущество, что большинство необходимых ремесел берет у них гораздо меньшее количество труда, чем у других народов. Так, прежде всего постройка или ремонт зданий требуют везде непрерывного труда очень многих лиц, потому что малобережливый наследник допускает по-

степенное разрушение воздвигнутого отцом. Таким образом, то, что можно было сохранить с минимальными издержками, преемник должен восстанавливать заново и с большими затратами. Мало того, часто человек с избалованным вкусом пренебрегает домом, стоявшим другому огромному издережек, а когда этот дом, оставленный без ремонта, в короткое время разваливается, то владелец строит себе в другом месте другой, с не меньшими затратами. У утопийцев же, у которых все находится в порядке и государство отличается благоустройством, очень редко приходится выбирать новый участок для постройки домов; рабочие не только быстро исправляют уже имеющиеся повреждения, но даже предупреждают еще только грозящие. Поэтому при малейшей затрате труда здания сохраняются на очень долгое время, и работники этого рода иногда с трудом находят себе предмет для занятий, если не считать того, что они получают приказ временно рубить материал на дому и обтесывать и полировать камни, чтобы, если случится какое задание, оно могло быстро осуществиться.

Далее, обрати внимание на то, какое небольшое количество труда нужно утопийцам для изготовления себе одежды. Во-первых, пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и притом это естественный цвет шерсти. Поэтому сукна у них идет не только гораздо меньше, чем где-либо в другом месте, но и изготовление его требует гораздо меньше издережек. На обработку льна труда уходит еще меньше, и потому этот материал имеет гораздо большее применение. Но в полотне они принимают во внимание исключительно чистоту. Более тонкая выделка не имеет никакой цены. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем, и притом обычно на два года, в других же местах одному человеку не хватает четырех или пяти верхних шерстяных одежд, да еще разноцветных, а вдобавок тре-

буется столько же шелковых рубашек, иным же неженкам мало и десяти. Для утопийца нет никаких оснований претендовать на большее количество платья: добившись его, он не получит большей защиты от холода, и его одежда не будет ни на волос наряднее других.

Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни.

О взаимном общении

Однако, по моему мнению, пора уже изложить, как общаются отдельные граждане друг с другом, каковы взаимоотношения у всего народа и как распределяются у них все предметы. Так как город состоит из семейств, то эти семейства в огромном большинстве случаев создаются родством. Женщины, придя в надлежащий возраст и вступив в брак, переселяются в дом мужа. А дети мужского пола и затем внуки остаются в семействе и повинуются старейшему из родственников, если только его умственные способности не ослабели от старости. Тогда его заменяет следующий по возрасту.

Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторож-

ности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе меньше десяти и более шестнадцати взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну, а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке, где только у туземцев имеется излишек земли, и притом свободной от обработки; при этом утопийцы призывают туземцев и спрашивают, хотят ли те жить вместе с ними. В случае согласия утопийцы легко сливаются с ними, используя свой уклад жизни и обычаи; и это служит ко благу того и другого народа. Своими порядками утопийцы достигают того, что та земля, которая казалась раньше одним скромной и скудной, является богатой для всех. В случае отказа жить по их законам утопийцы отгоняют туземцев от тех пределов, которые избирают себе сами. В случае сопротивления они вступают в войну. Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее. Если какой-нибудь несчастный случай уменьшает население собственных городов утопийцев до такой степени, что его нельзя восстановить из других частей острова при сохранении надлежащих размеров для каждого города (а это, говорят, было только дважды за все время — от свирепой и жестокой чумы), то такой город восполняется обратным переселением граждан из колонии. Утопийцы дают лучше погибнуть колониям, чем ослабнуть какому-либо из островных городов.

Но возвращаюсь к совместной жизни граждан. Как я уже сказал, во главе семейства стоит старейший. Жены прислуживают мужьям, дети родителям и вообще младшие старшим. Каждый город разделен на четыре равные части. Посредине каждой части имеется рынок со всякими постройками. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Да и зачем ему отказывать в чем-либо? Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка? Действительно, у всякого рода живых существ жадность и хищность возникают или от боязни нужды, или, у человека только, от гордости, вменяющейся себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом. Порок такого рода совершенно не имеет места среди обычаев утопийцев.

К упомянутым мною рынкам присоединены рынки для съестных припасов, куда свозятся не только овощи, дрессевые плоды и хлеб, но также рыба и все съедобные части четвероногих и птиц, для чего за городом устроены особые места, где речная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, после того как слуги убьют его и снимут шкуру. Утопийцы не позволяют своим согражданам свежевать скот, потому что от этого, по их мнению, малопомалу исчезает милосердие, самое человечное чувство нашей природы. Затем они не дают ввозить в город ничего нечистого и грязного, гниение чего портит воздух и может навлечь болезнь.

Кроме того, на всякой улице имеются поместительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии; каждый из них известен под особым именем. В них живут

сифогранты. К каждому из этих дворцов приписаны тридцать семейств, именно — по пятнадцати с той и другой стороны. Тут эти семьи должны обедать. Заведующие кухней каждого дворца в определенный час собираются на рынок и получают пищу согласно указанному ими числу своих едоков.

Но в первую очередь принимаются во внимание больные, которые лечатся в общественных госпиталях. У утопийцев имеются четыре больницы за стенами города, в небольшом от них расстоянии, настолько обширные, что их можно приравнять к стольким же слободам. Цель этого, с одной стороны, та, чтобы не размещать больных, в каком бы большом количестве они ни были, тесно и вследствие этого неудобно, а с другой — та, чтобы одержимые такой болезнью, которая может передаваться от одного к другому путем прикосновения, могли быть дальше отделены от общения с другими. Эти больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно. Поэтому хотя никого не посыпают туда насильно, но нет почти никого в целом городе, кто, страдая каким-либо недугом, не предпочел бы лежать там, а не у себя дома. Когда заведующий кухней больных получит пищу согласно предписанию врачей, то затем все лучшее распределяется равномерно между дворцами сообразно числу едоков каждого. Кроме этого, принимаются во внимание князь, первосвященник, трапезоры, а также послы и все иностранцы (если таковые находятся, а они бывают вообщем в малом количестве и редко; но когда появляются, то для них также приготовляют определенные и оборудованные жилища). В эти дворцы в установленные часы для обеда и ужина собирается вся сифогрантия, созываемая звуками медной трубы. Исключение составляют только больные, лежащие в госпиталях или дома. Правда, никому не запрещается по удовлетворении дворцов просить с рынка пищу на дом. Утопийцы знают, что никто не сделает это-

го зря. Действительно, хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная. В этом дворце все работы, требующие несколько большей грязи и труда, исполняются рабами. Но обязанность варки и приготовления пищи и всего вообще оборудования обеда лежит на одних только женщинах, именно — из каждого семейства поочередно. За обедом садятся за тремя или за большим количеством столов, сообразно числу кушающих; мужчины помещаются с внутренней стороны стола, у стены, а женщины напротив, чтобы, если с ними случится какая-либо неожиданная беда (а это бывает иногда с беременными), они могли встать, не нарушая рядов, и уйти оттуда к кормилицам.

Эти последние сидят отдельно с грудными детьми в особой назначеннной для того столовой, где всегда имеются огонь и чистая вода, а иногда и люльки, чтобы можно было и положить туда младенцев, и, в случае их желания, при огне освободить их от пеленок и дать им отдохнуть на свободе и среди игр. Каждая мать сама кормит ребенка, если не помешает смерть или болезнь. Когда это случается, то жены сифогрантов разыскивают кормилицу, да это и не трудно: женщины, могущие исполнить эту обязанность, берутся за нее охотнее, чем за всякую другую, потому что все хвалят такую особу за ее сострадание, и питомец признает кормилицу матерью. В помещении кормилиц сидят все дети, которым не исполнилось еще пяти лет. Что касается прочих несовершеннолетних, в числе которых считают всех лиц того или другого пола, не достигших еще брачного возраста, то они или прислуживают сидящим, или, если не могут этого по своим летам, все же стоят тут, и притом в глубоком молчании. И те и другие питаются тем, что им дадут сидящие, и не имеют иного отдельного времени для еды. Место в середине первого стола считается наивысшим, и с него, так как этот стол поставлен поперек в крайней части столовой, видно все собрание. Здесь си-

дят сифогрант и его жена. С ними помещаются двое старейших, так как за всеми столами сидят по четверо. А если в этой сифогрантии есть храм, то священник и его жена сядутся с сифогрантом, так что являются председательствующими. С той и другой стороны размещается молодежь; затем опять старики; и, значит, таким образом во всем доме ровесники соединены друг с другом и вместе с тем слиты с людьми противоположного возраста. Причина этого обычая, говорят, следующая: так как за столом нельзя ни说什么, ни сказать ничего такого, что ускользало бы от повсеместного внимания старцев, то, в силу своей серьезности и внушаемого ими уважения, они могут удержать младших от непристойной резкости в словах или движениях. Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят прежде всего всех старейших, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживаются остальных. А старцы раздают по своему усмотрению сидящим вокруг свои лакомства, если запас их не так велик, чтобы их можно было распределить вдоволь по всему дому. Таким образом, и за пожилыми сохраняется принадлежащий им почет, и тем не менее их преимущества постольку же доступны всем.

Каждый обед и ужин начинается с какого-либо нравоучительного чтения, но все же краткого, чтобы не надоест. После него старшие заводят приличный разговор, однако не печальный и не лишенный остроумия. Но они отнюдь не занимают все время еды длинными рассуждениями; наоборот, они охотно слушают и юношей и даже нарочно вызывают их на беседу. Они хотят через это узнать способности и талантливость каждого, проявляющиеся в непринужденном застольном общении. Обеды бывают довольно кратки, а ужины — подольше, так как за первыми следует труд, а за вторыми сон и ночной покой, который, по мнению утопийцев, более действенен для здорового пищеварения. Ни один ужин не проходит без музыки; ни один десерт не лишен сладостей. Они зажигают курения, распрыскивают духи и вообще делают все, что может создать за-

едой веселое настроение. Они особенно охотно разделяют то мнение, что не нужно запрещать ни один род удовольствия, лишь бы из него не вытекало какой-либо неприятности.

Так устроена их совместная жизнь в городах; а в деревнях, где семьи удалены дальше друг от друга, каждая из них ест дома. Никто не испытывает никаких продовольственных затруднений, так как из деревни идет все то, чем питаются горожане.

О путешествиях утопийцев

Если у кого появится желание повидаться с друзьями, живущими в другом городе, или просто посмотреть на самую местность, то такие лица легко получают на это разрешение от своих сифогрантов и трапиботов, если в них не встречается никакой надобности. Они отправляются одновременно с письмом от князя, свидетельствующим о позволении, данном на путешествие, и предписывающим день возвращения. Они получают повозку и государственного раба, чтобы погонять волов и ухаживать за ними. Но если среди путешественников нет женщин, то повозка, как бремя и помеха, отсылается обратно. Хотя на весь свой путь они ничего с собой не берут, у них все же ни в чем нет недостатка: они везде дома. Если они останавливаются в каком-либо месте более одного дня, то каждый занимается там своим ремеслом и встречает самое радушное отношение со стороны работающих по тому же ремеслу. Если кто преступит свои пределы по собственному почину, то, пойманый без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают, как беглого и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично — обращается в рабство.

А если у кого появится охота побродить по окрестностям своего города, то он не встречает на то запрета, раз у него есть позволение отца и разрешение его супружеской

половины. Но в какую бы деревню он ни пришел, он не получает никакой пищи, раньше чем не закончит предварительно полуденного рабочего задания (или вообще сколько там обычно делают до ужина). Под этим условием можно отправляться куда угодно в пределах владений своего города. Таким образом, он будет не менее полезен городу, чем если бы был в городе.

Вы видите теперь, до какой степени чужды им всякая возможность бездельничать, всякий предлог для лености. У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая для разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного собрища; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе.

Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим. Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скучно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство.

Но когда они достаточно позаботятся о себе, — а это они признают выполненным не раньше, чем будет сделан запас на два года, ввиду неизвестности урожая следующего года, — из остающегося они вывозят в другие страны большое количество зерна, меда, шерсти, льна, леса, червца и пурпур, руна, воска, сала, кожи и вдобавок еще животных. Седьмую часть всего этого они дарят неимущим

жителям тех стран, а остальное продают за умеренную цену. В итоге этой торговли они увозят на родину не только те товары, в которых нуждаются дома (а таковых почти нет, кроме железа), но, кроме того, и большое количество золота и серебра. В силу продолжительности такого обычая утопийцы имеют повсюду эти драгоценности в превышающем вероятие количестве. Поэтому они теперь обращают мало внимания на то, как им продавать: за наличные деньги или в кредит, и держат гораздо большую часть денег в долговых обязательствах; при заключении их, однако, они, по окончании установленных обычаев формальностей, не требуют никогда поручительства частных лиц, но только всего города. Этот последний, как только настанет день уплаты, требует долг с частных лиц, вносит деньги в казну и пользуется процентами на этот капитал, пока утопийцы не попросят его обратно, а они в огромном большинстве случаев никогда не просят. Они не считают справедливым отнимать совершенно ненужную им вещь у тех, кому она нужна. Впрочем, они требуют деньги только в тех случаях, когда по стечению обстоятельств желают дать известную часть капитала другому народу или когда приходится вести войну. Для этого одного они берегут все те сокровища, которые держат дома, чтобы иметь в них поддержку или в крайней, или во внезапной опасности, а главным образом для того, чтобы за непомерную цену нанять иноземных солдат, которых они выставляют для борьбы охотнее, чем своих граждан. Утопийцы знают, что за большие деньги можно обычно купить самих врагов, которые готовы на измену и даже на то, чтобы вступить в открытый бой друг с другом. В силу этого они хранят неоцененное сокровище, но, впрочем, не как таковое, а обходятся с ним так, что мне стыдно и рассказывать; к тому же я боюсь, что словам моим не поверят. Это опасение мое тем более основательно, что я сознаю, как трудно было бы заставить меня самого поверить этому, если бы я не видел этого лично, а только слышал от другого. Но это уже неизбежно: чем более какое-нибудь явление чуждо нравам

слушателей, тем менее оно у них может вызвать доверия. Правда, и остальные учреждения утопийцев очень резко разнятся от наших; поэтому тот, кто благоразумно оценивает положение, будет, вероятно, меньше удивляться тому, что употребление золота и серебра приспособлено у них скорее к их собственным, чем к нашим обычаям. Действительно, они сами не пользуются деньгами, а хранят их на упомянутые нужды, которые могут случиться, а могут и никогда не случиться.

Между тем с золотом и серебром, из которых делают-ся деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости. Мало того, природа, как самая нежная мать, все наилучшее, например воздух, воду и самую землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко. Поэтому допустим, что утопийцы запрячут эти металлы в какую-нибудь башню; тогда, вследствие глупой изобретательности толпы, князь и сенат навлекут на себя подозрение, что хотят плутовски обмануть народ и сами извлечь отсюда какую-нибудь выгоду. Предположим далее, что они станут искусно чеканить из этих металлов чаши и другие произведения в том же роде, а потом случайно понадобится опять расплавлять их и потратить на жалование солдатам; тогда, разумеется, можно предвидеть, с каким трудом они позволили бы оторвать у себя то, что однажды начали считать своей утешой.

Для противодействия этому они придумали некое средство, соответствующее остальным их учреждениям, но весьма далекое от нас, которые так высоко ценят золото и так тщательно хранят его. Поэтому подобный образ действия может заслужить доверие только у испытавших его на опыте. Именно, утопийцы едят и пьют в скучельных со-

судах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре. В итоге другие народы дают на растерзание эти металлы с не меньшей болью, чем свою утробу, а среди утопийцев, если бы обстоятельства потребовали удаления всех этих зараз, никто, по-видимому, не почувствовал бы от этого для себя ни малейшего лишения.

Кроме того, они собирают на морских берегах жемчуг, а также кое-где по скалам алмазы и карбункулы, но, впрочем, не ищут их, а обделяют, когда те попадутся случайно. Такими камнями утопийцы украшают малолеток; эти последние в первые годы детства кичатся и гордятся подобными украшениями; но лишь только придут в возраст и заметят, что этими безделушками пользуются одни дети, так, без всякого внушения родителей, сами по чувству стыда оставляют их, совершенно так же, как наши дети, подрастая, бросают орехи, амулеты и куклы. Такое различие порядка утопийцев по сравнению с другими народами создает и различное мировоззрение. Это стало особенно ясно для меня из того, что произошло с анемолийскими послами.

Они приехали в Амаурот при мне, и так как целью их прибытия были важные дела, то их приезду предшествовало собрание трех граждан из каждого города. Но все послы соседних племен, приезжавшие туда раньше, обычно являлись в самой скромной одежде, так как им были известны обычаи утопийцев, у которых не придавалось никакого почета пышному одеянию, шелк служил предметом презрения, а золото было даже позорным. Анемолийцы же

жили особенно далеко и имели с утопийцами мало общения. Поэтому послы, узнав, что все утопийцы ходят в одной и той же одежде, и притом грубой, пришли к убеждению, что у утопийцев совсем нет того, чем они пользуются; поэтому анемолийцы, будучи скорее гордыми, чем умными, решили предстать в возможно блестящей обстановке, изображая из себя каких-то богов, и ослепить глаза несчастных утопийцев пышностью своего наряда. Таким образом, вступили три посла со ста спутниками, все в разноцветном одеянии, большинство в шелковом. Сами послы, принадлежавшие на родине к знати, имели златотканые плащи, большие цепи, золотые серьги, вдобавок золотые кольца на руках, и, сверх того, шляпы их были обвешаны золотыми ожерельями, блиставшими жемчугом и дорогими камнями. Говоря короче, они были украшены всем тем, что у утопийцев служило или наказанием для рабов, или признаком бесчестья для опозоренных, или безделушками для ребят. Поэтому стоило посмотреть, как анемолийцы петушились, когда сравнили свой наряд с одеянием утопийцев, которые массой высypали на улицы. С другой стороны, не меньшим удовольствием было видеть, как сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях и как далеки были они от того уважения, которого рассчитывали достигнуть. Именно, на взгляд всех утопийцев, за исключением весьма немногих, посещавших по какой-либо подходящей причине другие народы, вся эта блестящая обстановка представлялась позорной, и потому, почтительно приветствуя вместо господ всех низкопоставленных, они сочли самих послов по употреблению ими золотых цепей за рабов и пропустили их, не оказав им никакого уважения. Мало того, можно было наблюдать, как дети бросали жемчуг и дорогие камни, когда увидали их прикрепленными на шапках послов, и, толкая мать в бок, обращались к ней с такими словами:

— Вот, мама, какой большой о столоп, а все еще возится с жемчугом и блестящими камушками, как будто мальчишка!

А родительница отвечала также вполне серьезно:

— Молчи, сынок, это, думаю я, кто-нибудь из посольских шутов.

Другие осуждали упомянутые золотые цепи, говоря, что они ни на что не пригодны, так как настолько тонки, что раб может их легко разбить, а с другой стороны, настолько просторны, что, когда ему захочется, он может стряхнуть их и убежать куда угодно, развязанный и свободный.

Но, пробыв день-другой, послы увидели там огромное количество золота и заметили, что оно ценится утопийцами весьма дешево и находится у них в таком же презрении, как у них самих в почете, и что, сверх того, на цепи и оковы одного беглого раба потрачено больше золота и серебра, чем сколько стоила вся пышность их троих. Поэтому у послов опустились крылья, и они со стыдом убрали весь тот наряд, которым так надменно кичились, особенно когда более дружески поговорили с утопийцами и узнали их обычай и мнения. Именно, у утопийцев вызывает удивление следующее: как может кто-нибудь из смертных восхищаться сомнительным блеском небольшой жемчужинки или самоцветного камушка, раз такому человеку можно созерцать какую-нибудь звезду или, наконец, само солнце; затем может ли кто-нибудь быть настолько безумным, что вообразит себя более благородным из-за нитей более тонкой шерсти, раз эту самую шерсть, из каких бы тонких нитей она ни была, некогда носила овца и все же не была ничем другим, как овцой. Удивительно для утопийцев также и то, как золото, по своей природе столь бесполезное, теперь повсюду на земле ценится так, что сам человек, через которого и на пользу которого оно получило такую стоимость, ценится гораздо дешевле золота; и дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет; ну, а если судьба или какой-нибудь подвох законов (который нисколько не

меньше самой судьбы способен поставить все вверх дном) перенесет эту кучу от упомянутого господина к самому презренному бездельнику из всей его челяди, то в результате, несколько позже, господин переходит в услужение к слуге, как привесок и придаток к деньгам. Но гораздо большее удивление и ненависть вызывает у утопийцев безумие того, кто воздает чуть не божеские почести богачам, которым он ничего не должен и ничем не обязан; он поступает так только из уважения к их богатству и в то же время признает их в высшей степени жадными и скучными и вернее верного понимает, что при жизни этих богачей из такой огромной кучи денег ему никогда не перепадет ни одного грошика.

Подобные мнения утопийцы отчасти усвоили из воспитания, так как выросли в такой стране, учреждения которой очень далеки от упомянутых нелепостей, а отчасти из учения и литературы. Правда, в каждом городе имеется лишь немного лиц, которые освобождены от прочих трудов и приставлены только к учению, это именно те, у кого с детства обнаружились прекрасные способности, выдающийся талант и призвание к полезным наукам, — но дети учатся все, и значительная часть народа, мужчины и женщины, проводят в учении те часы, когда, как сказано было раньше, они свободны от работ. Учебные предметы они изучают на своем языке. Он не беден словами, не лишен приятности для слуха и превосходит другие более верной передачей мыслей. Этот же язык, только везде в более испорченном виде, в разных местах по-разному, распространен в значительной части того мира.

До нашего прибытия они даже и не слыхивали о всех тех философах, имена которых знамениты в настоящем известном нам мире. И все же в музыке, диалектике, науке счета и измерения они дошли почти до того же самого, как и наши древние (философы). Впрочем, если они во всем почти равняются с нашими древними, то далеко уступают изобретениям новых диалектиков. Именно, они не изобрели хотя бы одного правила из тех остроумных выдумок,

которые здесь повсюду изучают дети в так называемой «Малой логике», об ограничениях, расширениях и подстановлениях. Далее, так называемые «вторые интенции» не только не подвергались у утопийцев достаточному обследованию, но никто из них не мог видеть так называемого «самого человека вообще», хотя, как вы знаете, это существо вполне колossalное, больше любого гиганта, и мы даже пальцем на него можем показать. Зато утопийцы очень сведущи в течении светил и движении небесных тел. Мало того, они остроумно изобрели приборы различных форм, при помощи которых весьма точно улавливают движение и положение Солнца, Луны, а равно и прочих светил, видимых на их горизонте. Но они даже и во сне не грезят о содружествах и раздорах планет и о всем вздоре гадания по звездам. По некоторым приметам, полученным путем продолжительного опыта, они предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды. Что же касается причин всего этого, приливов морей, солености их воды и вообще происхождения и природной сущности неба и мира, то они рассуждают об этом точно так же, как наши старые философы; отчасти же, как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию.

В том отделе философии, где речь идет о нравственности, их мнения совпадают с нашими: они рассуждают о благах духовных, телесных и внешних, затем о том, присущее ли название блага всем им или только духовным качествам. Они разбирают вопрос о добродетели и удовольствии. Но главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье, есть ли для него один источник или несколько. Однако в этом вопросе с большей охотой, чем справедливостью, они, по-видимому, склоняются к мнению, защищающему удовольствие; в нем они полагают или исключительный, или преимущественный элемент человеческого счастья. И, что более удивительно, они ищут защиту такого щекотливого

положения в религии, которая серьезна, сурова и обычно печальна и строга. Они никогда не разбирают вопроса о счастье, не соединяя некоторых положений, взятых из религии, с философией, прибегающей к доводам разума. Без них исследование вопроса об истинном счастье признается ими слабым и недостаточным. Эти положения следующие: душа бессмертна и по благости божией рождена для счастья; наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидает награда, а позорные поступки — мучения. Хотя это относится к области религии, однако, по их мнению, дойти до верования в это и признания этого можно и путем разума. С устранием же этих положений они без всякого колебания провозглашают, что никто не может быть настолько глуп, чтобы не чувствовать стремления к удовольствию дозволенными и недозволенными средствами; надо осторегаться только того, чтобы меньшее удовольствие не помешало большему, и не добиваться такого, отплатой за которое является страдание. Они считают признаком полнейшего безумия гоняться за суровой и недоступной добродетелью и не только отстранять сладость жизни, но даже добровольно терпеть страдание, от которого нельзя ожидать никакой пользы, да и какая может быть польза, если после смерти ты не добьешься ничего, а настоящую жизнь провел всю без приятности, то есть несчастно. Но счастье, по их мнению, заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. К нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель, которой одной только противная партия усвояет счастье. Добродетель они определяют как жизнь, согласную с законами природы; к этому мы назначены богом. Надо следовать тому влечению природы, которое повинуется разуму в решении вопроса, к чему надо стремиться и чего избегать. Разум прежде всего зажигает у людей любовь и уважение к величию божию, которому мы обязаны и тем, что существуем, и тем, что можем обладать счастьем. Во-вторых, разум настойчиво внушает нам и самим жить в возможно большем спокойствии и радости, и по-

могать всем прочим, по природной связи с ними, в достижении того же самого. Не было никогда ни одного столь сурового и строгого приверженца добродетели и ненавистника удовольствия, который бы советовал тебе только труды, бдения и суровость, не предлагая в то же время посильнее облегчать нужду и неприятности других и не считая этого похвальным во имя человеколюбия. Нет добродетели, более присущей человеку, и ему особенно свойственно, чтобы один служил на благо и утешение другому, смягчал тягости других и возвращал их, уничтожив печаль, к приятности жизни, то есть к удовольствию. Если это так, то почему природе не внушать каждому делать то же самое и для себя?

Действительно, одно из двух: или приятная жизнь, то есть соединенная с удовольствием, дурна; если это так, ты не только не должен никому помогать в ней, но по мере сил исторгать ее у всех, как вредную и смертоносную; или, если советовать такую жизнь другим как хорошую тебе не только можно, но и должно, то почему этого не применить прежде всего к себе самому?

Тебе приличествует быть не менее благосклонным к себе, чем к другим. Ведь если природа внушает тебе быть добрым к другим, то она не предлагает тебе быть суровым и немилосердным к себе самому. Поэтому, по их словам, сама природа предписывает нам приятную жизнь, то есть наслаждение как конечную цель всех наших действий; а добродетель они определяют как жизнь, согласную с предписаниями природы. Она же приглашает смертных к взаимной поддержке для более радостной жизни. И в этом она поступает справедливо: нет никого стоящего настолько высоко над общим жребием человеческого рода, чтобы пользоваться исключительными заботами природы, которая одинаково благоволит ко всем, объединенным общностью одного и того же облика. Поэтому та же самая природа постоянно предлагает тебе следить за тем, чтобы действовать своим выгодам постольку, поскольку ты не причиняешь этим невыгод другим.

Следовательно, утопийцы признают необходимым соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и общественные законы о распределении удобств жизни, то есть материала удовольствия, которые, руководясь правилами справедливости, опубликовал добный государь или утвердил единодушным согласием народ, не угнетенный тиранией и не обманутый коварством. Заботиться о своей выгоде, не нарушая этих законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные — твой долг. Похищать чужое удовольствие домогаясь своего, несправедливо. Наоборот, отнять что-нибудь у себя самого, чтобы придать другим, есть исключительная обязанность человеколюбия и благожелательности; эта обязанность никогда не уносит нашей выгоды в такой мере, в какой возвращает ее. Подобная выгода возмещается взаимностью благодеяний, и самое сознание благодеяния и воспоминание о любви и расположении тех, кому ты оказал добро, приносят твоему сознанию больше удовольствия, чем то телесное наслаждение, от которого ты воздержался. Наконец, религия легко убеждает наше сознание, и оно охотно соглашается с этим, что за краткое и небольшое удовольствие бог воздает огромной и никогда не преходящей радостью. На этом основании, тщательно взвесив и обдумав предмет, утопийцы признают, что все наши действия, и в числе их сами добродетели, имеют в виду как конечную цель удовольствие и счастье.

Удовольствием называют они всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых мы получаем наслаждение по указанию природы. Прибавку о природном стремлении утопийцы делают не без основания. Приятным от природы считается все нижеследующее: то, к чему стремятся не путем обиды; то, ради чего не теряется другое, более приятное; то, что не причиняет страдания; то, чего ищут не только чувства, но и здравый разум. С другой стороны, есть удовольствия, несогласные с природой, которые люди в силу какого-то суэтного общего соглашения представляют себе сладкими, как будто бы от человека за-

висело изменять одинаково предметы и их названия. Но утопийцы признают, что подобные удовольствия никакого не содействуют счастью. Наоборот, результатом их является то, что, у кого они раз укрепились, у того не остается места для истинных и неподдельных наслаждений, а вся духовная сущность его всецело подчинена ложному пониманию удовольствия. Есть, наконец, очень многое, что по своей природе не заключает никакой сладости и, наоборот, в значительной части содержит даже много горечи, но в силу извращенного соблазна безнравственных желаний считается не только высшим удовольствием, а даже признается главною основою жизни.

К числу подобных поддельных удовольствий утопийцы относят мнение тех людей, про которых я упомянул раньше: чем лучше на них одежда, тем лучшими людьми они себя воображают. В этом одном отношении они ошибаются вдвойне. Не менее лгут они и оттого, что считают свое платье лучшим, чем себя. Действительно, если стать на точку зрения полезности одежды, то почему более тонкая шерсть выше более толстой? Но эти люди все же петушатся и, как будто бы их превосходство имело под собою действительную основу, а не ошибку, считают, что и личная их оценка от этого несколько повышается; вследствие этого, словно с полным правом, они требуют для более изящного платья почета, на который никогда не дерзали бы одетые хуже, и приходят в негодование, если на них не обращают достаточного внимания.

Далее, не является ли признаком того же самого безумия и стремление к суетному и не приносящему никакой пользы почету? Действительно, какое естественное и истинное удовольствие может доставить то обстоятельство, что другое лицо обнажает пред тобою голову или преклоняет колена? Что ж, это излечит страдание твоих колен? Или исцелит безумие твоей головы? На этом же фоне поддельного удовольствия удивительно видеть, с каким наслаждением безумствуют те, кто заносится и гордится в силу мнения о своей знатности, так как этим людям выпало на

долю родиться от таких предков, длинный ряд которых считался богатым, особенно земельной собственностью — ведь знатность теперь только в этом и заключается. Эта знатность в их глазах ни на волос не уменьшится, хотя бы предки ничего не оставили им из своих богатств или они сами промотали оставленное.

К этому же разряду утопийцы причисляют тех, кто, как я сказал, увлекается жемчугом и камушками и считает себя чуть не богом, если ему удалось заполучить какой-нибудь выдающийся экземпляр, особенно такого рода, который в его время и в его среде имеет наибольшую стоимость. Ведь не у всех и не во всякое время ценятся одни и те же породы. Но они приобретают этот экземпляр не иначе, как без золотой оправы и в натуральном виде. Да и тут продавец должен дать клятву и представить залог, что эти жемчуг и камень настоящие. До такой степени эти покупатели озабочены тем, что их зрение будет обмануто фальшивым камнем вместо настоящего. Но почему твоему взгляду искусственный камень доставит меньшее наслаждение, раз твой глаз не отличает его от настоящего? Честное слово, оба они должны представлять для тебя такую же ценность, как для слепого. Далее, воспринимают ли настоящее удовольствие и не испытывают ли скорее обман от ложного те, что хранят излишние богатства, нисколько не пользуясь ими, а только наслаждаясь их созерцанием? Или те, что в силу противоположного порока прячут золото, которым никогда не собираются пользоваться и которого, может быть, никогда больше и не увидят? Тревожась, как бы не потерять его, они его теряют на самом деле. Действительно, как иначе назвать твой поступок, если ты отнимаешь у себя лично, а может быть, и у всех людей пользование этим золотом и вручаешь его земле? И вот, запрятив сокровище, ты вполне успокаиваешься и ликуешь от радости. Ну, а допустим, что кто-нибудь украдет это богатство и ты, не зная об этой краже, через десять лет умрешь; в течение десяти лет, которые ты прожил после воровства, какое тебе дело было до того, похищено ли твое золото или

цело? И в том и в другом случае тебе от него была одинаковая польза.

К этим столь нелепым наслаждениям утопийцы присоединяют игру в кости (это безумие известно им по слуху, а не по опыту), далее — охоту и птицеловство. Именно, они спрашивают: в чем состоит удовольствие бросать кости на доску? Так столько раз делал это, что если бы с этим было связано какое-нибудь удовольствие, то от неоднократного повторения могло бы все же возникнуть пресыщение? Или какую приятность, а не отвращение скорее, можно найти, слушая лай и вой собак? Или почему получается большее ощущение удовольствия, если собака гонится за зайцем, а не собака за собакой? В том и другом случае дело идет об одном и том же: они бегут, если бег тебе доставляет наслаждение. А если тебя привлекает надежда видеть убийство, ожидание, что у тебя на глазах произойдет мучительная травля, то зрелище того, как собака раздерет зайчишку, более сильный — более слабого, свирепый — робкого и трусливого, наконец, жестокий — невинного, должно скорее вызвать сострадание. Поэтому все это занятие охотой, как дело, недостойное свободного человека, утопийцы подкинули мясникам, а мы сказали выше, что это искусство у них исполняют рабы. Утопийцы считают, что охота есть самая низменная сторона этого занятия, а остальные его стороны и более практичны, и более благородны, так как они приносят большую пользу и губят животных исключительно по необходимости; между тем охотник ищет в убийстве и травле бедного зверька только удовольствие. По мнению утопийцев, это неподдержимое желание смотреть на убийство даже настоящих зверей или возникает в силу природной жестокости, или, при постоянном пользовании таким свирепым удовольствием, окончательно ожесточает человека. В этом и во всех подобных случаях — а их бесчисленное множество — толпа видит удовольствие, а утопийцы, не признавая в природе подобных явлений ничего приятного, решительно считают, что они не имеют ничего общего с истинным удо-

вольствием. Если эти явления в общем доставляют чувству приятность, что составляет задачу удовольствия, то это отнюдь не вынуждает утопийцев менять свое мнение. Они говорят, что причина этого кроется не в природных свойствах явления, а в извращенной привычке людей: по вине ее они принимают горькое за сладкое, уподобляясь беременным, испорченный вкус которых признает смолу и сало слаще меда. Однако ничье суждение, искаженное или болезнью, или привычкой, не может изменить природных свойств как других вещей, так и удовольствия.

Утопийцы допускают различные виды удовольствий, признаваемых ими за истинные; именно, одни относятся к духу, другие к телу. Духу приписывается понимание и наслаждение, возникающие от созерцания истины. Сюда же присоединяются приятное воспоминание о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее блаженство. Телесные удовольствия разделяются на два вида. Первый — тот, который доставляет чувствам явную приятность. Это бывает при восстановлении того, что исчерпала находящаяся внутри нас теплота, — оно достигается пищей и питьем. Другой случай, когда удаляется то, обилие чего переполняет тело: это бывает, когда мы очищаем внутренности испражнениями, совершаляем акт деторождения, успокаиваем зуд какого-либо органа трением или почесыванием. Иногда же удовольствие возникает без всякого возмещения того, чего требуют наши члены, и без освобождения их от страданий, но все же при очевидном движении оно щекочет, поражает и привлекает к себе наши чувства какой-то скрытой силой; это, например, доставляет нам музыка.

Другой вид телесного удовольствия заключается, по их мнению, в спокойном и находящемся в полном порядке состоянии тела: это у каждого — его здоровье, не нарушающее никаким страданием. Действительно, если оно не связано ни с какою болью, то само по себе служит источником наслаждения, хотя бы на него не действовало никакое привлеченное извне удовольствие. Правда, оно не так

метно и дает чувствам меньше, чем ненасытное желание еды и питья; тем не менее многие считают хорошее здоровье за величайшее из удовольствий. Почти все утопийцы признают здоровье большим удовольствием и, так сказать, основой и базисом всего: оно одно может создать спокойные и желательные условия жизни, а при отсутствии его не остается совершенно никакого места для удовольствия. Полное отсутствие боли без наличия здоровья, во всяком случае, называется у них бесчувственностью, а не удовольствием. После оживленного обсуждения вопроса утопийцы давно уже отвергли мнение тех, кто предлагал не считать крепкое и безмятежное здоровье за удовольствие на том основании, что наличие его можно будто бы заметить только при противоположном ощущении. Но теперь почти все они, наоборот, пришли единодушно к тому выводу, что здоровье особенно содействует удовольствию. Они рассуждают так: если с болезнью связано страдание, которое является таким же непримиримым врагом удовольствия, как болезнь — здоровья, то почему удовольствию, в свою очередь, не заключаться в безмятежном здоровье? По их мнению, в этом вопросе нисколько не важно сказать, является ли болезнь страданием или страдание присуще болезни, так как в том и другом случае результат получается один и тот же. Поэтому, если здоровье есть само удовольствие или неизбежно порождает удовольствие, как огонь создает тепло, то в итоге, в том и другом случае, удовольствие не может отсутствовать у тех, кто обладает крепким здоровьем. Рассуждают они и так еще: что происходит во время нашей еды, как не борьба здоровья, которое начало колебаться, против голода в союзе с пищей? Пока здоровье в этой борьбе набирается мало-помалу сил, этот успех его доводит до прежней живости то удовольствие, которое так подкрепляет нас. Так неужели же здоровье, которое находит веселье в борьбе, не будет радоваться, достигнув победы? Неужели после счастливого достижения в конце концов прежней силы, к которой исключительно оно стремилось во всей борьбе, оно немедленно оцепене-

ет, не познает своих благ и не будет ценить их? Кто, спрашивают они, находясь в бодрственном состоянии, не чувствует себя здоровым, если это действительно есть? Нежели кто-нибудь может находиться в таком оцепенении или летаргическом состоянии, что не будет признавать для себя здоровье приятным и уладительным? А что есть услада, как не другое название удовольствия?

Утопийцы особенно ценят духовные удовольствия, их они считают первыми и главенствующими; преимущественная часть их исходит, по их мнению, из упражнения в добродетели и сознания беспорочной жизни. Из удовольствий, доставляемых телом, пальма первенства у них отдается здоровью. Сладкая еда и питье и все, что может доставить подобное наслаждение, по их мнению, конечно, заслуживает стремления, но только ради здоровья. Все это приятно не само по себе, а в той мере, в какой оно противится подкрадывающемуся исподтишка недугу. Мудрец будет скорее избегать болезней, чем выбирать средства против них, будет скорее бороться с страданиями, чем принимать утешения по поводу них. Поэтому лучше будет не нуждаться в физических удовольствиях, чем испытывать наслаждение от них. Если кто испытывает полное удовлетворение от удовольствия такого рода, тот неизбежно должен признать свое полное счастье в том только случае, если ему выпадет на долю жизнь, которую надо проводить в постоянном голоде, жажде, зуде, еде, питье, чесании и натирании; но кто не видит, как подобная жизнь не только безобразна, но и несчастна? Разумеется, эти удовольствия, как наименее чистые, — самые низменные из всех. Они никогда не возникают иначе, как в соединении с противоположными страданиями. Например, с удовольствием от еды связан голод, и притом не вполне равномерно. Именно, страдание является как более сильным, так и более продолжительным: оно и возникает раньше удовольствия, и утоляется только одновременно с отмиранием удовольствия. Так вот подобные удовольствия утопийцы не считают заслуживающими высокой оценки, но признают их

только в той мере, в какой это требуется необходимостью. Но все же утопийцы рады и им и с благодарностью признают доброту матери-природы, которая привлекает с самой ласковой приятностью свои творения даже к тому, что приходится делать постоянно в силу необходимости. Действительно, как отвратительна была бы жизнь, если бы, подобно прочим недугам, беспокоящим нас реже, и ежедневные болезни голода и жажды приходилось прогонять ядами и горькими лекарствами?

Утопийцы любят и ценят красоту, силу, проворство как особые и приятные дары природы. Затем, кроме человека, нет других живых существ, которые благоговеют перед красотой и изяществом мира, получают впечатление от приятного запаха (у зверей это имеет место только применительно к пище) и различают согласие и рознь в звуках и тонах. Поэтому утопийцы признают как приятную приправу жизни и те удовольствия, которые входят к нам через слух, зрение и обоняние и которые природа пожелала закрепить за человеком как его особое преимущество. Во всем этом они держатся такого правила, что меньшее удовольствие не должно мешать большему и вообще порождать когда-нибудь страдание, которое, по их мнению, есть неизбежное следствие удовольствия бесчестного. Но они считают признаком крайнего безумия, излишней жестокости к себе и высшей неблагодарности к природе, если кто презирает дарованную ему красоту, ослабляет силу, превращает свое проворство в леность, истощает свое тело постами, наносит вред здоровью и отвергает прочие ласки природы. Это значит презирать свои обязательства к ней и отказываться от всех ее благодеяний. Исключение может быть в том случае, когда кто-нибудь пренебрегает этими своими преимуществами ради пламенной заботы о других и об обществе, ожидая взамен этого страдания большего удовольствия от бога. Иначе совсем глупо терзать себя без пользы для кого-нибудь из-за пустого призрака добродетели или для того, чтобы иметь силу переносить с меньшей тяжестью несчастья, которые никогда, может быть, не произойдут.

Таково их мнение о добродетели и удовольствии. Они верят, что если человеку не внушит чего-нибудь более святого ниспосланная с неба религия, то, с точки зрения человеческого разума, нельзя найти ничего более правдивого. Разбирать, правильна ли эта мысль или нет, нам не позволяет время, да и нет необходимости. Мы приняли на себя задачу рассказать об их уставах, а не защищать их.

Во всяком случае, каковы бы ни были эти постановления, я убежден в том, что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства. Природа наделила их проворством и бодростью. Они обладают большей физической силой, чем обещает их рост, в общем все же довольно высокий. И, хотя почва у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров, они прекрасно укрепляют себя против превратностей атмосферы умеренностью в пище, а землю успешно врачают обработкой. В результате ни у одного народа нет более обильных урожаев и приплода скота, люди отличаются значительной жизнеспособностью и подвержены наименьшему количеству болезней. Поэтому там можно видеть, во-первых, тщательное выполнение обычных земледельческих работ, а именно: помочь искусством и трудом земле, не очень-то податливой от природы. Во-вторых, там можно наблюдать зрелище еще более поразительное: лес выкорчевывается руками народа в одном месте, а насаждается в другом. В этом отношении принимается в расчет не плодородие, а удобство перевозки, именно — чтобы дрова были ближе к морю, рекам или к самим городам. Доставка сухим путем хлеба из более отдаленной местности сопряжена с меньшим трудом, чем доставка дров. Это — народ общительный, остроумный, способный, умеющий насладиться покоем, достаточно привычный, в случае надобности, к физическому труду. Впрочем, в других отношениях они не стремительны, а в умственных интересах неутомимы.

Они узнали от нас об античных народах. Что касается латинян, то там, кроме истории и поэзии, не было ничего, что представлялось утопийцам могущим заслужить особое

одобрение; но после ознакомления с литературой и наукой греков они с огромным и изумительным усердием приложили старание к тому, чтобы изучить это при нашем объяснении. Поэтому мы начали читать с ними греков, не желая прежде всего подавать учащимся мысль, будто мы отказываемся от такой работы, и не надеясь особенно ни на какой успех от этого. Но стоило нам немного подвинуться вперед, как прилежание утопийцев заставило нас тотчас сообразить, что нам не придется напрасно тратить таковое и со своей стороны. Они начали с большой легкостью воспроизводить формы букв, с большой легкостью произносить слова, с огромной быстротой запоминать их и с замечательной точностью переводить; поэтому успехи утопийцев вызывали у нас положительное удивление. Правда, большинство тех, кто принялся за это изучение не только из добровольных побуждений, но и по приказу сената, принадлежали к числу избраннейших по своим способностям ученых и к людям зрелого возраста. Поэтому менее чем через три года для них не оставалось никаких трудностей с точки зрения языка; классических писателей они могли читать без всяких затруднений, за исключением искажений в тексте.

Утопийцы усвоили эту литературу тем более легко, что, по моему, по крайней мере, предположению, она им несколько сродни. Именно, я подозреваю, что этот народ ведет происхождение от греков, так как их язык, в остальных отношениях почти напоминающий персидский, в названиях городов и должностных лиц сохраняет некоторые следы греческой речи. Отправляясь в плавание в четвертый раз, я взял с собою на корабль вместо товаров порядочную кипу книг, потому что принял твердое решение лучше не возвращаться никогда, чем скоро. Поэтому у утопийцев имеется от меня значительное количество сочинений Платона, еще больше Аристотеля, равно как книга Феофраста о растениях, но, к сожалению, в очень многих местах неполная. Именно, во время нашего плавания книга эта оставалась без достаточного надзора и попала обезьяне, ко-

торая, резвясь и играя, вырвала здесь и там несколько странниц и растерзала их. Из составителей грамматик у них есть только Ласкарис; Федора я не привозил с собой, а также ни одного словаря, кроме Тесихия и Диоскорида. Они очень любят мелкие произведения Плутарха и восхищаются также изяществом и остроумием Лукиана. Из поэтов у них есть Аристофан, Гомер и Еврипид, затем Софокл, напечатанный мелким шрифтом Альда, из историков Фукидид, Геродот, а также Геродиан. Мало того, мой товарищ Триций Апинат привез с собою также из области медицины некоторые мелкие произведения Гиппократа и так называемое «Малое искусство» Галена. Эти книги у них очень ценятся. Хотя, по сравнению с прочими народами, утопийцы менее всего нуждаются в медицине, однако ни где она не пользуется большим почетом, хотя бы потому, что познание ее ставят наравне с самыми прекрасными и полезными частями философии. Исследуя с помощью этой философии тайны природы, они рассчитывают получить от этого не только удивительное удовольствие, но и войти в большую милость у ее виновника и создателя. По мнению утопийцев, он, по обычаю прочих мастеров, предоставил рассмотрение устройства этого мира созерцанию человека, которого одного только сделал способным для этого, и отсюда усердного и тщательного наблюдателя и поклонника своего творения любит гораздо более, чем того, кто, наподобие неразумного животного, глупо и бесчувственно пренебрег столь величественным и изумительным зрелищем.

Поэтому способности утопийцев, изощренные науками, удивительно восприимчивы к изобретению искусств, содействующих в каком-либо отношении удобствам и благам жизни. Но двумя изобретениями они все же обязаны нам, а именно: книгопечатанием и изготовлением бумаги; но и тут, впрочем, помогли не столько мы, сколько они сами себе. Именно, мы могли только показать им буквы, напечатанные Альдом в бумажных книгах, и скорее толковали кое-что, чем объясняли о материале для изготовле-

ния бумаги и об умении оттискивать буквы, так как никто из нас не был достаточно искусен ни в том, ни в другом. Но они тотчас с большим остроумием смекнули, в чем дело; раньше они писали только на коже, коре и папирусе, а теперь тотчас стали делать попытки изготавливать бумагу и оттискивать буквы. Сначала это им не очень удавалось, но после неоднократных и настойчивых попыток они в скопрном времени постигли то и другое. Успехи их так велики, что, будь у них экземпляры греческих авторов, они не ощущали бы никакого недостатка в книгах. Теперь у них имеется из литературы нисколько не больше того, что упомянуто мною раньше; но эту наличность они распространили уже путем печатных книг во многих тысячах экземпляров.

Утопийцы благосклонно принимают всякого приезжающего посмотреть их страну, особенно если это лицо отличается какими-либо выдающимися талантами или знанием многих земель, полученным в результате продолжительных путешествий; с этой последней точки зрения им был приятен и наш приезд. Они охотно слушают о том, что творится везде на земле. Но ради торговли в Утопию приезжают не очень часто. В самом деле, что ввозить к ним, кроме железа да еще золота и серебра? Но эти два металла каждый предпочел бы вывозить от них. Далее, то, что подлежит экспорту от них, они считают более благоразумным вывозить самим, чем предоставлять это другим. Причиной этого служит их желание приобрести более близкое знакомство с окружающими их другими народами и не забыть опыта и навыка в мореплавании.

О рабах

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих

народов был обречен на казнь за совершенное им преступление. Людей этого второго рода гораздо больше, так как многих из них утопийцы добывают иногда по дешевой цене, а чаще получают их даром. Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, более сурово на том основании, что они усугубили свою вину и заслужили худшее наказание, так как прекрасное воспитание отлично подготовило их к добродетели, а они все же не могли удержаться от злодеяния.

Иной род рабов получается тогда, когда какой-либо трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочтает пойти в рабство к утопийцам добровольно. К таким людям они относятся с уважением и обходятся с ними с не меньшей мягкостью, чем с гражданами, за исключением того, что налагаются несколько больше работы, так как те к ней привыкли. Если подобное лицо пожелает уехать, что бывает не часто, то утопийцы не удерживают его против воли и не отпускают с пустыми руками.

Как я сказал, утопийцы ухаживают за больными с большим усердием и прилагают решительно все меры, чтобы вернуть им здоровье путем или тщательного лечения, или питания. Даже страдающих неизлечимыми болезнями они утешают постоянным пребыванием около них, разговорами, наконец, оказанием какой только возможно помощи. Но если болезнь не только не поддается врачеванию, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, не-приятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать более своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть, если жизнь для него является мукой; далее, в добной надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать с своего согласия исторгнуть себя другим. Поступок его будет благоразумным, так как он собирается

прервать смертью не житейские блага, а мучения, а раз он хочет послушаться в этом деле советов священников, то есть толкователей воли божией, то поступок его будет благочестивым и святым. Те, кто даст себя убедить в этом, кончают жизнь добровольно или голодовкой, или, усыпленные, отходят, не ощущая смерти. Но утопийцы не губят никого помимо его желания и нисколько не уменьшают своих услуг по отношению к нему. Умереть в силу подобного рода убеждения считается почетным, а если кто причинит себе смерть, не доказав причины ее священникам и сенату, то его не удостаивают ни земли, ни огня, но без погребения позорно бросают в какое-нибудь болото.

Женщина вступает в брак не раньше восемнадцати лет, а мужчина — когда ему исполнится на четыре года больше. Если мужчина или женщина будут до супружества уличены в тайном прелюбодеянии, то оба пола подвергаются тяжкому наказанию и им совершенно запрещается вступление в брак, но князь по своей милости может отпустить им вину. Отец и мать того семейства, в чьем доме был совершен позор, навлекают на себя сильное бесчестие, как небрежно выполнившие лежавшую на них обязанность. Утопийцы подвергают этот проступок столь суровой каре потому, что если не удерживать старательно людей от беспорядочного сожительства, то в их супружеской жизни редко возможно полное единение, а между тем об этом надо заботиться, так как всю жизнь придется проводить с одним человеком и, кроме того, переносить все возникающие отсюда тягости.

Далее, при выборе себе супружеской пары утопийцы серьезно и строго соблюдают нелепейший, как нам показалось, и очень смешной обряд. Именно, пожилая иуважаемая матрона показывает женщину, будь это девица или вдова, жениху голой, и какой-либо почтенный муж ставит, в свою очередь, перед молодицей голого жениха. Мы со смехом высказывали свое неодобрение по поводу этого обычая, считая его нелепым, а утопийцы, наоборот, выражали свое удивление по поводу поразительной глупости

всех прочих народов. Именно, при покупке жеребенка, где дело идет о небольшой сумме денег, люди бывают очень осторожны: хотя лошадь и так почти голая, они отказываются покупать ее иначе, как сняв седло и стащив всю сбрую, из опасения, что под этими покровами таится какая-нибудь болячка. Между тем при выборе жены, в результате чего человек получит на всю жизнь удовольствие или отвращение, они поступают очень неосмотрительно: окутав все тело одеждами, они оценивают и соединяют с собою женщину на основании пространства величиною чуть не в ладонь, так как, кроме лица, ничего не видно; этим они подвергают себя большой опасности несчастного сожительства, если впоследствии окажется какой-либо недостаток. Не все настолько благоразумны, что обращают внимание исключительно на характер: даже в браках самих мудрецов к душевным добродетелям придают известную прибавку также и физические преимущества. Во всяком случае, под этими покровами может прятаться самое позорное безобразие, которое способно совершенно отвратить от жены сердце, когда физически от нее отделаться уже нельзя. Если в силу какого-нибудь несчастного случая это безобразие выпадет на долю после заключения брака, то каждому необходимо нести свой жребий, а чтобы кто не попался в ловушку ранее, от этого надо оградиться законами. Заботиться об этом надлежало тем усерднее, что утопийцы — единственные из обитателей тех стран, которые довольствуются одной женой; брак у них расторгается редко, не иначе как смертью, исключая случаи прелюбодеяния или нестерпимо тяжелого характера. В обоих случаях сенат представляет оскорбленной стороне право переменить супружескую половину, но другая обречена навеки на одновременно позорную и одинокую жизнь. Иначе же они никоим образом не допускают бросать жену против ее воли и без всякой ее вины, а только за то, что у нее появится какой-либо телесный недостаток. Они признают жестоким покидать кого-нибудь тогда, когда он всего более нуждается в утешении; это же, по их мнению, будет служить

неопределенной и непрочной опорой в старости, так как она и приносит болезни, и сама является болезнью. Впрочем, иногда бывает так, что если характеры мужа и жены недостаточно подходят друг к другу, а обе стороны находят других, с которыми надеются прожить приятнее, то с обоюдного согласия они расстаются и вступают в новый брак. Но это возможно только с разрешения сената, который не допускает разводов иначе, как по тщательном рассмотрении дела в своем составе и со своими женами. Да и в этом случае дело проходит нелегко, так как утопийцы сознают, что возможность легкой надежды на новый брак отнюдь не содействует укреплению супружеской привязанности.

Оскорбители брачного союза караются тягчайшим рабством, и если обе стороны состояли в супружестве, то понесшие обиду, в случае желания, отвергают половину, уличенную в прелюбодеянии, и сами сочетаются браком между собою или с кем захотят. Но если один из оскорбленных упорствует в любви к своей так дурно поступившей половине, то ему все же не препятствуют оставаться в законном супружестве, если он пожелает последовать за своей половиной, осужденной на рабство. При этом иногда случается, что раскаяние одного и услужливое усердие другого вызывает у князя сострадание, и он возвращает виновному свободу. Но вторичное грехопадение карается уже смертью.

За прочие преступления никакой закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский проступок кару назначает сенат. Мужья наставляют на путь жен, родители — детей, если только они не совершают такого преступления, за которое, по правилам общественной нравственности, требуется публичное наказание. Но обычно все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства. По мнению утопийцев, оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устраниТЬ их. Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь, а, с другой стороны, пример их от-

пугивает на более продолжительное время других от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут опять бунтовать и противиться, то их закалывают, как неукротимых зверей, которых не может обуздить ни тюрьма, ни цепь. Но для терпеливо сносящих рабство надежда отнюдь не потеряна. Если продолжительное страдание укротит их и они обнаружат раскаяние, свидетельствующее, что преступление тяготит их больше наказания, то иногда власть князя или голосование народа может или смягчить их рабство, или прекратить его. Стремление вовлечь женщину в прелюбодеяние утопийцы считаютисколько не меньшей дерзостью, чем самое прелюбодеяние. Вообще во всяком позорном поступке определенную и решительную попытку они приравнивают к самому деянию. По их мнению, неудача в этом отношении не должна принести никакой пользы тому, по чьей вине она произошла.

Дурачки служат у них предметом забавы; оскорбительное обращение с ними считается весьма позорным, но рядом с этим не запрещается забавляться их глупостью. Именно, утопийцы полагают, что это особенно служит на благо самим дурачкам. Если кто настолько суров и угрюм, что ни одно действие, ни одно слово дурачка не вызывает у него смеха, то такому человеку они никогда не доверяют заботу о нем. Они боятся, что дурачок не встретит достаточно ласкового ухода со стороны того, кому он не только не принесет никакой пользы, но и забавы, а это последнее — его единственное преимущество.

Смеяться над безобразием и уродством они считают позором и поношением, но не для того, кто подвергается осмеянию, а для насмешника: глупо упрекать кого-нибудь как за порок, за то, избежать чего было не в его власти. Не поддерживать естественной красоты служит, по их мнению, признаком косности и вялости, равно как искать ей опору в притираниях есть позорное бесстыдство. Они признают непосредственно на опыте, что никакой красотой наружности жены не могут приобрести расположение му-

жей в такой мере, как своей нравственностью и почтительностью. Правда, некоторые пленяются одной только красотой, но привязывают мужа лишь добродетель жены и ее повиновение.

Утопийцы не только отвращают людей наказаниями от позора, но и приглашают их к добродетелям, выставляя напоказ их почетные деяния. Поэтому они воздвигают на площади статуи мужам выдающимся и оказавшим важные услуги государству на память об их подвигах. Вместе с тем они хотят, чтобы слава предков служила для потомков, так сказать, шпорами поощрения к добродетели.

Кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех.

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно. Даже и сам князь выделяется не одеянием или венцом, а тем, что несет пучок колосьев, равно как отличительным признаком первосвященника служит восковая свеча, которую несут перед ним.

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за те, что им представляются недостаточными бесчисленные тома законов и толкователей на них.

Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота — доступность понимания для всякого. Далее они решительно отвергают всех адвокатов, хитроумно ведущих дела и лукаво толкующих законы. Они признают в порядке вещей, что каждый ведет сам свое дело и передает судье то самое, что собирался рассказать защитнику. В таком случае и окличностей будет меньше, и легче добиться истины, так как говорить будет тот, кого никакой защитник не учил прикрасам, а во время его речи

судья может умело все взвесить и оказать помощь более простодушным людям против клеветнических измышлений хитроумцев. У других народов при таком обилии самых запутанных законов это соблюдать трудно, а у утопийцев законоведом является всякий. Ведь, как я сказал, у них законов очень мало, и, кроме того, они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование. По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанностях. Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это; между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех. Кроме того, что касается простого народа, который составляет преобладающее большинство и наиболее нуждается во вразумлении, то для него безразлично — или вовсе не издавать закона, или издавать его в таком изложении, что до смысла его никто не может добраться иначе, как при помощи большого ума и продолжительных рассуждений. Простой народ с его тугой сообразительностью не в силах добраться до таких выводов, да ему и жизни на это не хватит, так как она занята у него добыванием пропитания.

Эти добродетели привлекают к утопийцам внимание их свободных и независимых соседей, многих из которых они давно уже освободили от тирании. И вот эти народы просят себе у них должностных лиц, одни ежегодно, другие на пять лет. По окончании срока иноземцы провожают этих лиц с почетом и похвалою и привозят с собою на родину новых. Разумеется, эти народы выражают подобной мерой прекрасную и тщательную заботливость о пользе своего государства: если и благоденствие и гибель его зависят от характера должностных лиц, то на ком можно с большим благоразумием остановить свой выбор, как не на тех, кого ни за какую плату нельзя отклонить от честного исполнения долга? Этот подкуп бесполезен для утопийцев, так как им предстоит в скором времени вернуться обратно; с другой стороны, гражданам они совершенно чу-

жды и потому не могут дать решения под влиянием дурно направленного лицеприятия или вражды. Как только заведутся в судах эти два бедствия, пристрастие и корыстолюбие, они тотчас нарушают всякую справедливость, этот крепчайший нерв государства. Те народы, которые просят себе у утопийцев должностных лиц, называются у них союзниками, а прочих, кто ими облагодетельствован, они именуют друзьями.

Утопийцы не вступают ни с одним народом в договоры, которые остальные народы столько раз взаимно заключают, нарушают и возобновляют. К чему договор, спрашивают они, как будто природа не достаточно связует человека с человеком? Неужели можно думать, что тот, кто пренебрежет ею, будет заботиться об исполнении слов? К этому мнению они приходят главным образом потому, что в тех странах договоры и соглашения государей соблюдаются не особенно добросовестно. Вот в Европе, особенно в тех частях ее, где распространена христианская вера и религия, повсюду величие договоров свято и нерушимо. Причиной этого служат, с одной стороны, справедливость и доброта государей, а с другой — уважение и страх перед папами. Они как сами не берут на себя ничего без самого тщательного исполнения, так повелевают всем прочим государствам всячески держаться своих обещаний, а уклоняющихся побуждают своим пастырским судом и строгостью. Они вполне справедливо признают величайшим позором отсутствие веры в договорах тех людей, которые по преимуществу называются верными.

А в том новом мире, который экватор отделяет от нашего не столько дальним расстоянием, как разницей в жизни и обычаях, нет никакой уверенности в договорах. Чем большими и святейшими церемониями сопровождается заключение каждого из них, тем скорее его нарушают. Именно, легко найти каверзу в словах, которые иногда умышленно диктуют так хитро, что ими нельзя сковать никакие узы, и открывается известная лазейка для одинаковой увертки и от договора и от верности. И вот лица,

которые дали государям подобный совет, с похвальбою называют себя виновниками его. А окажись такое лукавство, или скорее обман и коварство, в соглашении частных лиц, то эти же самые лица стали бы весьма высоко-мерно кричать, что это — святотатство и заслуживает виселицы. Из этого можно сделать двоякий вывод: или вся справедливость представляется только презренной и низменной, сидящей далеко ниже высокого трона царей, или существуют, по крайней мере, две справедливости: одна из них приличествует простому народу, ходящая пешком и ползающая по земле, спутанная отовсюду многими оковами, чтобы она нигде не могла перескочить ограды; другая — добродетель государей; она — величественнее предшествующей, народной, а вместе с тем и значительно свободнее ее, потому ей все позволено, кроме того, что ей не угодно.

Эти нравы тамошних государей, так плохо соблюдающих договоры, служат, по-моему, причиною того, что утопийцы не заключают никаких договоров; но если бы они жили с нами, то, может быть, переменили бы мнение на этот счет. Правда, с точки зрения утопийцев, укоренившаяся привычка заключать договоры в общем противодействует надлежащему выполнению их. Именно, в силу этой привычки, народы, которые отделены один от другого только небольшим холмиком или ручейком, забывают, что их соединяют узы природы, а считают, что родились врагами и недругами друг другу, и законно идут губить одни других, если этому не препятствуют договоры. Мало того, даже после заключения их народы не сливаются в дружбе, а оставляют за собою ту же возможность грабить друг друга, поскольку в условиях договора, при его заключении, не включено решительной оговорки, запрещающей это. Между тем, по мнению утопийцев, нельзя никого считать врагом, если оба не сделали нам никакой обиды: узы природы заменяют договор, и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами.

О военном деле

Утопийцы сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной. Не желая, однако, обнаружить, в случае необходимости, свою неспособность к ней, они постоянно упражняются в военных науках. Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или жалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию. Правда, они посыпают помощь друзьям не всегда для защиты, но иногда также с целью отплатить и отомстить за причиненные обиды. Но они поступают так только в том случае, если, когда еще все было по-хорошему, к ним обращались за советом, они проверили дело, требовали и не получали удовлетворения. После всего этого они решают напасть на зчинщиков войны. Так поступают они во всех тех случаях, когда враги произвели набег и угнали добычу. Но особенно яростно действуют они тогда, когда их купцы, где бы то ни было, подвергаются, под предлогом справедливости, несправедливому обвинению на основании поддельных законов или злостного подмена настоящих. Именно таково было происхождение той войны, которую нездолго до нашего времени утопийцы вели в защиту нефелогетов против алаополитов. Купцы нефелогетов были обижены алаополитами, которые, по их мнению, стояли на точке зрения права. Но было ли это право или бесправие, во всяком случае, возмездием за него явилась жесточайшая война, во время которой к силам и ненависти той и другой стороны присоединили свою помощь и средства окрестные племена. В результате одни из цветущих народов испытали значительное потрясение, а другие были сильно разорены, и, так

как утопийцы боролись не для себя, основанные на зле бедствия алаополитов кончились их рабством и сдачей, в силу чего они перешли во власть нефелогетов. Этот народ, когда дела алаополитов были в цветущем положении, не мог идти ни в какое сравнение с ними.

С такой жестокостью мстят утопийцы за обиды, даже денежные, причиненные их друзьям. К собственным обидам они менее чувствительны. Если они потерпят в силу обмана имущественный ущерб, но при этом дело обошлось без физическою насилия, то до получения удовлетворения они выражают свой гнев только тем, что воздерживаются от сношений с этим народом. Это зависит не от того, что они заботятся о своих гражданах меньше, чем о союзниках, но отобрание у последних денег приводит утопийцев в большее негодование, чем если бы это случилось с ними самими. Дело в том, что купцы их друзей теряют часть своей личной собственности и потому ощущают от урона тяжелую рану; а у граждан Утопии гибнет только часть государственного достояния, и притом такая, которая являлась в своей стране избытком и, так сказать, лишним остатком, иначе она не подлежала бы вывозу за границу. Таким образом, урон ни для кого не является ощутительным. Поэтому они считают чересчур жестоким мстить смертью многих за убыток, невыгода которого прошла незамеченной для их жизни в ее потребностей. Но если какой их гражданин где бы то ни было получит от обидыувечье или смерть, то, произошло ли это по вине государства или частных лиц, они отправляют послов для расследования дела и успокаиваются только с выдачей виновных, а иначе немедленно объявляют войну. Выданных виновных они карают смертью или рабством.

Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда. Они приравнивают это к безумию покупать за чрезмерно дорогую цену хотя бы и редкостные товары. Наоборот, победа и давление врага искусством и хитростью служит для них предметом усиленной похвалы; они устраивают по это-

му поводу триумф от имени государства и, как после геройского подвига, воздвигают памятник. Они с гордостью заявляют, что только подобная победа должна быть признана действительно мужественной и доблестной, так как ее не могло таким способом одержать никакое другое животное, кроме человека, а именно — силою таланта. Действительно, физическою силою борются, по их словам, медведи, львы, вепри, волки, собаки и прочие звери; большинство их превосходит нас силой и свирепостью, но, с другой стороны, все они уступают нам в отношении талантливости и разума.

Во время войны утопийцы имеют в виду исключительно одно: добиться осуществления той цели, предварительное достижение которой сделало бы войну излишнею. Если же обстоятельства запрещают это, они требуют для врагов особо сурового возмездия, наводя на них такой ужас, который не даст им дерзнуть на то же самое впоследствии. Эти свои цели и намерения они намечают ясно и стремятся осуществить возможно скорее, но все же на первом плане стоит у них забота о том, чтобы избежать опасностей, а не о том, чтобы добиться похвалы и славы. Поэтому сразу по объявлении войны они стараются тайно и одновременно развесить в наиболее заметных местах вражеской страны возвзвания, скрепленные своей государственной печатью. Здесь они обещают огромные награды тому, кто погубит вражеского государя; затем меньшие, хотя также очень хорошие награды, назначаются за каждую отдельную голову тех лиц, чьи имена объявлены в тех же возвзваниях. Эти лица, с точки зрения утопийцев, стоят на втором месте после государя как виновники раздора с ними. Награда, обещанная убийце, удваивается для того, кто приведет к ним живым кого-нибудь из внесенных в упомянутые списки. Наряду с этим и сами внесенные в списки приглашаются действовать против товарищей, причем им обещаются те же самые награды и вдобавок безнаказанность.

В результате враги утопийцев начинают быстро подозревать всех прочих людей, не могут ни на кого положить-

ся и не верят друг другу, а пребывают в сильном страхе и ожидании опасностей. Неоднократно известны такие случаи, когда значительную часть внесенных в списки лиц, и прежде всего самого государя, выдавали те, на кого эти лица особенно надеялись. Так легко подарки склоняют людей на любое преступление. А утопийцы не знают никакой меры в обещании этих подарков. Вместе с тем они не забывают, на какой решительный шаг они толкают людей, а потому стараются силу опасности возместить громадностью благоденствий; именно, они обещают не только неизмеримую кучу золота, но и очень доходные имения, которые назначают в полную и постоянную собственность в наиболее безопасных местностях, принадлежащих их друзьям; эти обещания они осуществляют с полнейшей добросовестностью.

Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки, признавая это жестоким поступком, основанным на нравственной низости; утопийцы же вменяют это себе в огромную похвалу, считая подобное окончание сильнейших войн совершенно без всякого сражения делом благоразумия. Вместе с тем они называют такой образ действий и человечным и милосердным. Действительно, смерть немногих виновных искупает жизнь многих невинных, обреченных на смерть в сражении, как из среды самих утопийцев, так и их врагов. Массу простого народа утопийцы жалеют почти не меньше, чем своих граждан. Они знают, что эти люди идут на войну не по своей воле, а гонимые безумием государей.

Если дело не подвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать семена междуусобий, прельщая брата государя или кого-нибудь из вельмож надеждой на захват верховной власти. Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравливают на врагов их соседей, для чего откапывают какую-нибудь старую и спорную договорную статью, которые у королей всегда имеются в изобилии. Из обещанных собственных средств для войны утопийцы деньги дают весьма щедро, а граждан

очень экономно; ими тогда они особенно дорожат и вообще настолько ценят друг друга, что никого из своих граждан не согласились бы променять на вражеского государя. Что же касается золота и серебра, то их они тратят без всякого затруднения, так как хранят эти металлы целиком исключительно для подобных надобностей, тем более что и в случае совершенного израсходования этих средств жизнь утопийцев должна протекать с не меньшими удобствами. Вдобавок, кроме богатств, хранящихся дома, у них есть еще неизмеримое сокровище за границей, в силу которого, как я сказал раньше, очень многие народы у них в долг. Таким образом, они посылают на войну солдат, нанятых отовсюду, а особенно из среды заполетов. Этот народ живет на восток от Утопии, на расстоянии пятисот миль, и отличается суворостью, грубостью и свирепостью. Они предпочитают всему непроходимые леса и горы, которые их вскормили. Это — племя дикое, привычное к жаре, холоду и труду, чуждое всякой изнеженности; земледелием они не занимаются, на свои жилища и платье не обращают никакого внимания, а имеют попечение только о скоте. Живут они по большей части охотой и грабежом, рождены исключительно для войны, усердно ищут возможности вести ее, а когда найдут, с жадностью хватаются за это и, выступив в большом числе, за дешевую плату предлагают себя всякому ищущему солдат. В жизни они знают только то искусство, которым добывается смерть. У кого они служат, за того они борются энергично и с не-подкупной верностью. Но они не связывают себя никаким определенным сроком, а берутся за дело с тем условием, что на следующий день готовы стать на сторону врагов, если те предложат им большее вознаграждение, через день же могут вернуться обратно, если их пригласить с надбавкой цены. Редкая война начинается без того, чтобы в войске обеих сторон не было значительной доли заполетов. В силу этого ежедневно бывает, что люди, связанные узами кровного родства, которые, служа по найму на одной и той же стороне, жили в самом тесном дружеском обще-

нии, немного спустя разделяются по неприятельским войскам и встречаются как враги и в самом неприязненном настроении; они забывают о происхождении, не помнят о дружбе, а наносят раны друг другу, и к этой взаимной гибели их гонит только та причина, что различные государи наняли их за крохотные деньжонки. Заполеты ведут такой точный счет им, что за прибавку к ежедневной плате одного гроша легко склонны перейти на другую сторону. Таким образом, они быстро впитали в себя алчность, которая, однако, не приносит им никакой пользы. Именно, что они добывают кровью, то немедленно тратят на роскошь, и притом жалкого свойства.

Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, как нигде в другом месте. Именно, утопийцы ищут не только хороших людей на пользу себе, но и этих негодяев, чтобы употребить их на зло. В случае надобности они подстрекают заполетов щедрыми посулами и подвергают их величайшим опасностям, из которых обычно большая часть заполетов никогда не возвращается за обещанным. Но тем, кто уцелеет, утопийцы добросовестно выплачивают, что посулили, желая разжечь их на подобный же риск. Поступая так, утопийцы имеют в виду только гибель возможно большего количества их, так как рассчитывают заслужить большую благодарность человечества в случае избавления вселенной от всего сброда этого отвратительного и нечестивого народа.

После заполетов утопийцы берут войска того народа, в защиту которого поднимают оружие, затем вспомогательные отряды прочих друзей. Напоследок они присоединяют собственных граждан, одного из которых, мужа испытанной доблести, они ставят во главе всего войска. К нему назначаются два заместителя, которые, однако, остаются частными людьми, пока с начальником ничего не произошло. В случае же его плена или гибели его замещает, как по наследству, один из двух упомянутых помощников, а его, глядя по обстоятельствам, — третий. Причиной этого слу-

жит опасение, что, ввиду превратности жребиев войны, несчастный случай с полководцем может привести в замешательство все войско. В каждом городе производится набор из числа тех, кто записывается добровольно. Утопийцы не гонят никого на военную службу за границу против его воли, так как убеждены, что если кто робок от природы, то не только сам не совершил каких-либо храбрых по-двигов, но внушит еще страх товарищам. Но если война обрушится на их отчество, то подобные трусы, при условии обладания физической силой, распределяются по кораблям вперемежку с лучшими гражданами или расставляются там и сям по стенам, откуда нельзя убежать. Таким образом, стыд перед согражданами, враг под рукою и отсутствие надежды на бегство уничтожают страх, и часто из храбрецов поневоле они обращаются в настоящих.

Повторяю, утопийцы не тянут никого из своей среды против его воли на войну за границу, но, с другой стороны, если какая женщина пожелает пойти с мужем на военную службу, то она не только не встречает препятствия в этом, а наоборот, поощрение и похвалу; в строю всякую из выступивших ставят рядом с ее мужем, затем каждого окружают его дети, свойственники и родственники. Таким образом, ближайшей и непосредственной поддержкой друг другу служат те, кого сама природа всего сильнее подстремляет приносить помощь друг другу. Огромным позором считается, если один из супругов вернется без другого или сын придет обратно, потеряв отца. Поэтому, если самим утопийцам приходится вступить в рукопашный бой, то, в случае упорного сопротивления врагов, сражение затягивается надолго, ведется с ожесточением и заканчивается полным уничтожением противника. Понятно, что утопийцы всячески стараются избежать необходимости бороться, но, с другой стороны, когда вступить в битву им представляется неминуемым, то их бесстрашие в этом отношении равняется тому благородству, с каким ранее, пока была возможность, они уклонялись от боя. Отвага их проявляется не сразу с первым натиском, но они набира-

ются сил и крепнут медленно и мало-помалу доходя до такого упорства, что их можно скорее уничтожить, чем заставить повернуть в тыл. Подъем настроения и презрение к поражению создаются у них твердой надеждой на то, что у каждого из них имеется дома все необходимое для пропитания; кроме того, им не надо тревожиться и думать о своем потомстве, а такая забота везде губит порывы благородного мужества. Далее, их уверенность в себе создается осведомленностью в военных науках; наконец, храбрость их усиливается от правильных взглядов, которые внушены им с детства и образованием, и прекрасным государственным строем. В силу этого они не ценят жизнь настолько дешево, чтобы тратить ее зря, но вместе с тем и не дорожат ею с таким бесстыдством, чтобы жадно и по зорно цепляться за нее, когда долг чести внушает расстаться с ней.

В то время как везде кипит ожесточенная битва, отборные юноши, связанные клятвой и присягой, намечают себе в жертву вражеского вождя. Он подвергается открытому нападению и ловле из засады; его преследуют издали и вблизи; его атакует длинный и непрерывный клин, утомленные борцы которого постоянно заменяются свежими. Если этот вождь не спасется бегством, то дело редко обходится без его гибели или без того, что он живым попадает во власть врагов. Если победа остается на стороне утопийцев, то они отнюдь не продолжают кровопролития; бегущих они охотнее берут в плен, чем убивают. Вместе с тем они никогда не увлекаются преследованием беглецов настолько, чтобы не удержать все же одного отряда под знаменами и в полном боевом порядке. Поэтому если все прочие части их армии терпели поражение и утопийцам удавалось одержать победу только при помощи их последнего отряда, то они позволяли скорее уйти всем врагам, чем себе преследовать беглецов, приведя свои ряды в замешательство. Они припоминают при этом такие случаи из своей практики: вся масса их войск бывала разбита наголову, враги, радуясь победе, преследовали отступавших по всем

направлениям, а немногие из утопийских граждан, помещенные в резерве и выжидавшие удобного случая, внезапно нападали врасплох на бродивших вразброда и забывших всякую осторожность неприятелей. Это меняло исход всего сражения; вполне верная и несомненная победа исторгалась из рук, и побежденные, в свою очередь, побеждали победителей.

Что касается военных хитростей, то трудно сказать, в чем тут утопийцы проявляют больше ловкости — в том, чтобы их устроить, или в том, чтобы их избегнуть. Можно подумать, что они готовятся к бегству, когда они об этом менее всего думают; наоборот, когда они принимают такое решение, то можно предположить, что они на это менее всего рассчитывают. Именно, если они замечают свою чрезмерную слабость с точки зрения позиции или численности, то снимаются с лагеря в ночном безмолвии или ускользают при помощи какой-либо военной хитрости; а иногда они медленно отходят днем, но соблюдают при этом такой боевой порядок, что, отступая, представляют не меньшую опасность для нападения, как если бы они наступали. Лагерь они укрепляют весьма тщательно очень глубоким и широким рвом, а удаленную землю выбрасывают внутрь; для этой работы они не прибегают к помощи наемников; все делается руками самих солдат. Занято этим все войско, за исключением тех, кто стоит на страже на валу на случай внезапных нападений. В итоге такого усиленного старания со стороны, многих большие и требующие много места укрепления заканчиваются утопийцами быстрее всякого вероятия.

Оружие для отражения ударов у них очень крепкое и отлично приспособленное для всякого движения и ношения; поэтому тяжести его они не чувствуют даже и при плавании. Привычка плавать в вооружении принадлежит к числу упражнений, связанных с военной наукой. Дальнобойным оружием служат стрелы, которые они — не только пехотинцы, но и конные —пускают с огромной силой и ловкостью. В рукопашном бою они дерутся не мечами,

а топорами, которыми и рубят и колют, причиняя смерть их острием и тяжестью. Военные машины они изобретают очень искусно, а после сооружения тщательно прячут, чтобы не обнаружить их раньше, чем они понадобятся, и через это не сделать их скорее предметом насмешки, чем пользования. При устройстве этих машин прежде всего имеется в виду, чтобы они были легкими для перевозок и удобно поворачивались.

Заключенное с врагами перемирие они соблюдают свято, так что не нарушают его даже и тогда, когда их к тому вынуждают. Вражеской страны они не опустошают, посевов не сжигают, а даже, по мере возможности, заботятся, чтобы их не потоптали люди или лошади. Утопийцы полагают, что эти посевы растут на их пользу. Из безоружных они никого не обижают, если это не шпион. Сдавшиеся города они охраняют, но и завоеванные не разграбляют, а убивают противившихся сдаче, прочих же защитников обращают в рабство. Все мирное население они оставляют нетронутым. Если они узнают про кого, что они советовали сдаться, то уделяют им известную часть из имущества осужденных; остальное они дарят союзникам. Из среды самих утопийцев никто не берет никакой добычи.

После окончания войны они налагают расходы не на друзей, на которых потратились, а на побежденных. С этой целью утопийцы требуют от них отчасти денег, которые берегут для подобных же военных случайностей, отчасти же имений немалой ценности, которыедерживают у них за собой навсегда.

Подобные доходы имеют они теперь у многих народов. Возникнув мало-помалу по разным причинам, эти доходы возросли до суммы выше семисот тысяч дукатов ежегодно. Для управления ими утопийцы ежегодно посыпают некоторых из своих сограждан с именем квесторов, чтобы они могли жить там великолепно и представлять собою вельмож; но и после этого остается значительная часть денег, которая вносится в казну. Иногда же утопийцы предпочитают доверить ее тому же народу и так поступают ча-

сто до тех пор, пока она им понадобится. Но едва ли бывает когда-либо, чтобы они потребовали все целиком. Часть указанных имений они уделяют тем, кто по их подговору берет на себя упомянутое мною раньше рискованное предприятие. Если кто-либо из государей поднимает оружие против утопийцев и готовится напасть на их страну, они тотчас с большими силами выходят ему навстречу за свои пределы. Они не ведут зря войны на своей территории, и нет никакой побудительной причины, которая бы заставила их допустить на свой остров чужие вспомогательные войска.

О религиях утопийцев

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие — Луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благородная, часть не признают ничего подобного, а верят в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, и никому другому, они воздают и божеские почести.

Мало того, и все прочие, несмотря на различие верований, согласны с только что упомянутыми согражданами в признании единого высшего существа, которому они обязаны и созданием вселенной, и провидением. Все вообще называют это существо на родном языке Митрою, но расходятся в том, что этот одинаковый бог у всех принимается по-разному. Однако, по признанию всех, кем бы ни было

то, что они считают высшим существом, в итоге это одна и та же природа, божественной силе и величию которой соглашение всех народов усвояет первенство над всем. Впрочем, мало-помалу утопийцы отстают от этих разнообразных суеверий и приходят к единодушному признанию той религии, которая, по-видимому, превосходит остальные разумностью. Нет сомнения, что прочие религии уже давно бы исчезли у них; но если кто задумает переменить религию, а судьба пошлет ему в это время какую-либо неудачу, то страх истолкует ее так, что она произошла не случайно, а послана с неба, именно — будто бы божество, культа которого оставляют, мстит за нечестивое намерение против него.

Но вот утопийцы услышали от нас про имя Христа, про его учение, характер и чудеса, про не менее изумительное упорство стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых привела в их веру на огромном протяжении столько многочисленных народов. Трудно поверить, как легко и охотно они признали такое верование; причиной этому могло быть или тайное внушение божие, или христианство оказалось ближе всего подходящим к той ереси, которая у них является предпочтительной. Правда, по моему мнению, немалую роль играло тут услышанное ими, что Христу нравилась совместная жизнь, подобная существующей у них, и что она сохраняется и до сих пор в наиболее чистых христианских общинах. Но какова бы ни была причина этого, немалое количество их перешли в нашу религию и приняли омовение святой водой.

Между тем из нас шестерых двое скончались, а из четырех оставшихся ни один, к сожалению, не был священником. Поэтому посвященные в прочие таинства утопийцы лишены тех, которые у нас совершают только священники. Однако утопийцы понимают эти таинства и очень сильно желают их. Мало того, они усердно обсуждают между собою вопрос, может ли какой-нибудь избранник из их среды получить сан священника без посылки к ним епископа. И, по-видимому, они склонялись к избранию, но,

когда я уезжал, никого еще не выбрали. Даже и те, кто не согласен с христианской религией, все же никого не отпускают от нее, не нападают ни на одного ее приверженца. Только одно лицо из нашей среды подверглось в моем присутствии наказанию по этому поводу. Это лицо, недавно принявшее крещение, стало, с большим усердием, чем благородствием, публично рассуждать о поклонении Христу, хотя мы советовали ему не делать этого. При таких беседах он стал увлекаться до того, что не только предпочитал наши святыни прочим, но подвергал беспрестанному осуждению все остальные; громко кричал, что все они — языческие, поклонники их — нечестивцы и святотатцы и должны быть наказаны вечным огнем. Он долгое время рассуждал на эту тему, но был арестован и подвергнут суду и осуждению как виновный не в презрении к религии, а в возбуждении смуты в народе. По осуждении он был приговорен к изгнанию. Именно, среди древнейших законов утопийцев имеется такой, что никому его религия не ставится в вину.

Действительно, Утоп с самого начала узнал, что до его прибытия туземцы вели между собою постоянную религиозную борьбу; вместе с тем он заметил, что при общем раздоре каждая sectа боролась за отечество врозницу, и это обстоятельство дало ему возможность без труда победить всех. Поэтому, одержав победу, он прежде всего узаконил, что каждому позволяет принадлежать к той религии, какая ему нравится, если же он будет пытаться обратить к ней других, то может это устраивать только мирным и кратким путем, силой доказательств; если же он не достигнет этого советами, то не должен отвращать от других верований сурвостью; он не должен применять никакого насилия, и ему надо воздерживаться от всяких ругательств. Всякого дерзкого спорщика по этому вопросу они наказывают смертью или рабством.

Утоп провел этот закон не только из уважения к внутреннему миру, который, как он видел, совершенно уничтожается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти; нет, мысль законодателя была та, что это постанов-

ление необходимо в интересах самой религии. Утоп не рискнул вынести о ней какое-нибудь необдуманное решение. Для него было неясно, не требует ли бог разнообразного и многостороннего поклонения и потому внушает разным людям разные религии. Во всяком случае, законодатель счел нелепостью и наглостью заставить всех признавать то, что ты считаешь истинным. Но, допуская тот случай, что истинна только одна религия, а все остальные суетны, Утоп все же легко предвидел, что сила этой истины в конце концов выплынет и выявит сама собою; но для достижения этого необходимо действовать разумно и кротко. Если же дело дойдет до волнений и борьбы с оружием в руках, то наилучшая и святейшая религия погибнет под пятою суетнейших суеверий, как нивы среди терновника и сорняка, так как все скверные люди отличаются наибольшим упорством. Поэтому Утоп оставил весь этот вопрос нерешенным и предоставил каждому свободу веровать во что ему угодно. Но он с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несет зря, без всякого участия прорицания. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, а за добродетель — награды. Мыслящего иначе они не признают даже человеком, так как подобная личность приравнила возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей. Такого человека они не считают даже гражданином, так как он, если бы его не удерживал страх, не ставил бы ни во что все уставы и обычаи. Действительно, если этот человек не боится ничего, кроме законов, надеется только на одно свое тело, то какое может быть сомнение в том, что он, угождая лишь своим личным страстям, постараётся или искусно обойти государственные законы своего отечества, или преступить их силою? Поэтому человеку с таким образом мыслей утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы. Его считают везде за существо-

бесполезное и низменное. Но его не подвергают никакому наказанию в силу убеждения, что никто не волен над своими чувствами. Вместе с тем утопийцы не заставляют его угрозами скрывать свое настроение; они не допускают притворства и лжи, к которым, как ближе всего граничащим с обманом, питают удивительную ненависть. Но они запрещают ему вести диспуты в пользу своего мнения, правда, только перед народной массой: отдельные же беседы со священниками и серьезными людьми ему не только дозволяются, но даже и поощряются, так как утопийцы уверены в том, что это безумие должно в конце концов уступить доводам разума.

Есть там и другая секта, отнюдь не малочисленная и не встречающая никакого запрета, так как приверженцы ее не считаются людьми дурными и по-своему не совершенно лишены разума. Именно, они держатся совершенно противоположного превратного мнения, будто и души скотов существуют вечно, хотя они все же по достоинству непревзойдены с нашими и не рождены для равного счастья. Что же касается душ людей, то почти все утопийцы считают верным и непреложным их неизмеримое блаженство. Поэтому из больных они оплакивают всех, а из покойников никого, кроме тех, кто, по их наблюдению, расстается с жизнью со страхом и против воли. Именно, они считают это очень дурным предзнаменованием и предполагают, что такая душа боится конца, так как безнадежно томится от какого-то тайного предчувствия грядущего наказания. Сверх того, по их мнению, богу отнюдь не будет угоден приход такого человека, который не бежит охотно на зов, а тащится против воли и упираясь. Взирающие на смерть подобного рода приходят в ужас и поэтому выносят усопших с печалью и в молчании и зарывают труп в землю после молитвы милостивому к душам богу, чтобы он по своей благости простил их слабости.

Наоборот, никто не скорбит о всех тех, кто скончался бодрым и исполненным доброй надежды. Похороны таких лиц они сопровождают пением, поручают их души богу

с большой любовью и в конце концов сжигают их тела скорее с уважением, чем со скорбью, и воздвигают на этом месте столп с вырезанными на нем заслугами умершего. По возвращении домой они разбирают черты его характера и поступки, и ни одна сторона жизни не упоминается так часто и так охотно, как его радостная кончина. Это воспоминание о высоких качествах умершего, по их мнению, служит для живых весьма действенным поощрением к добродетелям; вместе с тем они считают такое уважение весьма приятным и для усопших; они, по предположению утопийцев, присутствуют при разговорах о них, но, по притупленности человеческого зрения, невидимы. Действительно, с уделом блаженства не может быть связано лишение свободы переселяться куда угодно, а с другой стороны, умершие обнаружили бы полную неблагодарность, отказавшись совершенно от желания видеть своих друзей, с которыми их связывала при жизни взаимная любовь и привязанность, а это чувство, — догадываются утопийцы, — подобно прочим благам, скорее увеличивается после смерти, чем уменьшается. Итак, по их верованиям, мертвые пребывают среди живых, наблюдая за их словами и действиями. Поэтому, как бы опираясь на таких защитников, утопийцы приступают к своим делам с большой смелостью, а вера в присутствие предков удерживает их от тайных бесчестных поступков.

Утопийцы совершенно презирают и высмеивают приметы и прочие гадания, очень уважаемые другими народами, но основанные на пустом суеверии, а преклоняются перед чудесами, происходящими без всякого пособия природы, считая их действиями, свидетельствующими о присутствии божества. По их словам, подобные чудесные знамения часто бывают и в их стране. Иногда, в важных и сомнительных случаях, утопийцы призывают их общественными молитвами, в твердом уповании на их действие, и достигают этого.

Утопийцы признают, что созерцать природу и затем восхвалять ее — дело святое и угодное богу. С другой стороны, среди них есть лица, и притом немалочисленные,

которые, руководясь религией, отвергают науки, не заботятся ни о каком знании, и в то же время не имеют совершенно никакого досуга: они решили заслужить будущее блаженство после смерти только деятельностью и добрыми услугами остальным. Поэтому одни ухаживают за больными, другие ремонтируют дороги, чистят рвы, чинят мосты, копают дерн, песок, камни, валят деревья и разрубают их, возят на телегах в города дрова, зерно и другое и не только по отношению к государству, но и к частным лицам ведут себя как слуги и усердствуют более рабов. Они охотно и весело берут на себя где бы то ни было всякое дело, неприятное, тяжелое, грязное, от которого большинство уклоняется по его трудности, отвращению к нему и его безнадежности. Другим они доставляют покой, а сами находятся в постоянной работе и трудах и все же не порицают, не клеймят жизни других, но не превозносят и своей. Чем более несут они рабский труд, тем больший почет получают от остальных.

Эта секта имеет две разновидности. Одни — холостяки, которые не только совершенно воздерживаются от услад Венеры, но и от употребления мяса, а иные и от всякой животной пищи; они отвергают, как вредные, удовольствия настоящей жизни, стремясь через бление и в поте лица только к будущей, и сохраняют все же веселость и бодрость в надежде на ее скорое достижение. Другие при не меньшем стремлении к труду предпочитают брак; они не отрицают утех его и считают, что должны исполнить долг природы в этом отношении и дать отечеству потомство. Они не уклоняются ни от какого удовольствия, если оно не удерживает их от труда. Они любят мясо четвероногих по той причине, что, по их мнению, эта пища делает их более сильными для всякой работы. Этих вторых сектантов утопийцы считают более благоразумными, а первых более чистыми. Если бы сектанты первого рода основывали на доводах разума свое предпочтение безбрачия — браку и жизни суровой — жизни спокойной, то они подверглись бы осмеянию; теперь же за свое признание, что они руко-

водятся тут религией, они встречают уважение и почтение. Утопийцы с особым старанием следят за тем, чтобы не высказать какого-либо опрометчивого суждения о какой-нибудь религии. Таковы те люди, которым они дают на своем языке особое название — бутрески. Это слово можно перевести латинским «религиозные».

Священники утопийцев отличаются особым благочестием, и потому их очень немного, именно — не более тридцати в каждом городе при одинаковом числе храмов, за исключением тех случаев, когда предстоит война. Тогда семь из них отправляются с войском и столько же временно замещают их. Но каждый из вернувшихся получает обратно свое место. Заместители остаются временно в свите первосвященника и заменяют по порядку первых, когда те умирают. Первосвященник стоит во главе остальных. Священников выбирает народ, и притом, подобно прочим чиновникам, тайным голосованием, во избежание пристрастия. Избранные получают посвящение от своей коллегии. Они заведуют богослужением, исполняют религиозные обряды и являются, так сказать, блюстителями нравов. Большим позором считается, если они вызывают кого к себе по поводу его недостаточно нравственной жизни или делают ему выговор.

Увещание и внушение лежат на обязанности священников, а исправление и наказание преступных принадлежат князю и другим чиновникам. Но священники отлучают от участия в богослужении тех, кого они признают безнадежно испорченными. Ни одного наказания утопийцы не страшатся больше этого. Именно, подвергшиеся ему лица испытывают величайший позор, терзаются тайным религиозным страхом, и даже личность их не остается долго в безопасности. Если они не поспешат доказать священникам свое раскаяние, то подвергаются аресту и несут от сената кару за свое нечестие.

Священники занимаются образованием мальчиков и юношей. Но они столько же заботятся об учении, как и о развитии нравственности и добродетели. Именно, они

прилагают огромное усердие к тому, чтобы в еще нежные и гибкие умы мальчиков впитать мысли, добрые и полезные для сохранения государства. Запав в голову мальчиков, эти мысли сопровождают их на всю жизнь и после возмужалости и приносят большую пользу для охраны государственного строя, который распадается только от пороков, возникающих от превратных мыслей.

Священниками могут быть и женщины. Этот пол не исключен, но выбирается реже, и это бывают только вдовы, и притом пожилые. И жены священников принадлежат к самым выдающимся женщинам в стране. Вообще ни одно должностное лицо не пользуется у утопийцев большим почетом, и даже в случае совершения какого-либо поозорного поступка священники не подлежат суду общества, а предстаивают только богу и себе самим. Утопийцы считают греховным касаться смертной рукою такого человека, который, каким бы он ни был злодеем, посвящен богу, как своеобразная священная жертва. Соблюдать этот обычай утопийцам тем легче, что священников очень мало и выбор их производится с особой тщательностью. Да и трудно допустить, что порче и пороку может поддаться наилучший из хороших человек, возвышенный в такой сан из уважения к одной добродетели. А уж если бы это действительно случилось в силу изменчивости человеческой природы, то все же не должно чрезмерно бояться, что священники могут погубить государство, ввиду их незначительного числа и отсутствия у них всякой власти, кроме почета. Столь малое число их установлено у утопийцев именно для того, чтобы от разделения почета между многими не падало достоинство их сословия, которому оказывается теперь такое высокое уважение. Особенно же трудным признают утопийцы найти в большом количестве таких хороших людей, которые соответствовали бы этому сану; для ношения его недостаточно обладать посредственными добродетелями.

Утопийские священники пользуются у чужих народов не меньшим уважением, чем у себя дома. Это легко видно

из того, из чего, по моему мнению, это уважение и возникло. Именно, во время решительного боя они не в очень дальнем расстоянии становятся отдельно на колени, одетые в священные облачения; воздев к небу руки, они молятся прежде всего об общем мире, затем о победе для своих, но без кровопролития для той и другой стороны. Когда войска утопийцев начинают брать верх, священники бегут в центр битвы и запрещают свирепствовать против побежденных. Если враги посмотрят на священников и обратятся к ним непосредственно, то этого достаточно для спасения жизни побежденного, а прикосновение его к их разевающимся одеждам защищает даже и его имущество от всякого лишения, связанного с войной. Поэтому все соседние народы питают к ним огромное уважение и так высоко ценят их величие, что священники столь же часто спасали свое войско от врагов, как врагов от своих граждан. Именно, бывали иногда такие случаи, когда войско утопийцев начинало подаваться, положение становилось отчаянным, они готовились даже бежать, а враги устремлялись бить и грабить их, и вот тут вмешательство священников прерывало резню, оба войска размыкались и заключали между собою прочный мир на справедливых условиях. Никогда не было ни одного народа, настолько дикого, жестокого и варварского, который бы не признавал личность утопийских священников неприкосновенной и не подлежащей оскорблению.

Утопийцы считают праздничными начальный и последний день каждого месяца, а равно и года, который делят на месяцы; срок их ограничен обращением Луны, а год определяется круговоротом Солнца. Первые дни каждого месяца они называют на своем языке цинемерными, а последние — трапемерными; эти слова можно перевести: первые праздники и конечные праздники.

Храмы их представляют выдающееся зрелище; они не только построены с большим искусством, но и могут вместить огромное количество народа, что является необходимым при крайней их малочисленности. Все они, одна-

ко, темноваты. По объяснениям утопийцев, это произошло не от невежества в архитектуре, а устроено по совету священников. Именно, по их мнению, неумеренный свет рассеивает мысли, а скучный и, так сказать, сомнительный сосредоточивает религиозное чувство. Религия в Утопии не у всех одинакова, но ее виды, несмотря на свое разнообразие и многочисленность, различными путями как бы сходятся все к одной цели — почитанию божественной природы. Поэтому в храмах не видно и не слышно ничего такого, что не подходило бы ко всем религиям вообще. Священнодействия, присущие всякой секте в отдельности, каждый отправляет в стенах своего дома. Общественные богослужения совершаются таким чином, который ни в чем не противоречит службам отдельных сект.

Поэтому в храме не видно никаких изображений богов, отчего каждый волен представлять себе бога в какой угодно форме, так сказать с точки зрения своей религии. Обращаясь к богу, они не называют его никаким особым именем, кроме Митры; этим наименованием все согласно признают единую природу его божественного величия, какова бы ни была она. Утопийцы не творят никаких молитв, которых каждый не мог бы произнести без оскорблении своей секты.

Итак, в конечные праздники они натощак вечером собираются в храм с тем, чтобы благодарить бога за благополучно проведенный год или месяц, последний день которого составляет этот праздник. На следующий день, то есть в первый праздник, они рано утром стекаются во храм для совместной молитвы о благополучии и счастье в наступающем году или месяце, который они готовятся освятить этим праздником. Но в конечные праздники, до отправления в храм, жены припадают к ногам мужей, дети — родителей, признают свои прегрешения в том, что они или совершили что-нибудь неподобающее, или небрежно относились к своим обязанностям, и молят о прощении своих заблуждений. Таким образом, всякое облачко, омрачившее домашний раздор, рассеивается от подобного извинения,

и они могут участвовать в богослужении с чистым и ясным настроением. Присутствие же там с нечистой совестью считается греховным. Поэтому человек, сознающий за собою ненависть или гнев на кого-нибудь, идет на богослужение, только примирившись и очистившись; иначе он опасается быстрого и тяжкого возмездия.

По приходе в храм мужчины направляются на правую сторону его, а женщины — отдельно, на левую. Затем они размещаются так, что мужчины каждого дома садятся впереди отца семейства, а вереницу женщин замыкает мать семейства. Это делается в тех видах, чтобы все движения каждого вне дома подлежали наблюдению со стороны тех, чей авторитет и надзор руководит ими дома. Мало того, они старательно следят также за тем, чтобы младшие сидели там повсюду бок о бок со старшими, иначе дети, порученные детям же, будут проводить в детских шалостях то время, когда они должны особенно проникаться религиозным страхом к божеству, а это служит главнейшим и почти единственным поощрением к добродетели.

Утопийцы не закалывают на богослужении никаких животных и не думают, чтобы бог, даровавший в своем милосердии жизнь людям для жизни же, находил удовольствие в крови и убийствах. Они зажигают ладан, равно как и другие благовония, и сверх этого приносят массу восковых свечей. Им отлично известно, что это, равно как и самые молитвы людей, отнюдь не нужно для природы божества, но им нравится подобный безвредный род богопочитания, и они чувствуют, что этот запах, освещение, равно как и прочие обряды, каким-то непонятным образом вызывают людей и пробуждают в них большую бодрость для поклонения богу. Народ в храме одет в белое платье; священник облекается в разноцветное, удивительное по работе и по форме. Материя его не очень дорогая: она не выткана из золота и не украшена редкостными камушками, но очень умело и с замечательным искусством выделана из птичьих перьев, так что стоимость работы не может сравняться ни с какой материей. К тому же, по словам утопий-

цев, в перьях и пухе этих птиц и в их определенном расположении, в котором они чередуются на одежде священника, заключается некий таинственный смысл. Истолкование его, которое тщательно передается священнослужителями, должно напоминать о благодеяниях божиих к ним, равно как и об их добродетели и о взаимных обязанностях друг к другу.

Когда священник в таком наряде впервые появляется из святилища, все немедленно с благоговением падают ниц на землю. При этом со всех сторон царит самое глубокое молчание, так что самая внешность этого обряда внушает известный страх, как будто от присутствия какого-нибудь божества. Полежав немного на земле, они поднимаются по данному священником знаку. Затем они поют хвалы Богу, которые чередуют с игрой на музыкальных инструментах, по большей части другой формы, чем те, которые имеются у нас. Большинство из этих инструментов своею приятностью превосходят употребительные у нас, их нельзя даже и сравнивать с нашими. Но в одном отношении, без сомнения, утопийцы значительно превосходят нас; вся их музыка, гремит ли она на органах или исполняется голосом человека, весьма удачно изображает и выражает естественные ощущения; звук вполне приспособливается к содержанию, есть ли это речь молитвы или радость, умилостивление, тревога, печаль, гнев; форма мелодии в совершенстве передает определенный смысл предмета. В результате она изумительным образом волнует, проникает, зажигает сердца слушателей.

Напоследок священник, равно как и народ, торжественно произносит праздничные молитвы. Они составлены так, что читаемое всеми вместе каждый в отдельности может относить к самому себе. В этих молитвах всякий признает Бога творцом, правителем и, кроме того, подателем всех прочих благ; воздает ему благодарность за столько полученных благодеяний, а особенно за то, что попал в такое государство, которое является самым счастливым, получил в удел такую религию, которая, как он надеется, есть

самая истинная. Если же молящийся заблуждается в этом отношении или если существует что-нибудь лучшее данного государственного строя и религии и бог одобряет это более, то он просит, чтобы по благости божией ему позволено было познать это; он готов следовать, в каком бы направлении бог ни повел его. Если же этот вид государства есть наилучший и избранная им религия — самая приличная, то да пошлет ему бог силу держаться того и другого и да приведет он всех остальных смертных к тем же правилам жизни, к тому же представлению о боге. Правда, может быть, неисповедимая воля находит удовольствие в подобном разнообразии религий. Наконец, утопиец молится, чтобы бог принял его к себе после легкой кончины; конечно, молящийся не дерзает определить, будет ли это скоро или поздно. Правда, насколько это позволительно совместить с величием божиим, для утопийца будет гораздо приятнее перейти к богу после самой тяжелой смерти, чем вести долгую удачную жизнь вдали от него. После произнесения этой молитвы они снова падают ниц на землю и, встав через короткое время, идут обедать, а остаток дня проводят в играх и в занятиях военными науками.

Я описал вам, насколько мог правильно, строй такого общества, какое я, во всяком случае, признаю не только наилучшим, но также и единственным, которое может присвоить себе с полным правом название общества. Именно, в других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами. И здесь и там такой образ действия вполне правilen. Действительно, в других странах каждый знает, что, как бы общество ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа, то есть других. Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек

не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты. Действительно, может ли быть лучшее богатство, как лишенная всяких забот, веселая и спокойная жизнь? Тут не надо тревожиться насчет своего пропитания; не приходится страдать от жалобных требований жены, опасаться бедности для сына, беспокоиться о приданом дочери. Каждый может быть спокоен насчет пропитания и благополучия как своего, так и всех своих: жены, сыновей, внуков, правнуków, праправнуków и всей длинной вереницы своих потомков, исчисление которой принято в знатных родах. Далее, о потерявших работоспособность утопийцы заботятся несколько не меньше, чем и о тех, кто работает теперь. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь посмел сравнить с этим беспристрастием справедливость других народов. Да провалиться мне, если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия! В самом деле, возьмем какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным. В самом деле, скот не несет постоянно такого труда, питание его только немногого хуже, а для него и приятнее, и наряду с этим у него нет никакого страха за будущее. Что же касается людей, то их угнетает в настоящем бесплодный и без-

выгодный труд, их убивает мысль о нищенской старости. Поденная плата их слишком мала, чтобы ее хватало на потребности того же дня; нечего и говорить тут, чтобы ежедневно оставался какой-нибудь излишек для сбережения на старость.

Можно ли назвать справедливым и благодарным такое общество, которое столь расточительно одаряет так называемых благородных, золотых дел мастеров и остальных людей этого рода, ничего не делающих, живущих только лестью и изобретающих никчемные удовольствия, а с другой стороны, не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества? Мало того, обременяя их работою в цветущую пору их жизни, оно не вспоминает об их неусыпном старании, забывает о принесенных ими многих и великих благодеяниях, а когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда, с самой чертвой неблагодарностью вознаграждает их жалкой смертью. Далее, из поденной платы бедняков богачи ежедневно урывают кое-что не только личными обманами, но также и на основании государственных законов. Таким образом, если раньше представлялось несправедливым отплачивать черной неблагодарностью за усердную службу на пользу общества, то они извратили это так, что сделали справедливостью путем обнародования особых законов.

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и изобретают всякие способы и хитрости, во-первых, для того, чтобы удержать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как выночный скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, так-

же и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами. Но и тут, когда эти омерзительные люди, в силу своей ненасытной алчности, поделили в своей среде все то, чего хватило бы на всех, как далеки они все же от благоденствия государства утопийцев! Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, ноне обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег.

Чтобы это было яснее, вообрази себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который голод унес много тысяч людей. Я решительно утверждаю, что если в конце этого бедствия порастрасти житницы богачей, то там можно было бы найти огромное количество хлеба; и если бы распределить этот запас между теми, кто погиб от недоедания и изнурения, то никто и не заметил бы подобной скуости климата и почвы. Так легко можно было бы добыть пропитание, но вот пресловутые блаженные деньги, прекрасное изобретение, открывающее доступ к пропитанию, одни только и загораживают дорогу к пропитанию. Не сомневаюсь, что богачи тоже чувствуют это; они отлично знают, что лучше быть в таком положении, чтобы ни в чем не нуждаться, чем иметь в изобилии много лишнего; лучше избавиться от многочисленных бедствий, чем быть осажденным большими богатствами. Мне и в голову не приходит сомневаться, что весь мир легко и давно уже принял бы законы утопийского государства как из соображений собственной выгоды, так и в силу авторитета Христа Спасителя, который по своей величайшей мудрости не мог не

знать того, что лучше всего, а по своей доброте не мог не посоветовать того, что он знал за самое лучшее. Но этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели, — гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами. Она не хотела бы даже стать богиней, если бы не оставалось никаких несчастных, над которыми она могла бы властвовать и издеваться; ей надо, чтобы ее счастье сверкало при сравнении с их бедствиями, ей надо развернуть свои богатства, чтобы терзать и разжигать их недостаток. Эта адская змея пресмыкается в сердцах людей и, как рыба-подлипало, задерживает и замедляет избрание ими пути к лучшей жизни.

Так как она слишком глубоко внедрилась в людей, чтобы ее легко можно было вырвать, то я рад, что по крайней мере утопийцам выпало на долю государство такого рода, который я с удовольствием пожелал бы для всех. Они последовали в своей жизни именно таким уставам и заложили на них основы государства не только очень удачно, но и навеки, насколько это может предсказать человеческое предположение. Они истребили у себя с прочими пороками корни честолюбия и раздора, а потому им не грозит никакой опасности, что они будут страдать от внутренних распреи, исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами. А при полном внутреннем согласии и наличии незыблемых учреждений эту державу нельзя потрясти и поколебать соседним государствам, которые под влиянием зависти давно уже и неоднократно покушались на это, но всегда получали отпор.

Когда Рафаил изложил все это, мне сейчас же пришло на ум немало обычаев и законов этого народа, заключающих в себе чрезвычайную нелепость. Таковы не только способ ведения войны, их церковные обряды и религии, а сверх того и другие их учреждения, но особенно то, что является главнейшей основой их устройства, а именно: общность их жизни и питания при полном отсутствии денежного обращения. Это одно совершенно уничтожает всякую знатность, великолепие, блеск, что, по общепри-

нятому мнению, составляет истинную славу и красу государства. Но я знал, что Рафаил утомлен рассказом, и у меня не было достаточной уверенности, может ли он терпеливо выслушать возражения против его мнения, а в особенности я вспоминал, как он порицал некоторых за их напрасное опасение, что их не сочтут достаточно умными, если они не найдут в речах других людей того, за что их можно продержнуть. Поэтому, похвалив устройство утопийцев и речь Рафаила, я взял его за руку и повел в дом ужинать. Правда, я сделал оговорку, что у нас будет еще время по-глубже подумать об этом предмете и побеседовать с рассказчиком поосновательнее. Хорошо, если бы это когда-нибудь осуществилось! Между тем я не могу согласиться со всем, что рассказал этот человек, во всяком случае, и бесспорно глубоко образованный, и очень опытный в понимании человечества; но, с другой стороны, я охотно признаю, что в утопийской республике имеется очень много такого, чего я более желаю в наших государствах, нежели ожидаю.

Конец послеполуденной беседы, которую вел Рафаил Гитлодей о законах и обычаях острова Утопии, известного доселе немногим, в записи славнейшего и ученейшего мужа г-на Томаса Мора, лондонского гражданина и виконта.

Город Солнца

**Собеседники: Главный Гостинник
и Мореход из Генуи.**

Гостинник. Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

Мореход. Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном путешествии, во время которого попал я в конце концов на Тапробану, где был вынужден сойти на берег. Там, опасаясь туземцев, укрылся я в лесу; когда же я наконец из него выбрался, очутился я на широкой равнине, лежащей как раз на экваторе.

Гостинник. Ну, а там что с тобой приключилось?

Мореход. Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца.

Гостинник. Скажи мне, как же устроен этот город и какой в нем образ правления?

Мореход

Вид и устройство Города

На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена большая часть города; многочисленные же его окраины выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике

свыше двух миль, а окружность его равна семи. Благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощеным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света. И город так, право, выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы употребить вдвое больше усилий; а для овладения третьим — еще того больше. Итак, чтобы захватить каждый следующий, надо было бы постоянно употреблять вдвое больше усилий и труда. Таким образом, если бы кто задумал взять этот город приступом, ему пришлось бы брать его семь раз. Но, по-моему, невозможно взять и первый круг: настолько широк окружающий его земляной вал и так укреплен он бастионами, башнями, бомбардами и рвами.

Итак, войдя северными воротами (которые окованы железом и так сделаны, что могут легко подыматься и опускаться и накрепко запираться благодаря удивительно ловкому устройству своих выступов, приложенных для движения в выемках прочных косяков), увидел я ровное пространство шириной в семьдесят шагов между первым и вторым рядом стен. Оттуда можно видеть обширные палаты, соединенные со стеною второго круга так, что они, можно сказать, составляют как бы одно целое здание. На половине высоты этих палат идут сплошные арки, на которых находятся галереи для прогулок и которые поддерживаются снизу прекрасными толстыми столбами, опоясывающими аркады наподобие колоннад или монастырских переходов. Снизу входы в эти здания имеются лишь с внутренней, вогнутой стороны стены; в нижние этажи входят прямо с улицы, а в верхние — по мраморным лестницам, ведущим в подобные же внутренние галереи, а из них — в прекрасные верхние покои с окнами как на внутреннюю, так и на наружную сторону стены и разделенные легкими перегородками. Толщина выпуклой, то есть вне-

шней, стены — восемь пядей, вогнутой — три, а промежуточных — от одной до полутора пядей.

Отсюда можно пройти к следующему проходу между стенами, шага на три уже первого, с которого видна первая стена следующего круга с подобными же галереями вверху и внизу; а с внутренней стороны идет другая стена, опоясывающая палаты, с такими же выступами и переходами, опирающимися снизу на колонны; вверху же, там, где находятся двери в верхние покои, она расписана великолепною живописью. Таким образом, по подобным же кругам и через двойные стены, внутри которых находятся палаты с выступающими наружу галереями на колоннах, доходишь до самого последнего круга, идя все время по ровному месту; однако же при проходе сквозь двойные ворота (во внешних и внутренних стенах) приходится подниматься по ступеням, но устроенным так, что подъем почти не заметен: идешь по ним наискось, и высота лестниц поэтому едва ощущима. На вершине горы находится открытая и просторная площадь, посередине которой возвышается храм, воздвигнутый с изумительным искусством.

Гостинник. Продолжай же, продолжай, говори, заклинаю тебя жизнью!

Мореход

Устройство храма на вершине

Храм прекрасен своей совершенно круглою формой. Он не обнесен стенами, а покоятся на толстых и соразмерных колоннах. Огромный, с изумительным искусством воздвигнутый купол храма завершается посередине, или в зенице, малым куполом с отверстием над самым алтарем. Этот единственный алтарь находится в центре храма и обнесен колоннами. Храм имеет в окружности свыше трехсот пятидесяти шагов. На капители колонн снаружи опираются арки, выступающие приблизительно на восемь шагов и поддерживающие другим рядом колонн, покоящихся на широком и прочном парапете вышиною в три шага; ме-

жду ним и первым рядом колонн идут нижние галереи, вымощенные красивыми камнями; а на вогнутой стороне парапета, разделенного частыми и широкими проходами, устроены неподвижные скамьи; да и между внутренними колоннами, поддерживающими самы храм, нет недостатка в прекрасных переносных креслах. На алтаре виден только один большой глобус с изображением всего неба и другой — с изображением земли. Затем на своде главного купола нанесены все звезды неба от первой до шестой величины, и под каждой из них указаны в трех стихах ее название и силы, которыми влияет она на земные явления. Имеются там и полюсы, и большие и малые круги, нанесенные в храме перпендикулярно к горизонту, однако не полностью, так как внизу нет стены; но их можно дополнить по тем кругам, которые нанесены на глобусах алтаря. Пол храма блистает целями камнями. Семь золотых лампад, именующихся по семи планетам, висят, горя неугасимым огнем. Малый купол над храмом окружают несколько небольших красивых келий, а за открытым проходом над галереями, или арками, между внутренними и внешними колоннами расположено много других просторных келий, где живут до сорока девяти священников и подвижников. Над меньшим куполом возвышается только своего рода флюгер, указывающий направление ветров, которых они насчитывают до тридцати шести. Они знают и какой год предвещают какие ветры, и какие перемены на суше и на море, но лишь в отношении своего климата. Там же, под флюгером, хранится написанный золотыми буквами свиток.

Гостинник. Прошу тебя, доблестный муж, разъясни мне подробно всю их систему управления. Это меня особенно интересует.

Мореход

Образ правления

Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его

Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправители: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мошь, Мудрость и Любовь.

Ведение правления Мощи

В ведении Моши находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведение правителя Мудрости

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Легкость усвоения наук при помощи картин

По повелению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минутя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом. Величина их

находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т. п. На внешнем изгибе стены находится прежде всего крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые картины всевозможных областей, при которых помещены краткие описания в прозе обычай, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов, с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете; так же как и вина, масла и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снабжены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества и чем сходствуют они с явлениями небесными, среди металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне — всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусственно; так что я был совершенно поражен, увидев рыбу епископа, рыбу цепь, панцирь, гвоздь, звезду, мужской член, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас. Там мож-

но увидеть и морских ежей, и улиток, и устриц и т. д. И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса они считают за действительную существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви; и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. Их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно: мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели. Видел я там Моисея, Озириса, Юпитера, Меркурия, Ликурга, Помпилия, Пифагора, Замолксия, Солона и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтут и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря, Александра, Пирра, Ганнибала и других достославных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом Римлян, изображения которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и по-

стоянно отправляют по свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно их занимает. Узнал я там и то, что Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведение правителя Любви

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные.

Гостинник. Но скажи, пожалуйста: все эти их должности, учреждения, обязанности, воспитание, образ жизни, — что это: республика, монархия или аристократия?

Мореход

Возникновение и необходимость наилучшей республики

Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения Монголами и насильниками разоривши-

ми их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине.

Гостинник. Так ведь никто же не захочет работать, раз будет рассчитывать прожить на счет работы других, в чем Аристотель и опровергает Платона.

Мореход. Я — плохой спорщик, но тем не менее уверяю тебя, что они пылают такой любовью к родине, какую и представить себе трудно; гораздо больше даже, чем Римляне, — которые, как известно по преданиям, добровольно умирали за отечество, — потому что значительно пре-взошли их в отрещении от собственности. Я, по крайней мере, уверен, что и братья, и монахи, и клирики наши, не соблазняйся они любовью к родным и друзьям, стали бы гораздо святере, меньше были бы привязаны к собственности и дышали бы большою любовью к ближнему.

Гостинник. Это, кажется, говорит святой Августин, но я заключаю, что среди этого рода людей никакого значе-

ния не имеет дружба, раз у них нет возможности оказывать друг другу взаимные одолжения.

Мореход. Наоборот, огромное: следует ведь обратить внимание на то, что хотя им и неоткуда делать друг другу никаких подарков, — потому что все, в чем они нуждаются, они получают от общины и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует, никому, однако, не отказывая в необходимом, — но дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу и взаимно делятся знаниями; а то в похвалах, словах, при исполнении обязанностей и во взаимном одолжении необходимого.

Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе, — сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве.

Гостинник. Каким же образом?

Мореход *Об обвинениях*

У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей: есть должность, называемая Великодущие, есть — именуемая Мужество, затем Целомудрие, Щедрость, Правосудие — уголовное и гражданское, Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость, Воздержность и т. д. На каждую из подобных должностей избираются те, кого еще с детства признают в школах наиболее пригодным для ее занятия. Поэтому, так как нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмесления, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние,

гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка.

Гостинник. Скажи, а какой у них порядок выбора должностных лиц?

Мореход

Об одежде, воспитании и выборах

Этого ты как следует не поймешь, прежде чем не познакомишься с их образом жизни. Прежде всего да будет тебе известно, что мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяkim наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы спустя некоторое время занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, — каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почтят за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев. Остальных должностных лиц избирают четыре главных правителя: ☉, Пон, Син и Мор и руководители соответственных наук и ремесел, хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель. И никто не выступает сам в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказываеться за или против избрания определенного лица.

Избрание ☉

Но никто, однако, не может достичь звания ☉, кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычай, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремесел и строение и историю неба. Также почтается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремеслами (ведь всего в какие-нибудь два дня можно постичь одно из них, хотя и не овладевая им практически, но освоившись с ним по его применению и изображениям). Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические. Не так существенно знакомство с языками, так как у них имеется

много переводчиков, которыми служат в их республике грамматики. Но преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в боге; разряды сущего и соответствие его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию. Таким образом, уже задолго известно, кто станет Θ. Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению.

Гостинник. Но разве может кто бы то ни было обладать такою ученостью? Да и не способен, мне кажется, к управлению тот, кто посвятил себя наукам.

Мореход

*Возможно ли, чтобы мудрецы способны были
к управлению*

Это же самое возражал им и я. Они же мне ответили: «Мы, несомненно, лучше знаем, что столь образованный муж будет мудр в деле управления, чем вы, которые ставите главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией. А наш Θ, пусть он даже будет совершенно неопытен в делах управления государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр. Но, кроме того, да будет вам известно, что твой аргумент имеет силу применительно к вам, раз вы считаете ученейшими тех, кто лучше знает грамматику или логику Аристотеля или другого какого-либо автора. Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, от чего человек делается

косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей, и не понимает из-за этого ни того, каким образом Бог правит сущим, ни нравов и обычаяев, существующих в природе и у отдельных народов. Но ничего такого не сможет случиться с нашим ☉, ибо ведь никто не в состоянии изучить стольких искусств и наук, не обладая исключительными способностями ко всему, а следовательно, в высшей степени и к правлению. Нам также прекрасно известно, что тот, кто занимается лишь одной какой-нибудь наукой, ни ее как следует не знает, ни других. И тот, кто способен только к одной какой-либо науке, почерпнутой из книг, тот невежествен и косен. Но этого не случается с умами гибкими, восприимчивыми ко всякого рода занятиям и способными от природы к постижению вещей, каковым необходимо и должен быть наш ☉. Кроме того, как видишь, в нашем городе с такою легкостью усваиваются знания, что ученики достигают больших успехов за один год, чем у вас за десять или пятнадцать лет. Проверь это, пожалуйста, на наших детях».

Я был совершенно изумлен и справедливостью их рассуждений, и испытанием тех детей, которые хорошо понимали мой родной язык. Дело в том, что каждые трое из них должны знать или наш язык, или арабский, или польский, или какой-либо из прочих языков. И они не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются они в поле — заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда.

Троим же соправителям Солнца полагается изучать лишь те науки, которые относятся к их области управления: с другими, общими для всех, они знакомятся только наглядным путем, свои же знают в совершенстве и, естественно, лучше всякого другого. Так, Мощь в совершенстве знает кавалерийское дело, построение войска, устрой-

ство лагеря, изготовление всякого рода оружия, военных машин, военные хитрости и все вообще военное дело. Но, кроме того, эти правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками.

Гостинник. Теперь мне бы хотелось, чтобы ты рассказал об их учреждениях — подробно о каждом — и разъяснил получше их общественное воспитание.

Мореход

Общность жизни и занятий и распределение их между женщинами и мужчинами

Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием — наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя: так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежду. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к занятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что она у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислушиваться за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и на-

питков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и не послушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!

О принятии пищи

Столы ставят у них в два ряда, с сиденьями по обеим сторонам; с одной стороны сидят женщины, с другой — мужчины, и, как в монастырских трапезных, не бывает там никакого шума. Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного. И, право, приятно смотреть, как ловко прислуживает им такая красивая молодежь в подпоясанной одежде, и видеть, как столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви. Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что готовить старикам, что молодым и что для больных. Должностные лица получают большие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей. А по праздничным дням они любят и петь за столом; поют или в несколько голосов, или кто-нибудь один под аккомпанемент лютни и т. п. И так как все в равной мере принимают участие в домашнем хозяйстве, то никогда ни в чем не оказывает-

ся никакого недостатка. Почтенные пожилые люди наблюдают за кухней и прислуживающими в столовой и тщательно следят за чистотой постелей, посуды, одежды, мастерских и кладовых.

Об одежде

Одежду их составляет белая нательная рубаха, а поверх нее платье, являющееся одновременно и камзолом и штанами, сшитое без складок, с разрезами от плеч до голени и от пупа до зада между ляжками. С одной стороны этих разрезов идут петли, а с другой — пуговицы, на которые они застегиваются. Штаны оканчиваются завязками у самых щиколоток; затем носят они высокие гамаши, вроде голенищ, на застежках и поверх них — башмаки. И наконец, как мы сказали, накидывают они плащ. И так ладно и ловко сидит на них платье, что, когда скидывают они плащ, вся их фигура обрисовывается во всех подробностях. Они меняют одежды четыре раза в год: когда Солнце вступает в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога; распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды отдельных кругов. И удивительно, сколько у них имеется одновременно всякой нужной одежды, плотной или легкой, смотря по времени года. Одежду носят они белого цвета, и стирается она ежемесячно щелоком или мылом.

Нижние помещения заняты мастерскими, кухнями, кладовыми, магазинами, оружейными складами, столовыми и мыльнями. Однако моются они возле колонн галерей, а вода стекает по желобам, ведущим в сточные каналы. На каждой площади отдельных кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана. У них имеется вода и ключевая и в водоемах, которые наполняются дождевой водой, скапливающейся на крышах и стекающей по акведукам с песком. Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника. Всеми ремеслами занимаются они внизу, под колоннадами, а отвле-

ченными науками — наверху, на балконах и галереях, где находятся соответствующие картины; а в храме изучаются священные науки. При входах в дома и на зубцах круговых стен имеются солнечные часы с колоколами и флаги, показывающие время и направление ветра.

Гостинник. Расскажи мне о деторождении.

Мореход

О деторождении и воспитании родителей

Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение. Правда, иным позволяет и до достижения этого возраста сочетаться с женщинами, но только или с бесплодными, или же с беременными, дабы не довести кого-нибудь до запретных извращений. Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения — опытного врача, подчиненного правителю Любви. Тем же, кого уличат в содомии, делают выговор и заставляют в виде наказания два дня носить привешенные на шею башмаки в знак того, что они извратили естественный порядок, перевернув его вверх ногами. При повторном преступлении наказание увеличивается вплоть до смертной казни. Те же, кто воздерживается от совокупления до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях. Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного

омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользою уравновешивали друг друга. Вечером приходят мальчики и стелют им ложа, а затем их ведут спать согласно приказанию начальника и начальницы. К совокуплению приступают, только переварив пищу и помолившись Богу небесному. В спальнях стоят прекрасные статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают, и потом, глядя в окна на небо, молят Бога о даровании им достойного потомства. Они спят в отдельных комнатах до самого часа совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери. Час этот определяется астрологом и врачом, которые стараются уловить время, когда Венера и Меркурий находятся на восток от Солнца, в хорошем аспекте Юпитера, а равно и Сатурна и Марса или же вне их аспектов. Особенно это важно для Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами. Они любят Деву в гороскопе, но тщательно остерегаются того, чтобы в углу не оказалось планет зловредных, потому что они заражают в квадратном и противоположном аспекте все углы, от которых зависит корень жизненной силы в соответствии с гармонией вселенной в целом и в ее частях. Они добиваются не столько сопутствия, сколько хороших аспектов. О сопутствии заботятся они при закладке города и установлении закона, с тем, однако, условием, чтобы при этом не главенствовали ни Марс, ни Сатурн, за исключением лишь случая наилучшего их расположения. Принимают они во внимание и расположение неподвижных звезд.

Они почитают недопустимым, если родители меньше чем за три дня до совокупления запятнали себя семенем и вели себя не безупречно, не примирились с вышним Богом и не преданы ему. Что же касается тех, кто имеет сношение с неплодными, или с беременными, или с презренными женщинами для удовольствия, или по необходимости, для здоровья, или по своей страсти, — они этих

правил не соблюдают. Лица же должностные, которые все являются в то же время и священниками, а также и учёные-наставники могут быть производителями лишь при соблюдении в течение ряда дней многих условий, ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чём-нибудь размышляют, и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких учёных сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых — с женщинами полными и кроткого нрава. И они утверждают, что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя достичь путем упражнения; что люди порочные по природе работают хорошо только из страха перед законом или перед Богом, а не будь этого, они тайком или открыто губят государство. Поэтому все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей, а не приданое и обманчивую знатность рода.

Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодною, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия. Те же, которые понесут, в течение двух недель не занимаются физической работой. После этого они переходят к спокойным занятиям для укрепления плода и для притока к нему пищи и затем укрепляют себя, переходя мало-помалу к более усиленной работе. Пищу разрешается им употреблять только здоровую, по предписанию врачей. Когда же они рожат, то кормят сами и воспитывают новорожденных в особых общих помещениях; грудью кормят они два года и больше, в зависимости от предписания Физика. Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если

это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и борются; знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На восьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходствуют и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу.

О наречении имен

Имена у них даются не случайно, но определяются Метафизиком в соответствии с особенностями каждого, как это было в обычай у древних Римлян. Поэтому один называется «Красивый», другой — «Носатый», тот — «Толстоногий», этот — «Сирепый», иной — «Худой» и т. д. А ежели кто отличится в своем мастерстве или прославится каким-нибудь подвигом на войне или в мирное время, то к имени прибавляется соответствующее прозвище или сообразно мастерству, например: «Прекрасный Великий Живописец», «Золотой», «Отличный», «Проворный»; или же по подвигам, например: «Носатый Храбрец», «Хитрец», «Великий, или Величайший Победитель», а то и по имени побежденного врага, вроде: «Африканский», «Азиатский», «Тосканский»; или если кто победил Манфреда или Тортеллия, то и называется: «Худой Манфредий», «Тортеллий» и т. д. Даются эти прозвища высшими властями и часто сопровождаются возложением венков соответственно подвигу, мастерству и т. д. под звуки музыки. Ибо золото и серебро они ценят только как материал для посуды или для общих всем украшений.

Гостинник*Об искоренении зависти и честолюбия*

Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь другую должность, которой они добивались?

Мореход. Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах. На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии. Платон считает, что этот подбор должен производиться по жребию, дабы те, кому не дают красивых жен, в зависти и гневе не взбунтовались против властей, и полагает, что тех, кто недостоин оплодотворять наиболее красивых, надо властям хитро обманывать при жеребьевке, так, чтобы доставались им всегда подходящие, а не те, коих они сами хотят.

В чем состоит красота женщин

Но Соляриям нет надобности прибегать к такой хитрости, чтобы безобразным мужчинам доставались и жен-

шины безобразные, ибо среди них безобразия не встречается, так как у женщин благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми; а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги. Но и при всем желании ни одна не могла бы там этого сделать: кто стал бы все это ей доставать? И они утверждают, что у нас все эти прихоти появились из-за праздности и безделья женщин, отчего портится у них цвет кожи, отчего они бледнеют и теряют гибкость и стройность; и потому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью и таким образом вконец разрушать естественное развитие и здоровье не только свое, но и своего потомства.

Кроме того, если кто-нибудь страстно влюбится в женщину, то влюбленные могут и разговаривать, и шутить, и дарить друг другу венки из цветов или листьев, и подносить стихи. Однако если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и ждет мужчина) или же она неплодна. Но, впрочем, любовь у них выражается скорее в дружбе, а не в пылком любовном вожделении.

Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, так как всякий получает все, что ему нужно, а представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда.

О цвете одежды

Хотя днем и в черте города все они носят белую одежду, но ночью и за городом надевают красную — или шер-

стяную, или шелковую; черный же цвет для них так же отвратителен, как всякая грязь; поэтому они терпеть не могут Японцев за их пристрастие к темному цвету.

Против гордости

Самым гнусным пороком считают они гордость, и наименные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д.

Польза общего труда

Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами, и даже с избытком. Но у нас, увы, не так; в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скучности, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; оставшее время проводится в приятных занятиях науками,

собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

Гостинник

Рассуждение об общности жен

Все это, по-моему, и прекрасно и свято, но вот общность женщин — это вопрос трудный. Святой Климент Римский, правда, говорит, что и жены, согласно апостольским правилам, должны быть общими, и одобряет Платона и Сократа, которые учат так же, но Глосса понимает эту общность жен в отношении их общего всем услужения, а не общего ложа. И Тертуллиан единомыслен с Глоссою, говоря, что у первых христиан все было общим, за исключением жен, которые, однако, были общими в деле услужения.

Мореход. Сам-то я плохо это знаю. Но я наблюдал, что у Соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа, однако же не всегда и не как у животных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил. Думаю,

однако, что в этом они, может быть, и ошибаются. Но сами-то они приводят в подтверждение себе мнение Сократа, Катона, Платона и святого Климента, хотя, как ты говоришь, и неправильно понято. Говорят, что святой Августин весьма одобрял общину, но не общность супружеского ложа, так как это ересь Николаитов. А наша церковь частную собственность допустила не для достижения большего блага, а во избежание большего зла. Возможно, однако, что когда-нибудь этот обычай у них бы и вывелся, ибо в подчиненных им городах общим является только имущество, а никак не жены, разделяющие лишь общее служение и занятия мастерствами. Однако Солярии приписывают подобный порядок несовершенству других людей из-за малой осведомленности в философии. Тем не менее они посыпают узнавать обычай других народов и всегда усваивают себе лучшие из них. А благодаря навыку женщины приучаются и к военным и прочим занятиям. Итак, на основании собственных моих наблюдений над ними, я соглашаюсь с Платоном, а доводы Кайеты, и уж особенно Аристотеля, для меня неубедительны.

Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит.

Гостинник

О военном деле

Расскажи теперь, пожалуйста, о военном деле, а потом об искусствах и ремеслах и об их религии.

Мореход. Правителю Моши подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров. Кроме того, ведает он атлетами, обучающими всех воинским упражнениям и которые, будучи зрелого возраста, являются опытными руководителями и учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу, метанию камней и т. д. под руководством низших наставников; теперь же начинают они обучаться битве с врагами, конями и слонами, владеть мечом, копьем, стрелами и прашой, ездить верхом, нападать, отступать, сохранять военный строй, помогать соратникам, предупреждать нападение врагов и побеждать их. Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц, дабы при надобности помогать мужчинам при обороне города и охранять его стены при неожиданном нападении и приступе, по примеру восхвляемых ими Спартанок и Амазонок.

Благодаря этому они отлично умеют стрелять из аркебузов, отливать свинцовые пули, бросать камни с бойниц, отражать нападение и отчуждаться от всякого страха, тем более что проявление трусости жестоко наказуется. Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бессмертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяются к добрым или злым духам, сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле Бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей.

Через каждые два месяца делают они смотр войску, а ежедневно производят военное учение или в поле — при кавалерийском учении, — или в самом городе. В эти занятия входят и лекции по военному делу, и чтение историй Моисея, Иисуса Навина, Давида, Маккавеев, Цезаря,

Александра, Сципиона, Ганнибала и т. д., а затем каждый высказывается о том, кто, по его мнению, поступил хорошо, кто дурно, кто с пользой, кто достойно, после чего все эти вопросы разрешаются наставником.

Гостинник. Но с кем они воюют и из-за чего, раз они столь счастливы?

Мореход. Да если бы им и никогда не приходилось воевать, они все равно продолжали бы заниматься военным делом и охотой, чтобы не изнеживаться и не быть застигнутыми врасплох при всяких случайностях. А кроме того, на том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующих их благополучию, потому что тамошнее население стремится жить по обычаям Соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей. Из-за этого часто начинается война с Соляриями под тем предлогом, что они захватили пограничные владения и живут нечестиво, не поклоняясь идолам и не следуя суевериям язычников и древних брахманов. Нападают на них Индийцы, подданными которых они были раньше, и Тапробанцы, от которых первое время находились они в зависимости.

О способе ведения войны

Тем не менее победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию, оскорблению, разбою, или же когда угнетаются их союзники, или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании, — они немедленно собираются на Совет. Тут первым делом они коленопреклоненно молят Бога о внушении им наилучшего решения, а затем обсуждают обстоятельства дела, после чего уже объявляется война. Тотчас снаряжается священник, именующийся ходатаем; он требует от неприятелей возмещения за грабеж, или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании. В случае отказа он объявляет войну, призывая карающего

Бога Саваофа погубить стоящих за неправое дело. Если же неприятели медлят с ответом, священник дает им время на размышление: царю — один час, а республике — три часа, во избежание возможности какого-нибудь обмана. И так начинается война против нарушителей естественного права и религии.

По объявлении войны все распоряжения отдаются наместником Мощи. Мощь же, подобно римскому диктатору, управляет всем по собственному усмотрению и воле во избежание опасности промедления. В особо же важных случаях совещается с ☉, Мудростью и Любовью. Но для этого на Большом совете причины войны и законность похода излагаются Проповедником. В этот Совет входят все, начиная с достигших двадцатилетнего возраста и выше. И таким образом отдаются все необходимые распоряжения.

Надо иметь в виду, что у них в оружейных палатах имеется всякого рода вооружение, постоянно применяемое ими при упражнениях в примерных сражениях. Внешние стены отдельных кругов в изобилии снабжены бомбардами, при которых находится наготове прислуга. Есть у них и другие подобного же рода военные метательные орудия, называемые пушками, которые перевозятся на поле битвы на повозках, а прочее снаряжение и припасы перевозятся на мулах, ослах и на телегах. Расположившись лагерем в открытом поле, они помещают в середину обоз, метательные орудия, телеги, лестницы и машины. Сражаются они долго и жестоко, а потом все отходят к своим знаменам. Неприятели поддаются на этот обман, думая, что они отступают или готовы обратиться в бегство, и бросаются за ними, а Солярии, разделившись на два фланга и отряда, собираются с новыми силами и, приказавши артиллерию начать обстрел раскаленными ядрами, снова бросаются в битву со смятенным врагом. Прибегают они и ко многим другим подобным приемам. Своими военными хитростями и машинами они превосходят всех смертных. Лагерь разбивают они по римскому образцу;

раскидывают палатки и окапываются рвом и валом с удивительной быстротой. Всякими работами, машинами и мечательными орудиями ведают особые начальники, а киркой и топором умеют владеть все солдаты. Пять, восемь или десять командиров, опытных в деле военного строя и военных хитростей, составляют военный совет и отдают приказания своим отрядам согласно заранее выработанному плану. Принято у них брать с собой и отряд вооруженных мальчиков верхом на лошадях, дабы они приучались к войне и привыкали, как волчата и львята, к кровопролитию; в случае же опасности они укрываются в надежное место вместе со многими вооруженными женщинами. А после сражения эти женщины и мальчики ухаживают за воинами, перевязывают им раны, прислуживают им и ободряют ласками и словами. И уж одно это оказывает замечательное действие: воины для доказательства своей храбости женам и детям бросаются на отчаянные подвиги, и любовь делает их победителями. Тот, кто на приступе первым взберется на неприятельские стены, получает после битвы, при воинственных кликах женщин и детей, венок из травы; выручивший соратника получает гражданский венок из дубовых листьев; убивший тирана жертвует его доспехи в храм, а сам получает от ☉ прозвище, соответствующее его подвигу. Распределяются между ними и другие венки.

Каждый всадник вооружен пикой и двумя подвешенными к чепраку пистолями крепкого закала и суживающимися в отверстии дула, благодаря чему пробивают всякую железную броню; кроме того, носят они меч и кинжал. Другие же, тяжеловооруженные всадники, вооружены железною палицей, с которой, при невозможности пробить железную броню врага ни мечом, ни пистолью, нападают они на него, как Ахилл на Кикна, бьют и опрокидывают его наземь. С палицы свешиваются две цепи длиною в шесть пядей с железными шарами на концах; при взмахе палицею они обвиваются вокруг шеи врага, затягивают его, сбрасывают и валят.

Секрет управления конем при помощи ног

А для того чтобы ловчей орудовать этой палицей, управляют поводьями коня не руками, а ногами: поводья перекрещиваются на чепраке седла и концами прикрепляются на застежках к стременам, а не к ногам; с наружной стороны стремян имеется железный шар, а изнутри — треугольник, который поворачивается попеременным нажимом ноги и вращает шары, прикрепленные застежками к путлищам; таким образом они натягивают и отпускают узду с удивительной быстротой, правой ногой поворачивая лошадь налево, а левой — направо. Секрет этот неизвестен даже Татарам, ибо хотя они и управляют поводьями при помощи ног, однако не умеют их направлять, натягивать и отпускать посредством стремянного блока.

Сражение начинает легкая кавалерия стрельбою из аркебузов, затем вступают в бой фаланги копейщиков, за ними — пращники, которые ценятся очень высоко и которые сражаются, перебегая, как нитки по основе ткани: одни — выбегая, другие — попеременно отходя назад. Кроме того, войско поддерживает отряды воинов, вооруженных длинными копьями. Завершается сражение боем на мечах.

По окончании войны празднуются военные триумфы по обычая Римлян и даже еще торжественнее, совершаются благодарственные молебства Богу, и тут во храме предстает полководец, а поэт или историк, бывший с ним по обычая в походе, повествует об успехах и неудачах. И верховный правитель венчает полководца лавровым венком, а храбрым воинам раздают почетные награды и на несколько дней освобождают от исполнения общественных работ. Но последнего они не любят, так как не привыкли быть праздными, и поэтому помогают своим друзьям. Наоборот, побежденные по собственной вине или упустившие возможность победы встречаются с позором, и первый, обратившийся в бегство, может избежать смерти лишь в том случае, когда за сохранение ему жизни ходатайствует все войско и отдельные воины принимают на себя часть

его наказания. Но это снисхождение применяется редко и лишь при наличии ряда смягчающих обстоятельств. Во время не оказавший помощи союзнику или другу наказывается розгами; не исполнивший приказаний бросается в ров на растерзание диким зверям; при этом ему вручается дубинка, и если он одолеет окружающих его львов и медведей, что почти невозможно, то получает помилование.

Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы.

Мне было бы трудно рассказывать еще о разведчиках, об их начальнике, о страже и всем распорядке и прочих установлениях в самом городе и за его пределами, — все это ты можешь представить себе сам. Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны. Это одинаково относится как к военному делу, так и ко всякого рода другим занятиям.

Город денно и нощно охраняется стражей, стоящей у четырех его ворот и на внешних укреплениях седьмого круга, на бастионах, башнях и на внутренних залах. Днем сторожевую службу несут женщины, а ночью мужчины. Делается это для того, чтобы не закоснеть в бездействии и всегда быть готовыми на всякий случай. Часовые сменяются, как и у нас, через каждые три часа. На закате солнца стража разводится при звуках тимпана и музыки.

Они занимаются охотой как подражанием войне, а также пешими и конными играми на некоторых площадях во время празднеств, после чего играет музыка и т. д. Они охотно прощают вину и оскорблению своим врагам и, одержав над ними победу, оказывают им благодеяния. Если по-

становлено разрушить неприятельские стены или казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они непрестанно оказываются им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных.

Если между ними возникает ссора за какое-нибудь оскорбление или по другому какому-либо поводу (а спорят они друг с другом почти исключительно по вопросам чести), то правитель и подчиненный ему начальник наказывают виновного тайно, если оскорбление нанесено действием в пылу первого гнева; если же нанесено словесное оскорбление, то решение откладывается до сражения, так как они говорят, что гнев надо извергать на неприятелей; и тот, кто больше отличается на войне, и считается выигравшим дело и восстановившим истину, а противник его этим удовлетворяется. Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку, но поединки не допускаются: тот, кто желает доказать свою правоту, пусть доказывает ее на войне.

Гостинник. Это заслуживает всяческого внимания во избежание развития отдельных партий на погибель отечеству и для уничтожения междуусобных войн, в результате которых часто появляются тираны, как это видно на примере Рима и Афин. Теперь же, прошу тебя, скажи об их работах.

Мореход

О работах

Ты, полагаю, уже слышал, что они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почетными. А тот, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например кузничное или строительное и т. п., считаются у них и самыми похвальными, и никто не уклоня-

ется от занятия ими, тем более что наклонность к ним обнаруживается от рождения, а благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а наоборот, развивающим его силы. Менее тяжелыми ремеслами занимаются женщины. Все должны уметь плавать, и для этого устроены у них водоемы как за стенами города, так и внутри их, около фонтанов. Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним и город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярий отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен по соответственной оценке недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги. И дети Соляриев потешаются, смотря, какое множество товара отдают им купцы за ничтожную плату; но старики не смеются этому, ибо опасаются развращения нравов в городе рабами и иностранцами. Поэтому торговля проходит у городских ворот, а рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют либо на копанье рвов, либо на другие тяжелые работы вне города.

Об охране полей

Для охраны полей постоянно направляются четыре отряда воинов вместе с работниками. Они выходят четырьмя воротами, откуда идут четыре мощенные кирпичом дороги до самого моря для удобства перевозок и передвижения иностранцев.

О гостеприимстве

Иностранцев принимают они приветливо и щедро и в продолжение трех дней содержат их на общественный счет. Первым делом омывают им ноги, затем показывают город и объясняют его устройство, допускают их в Совет и к общественной трапезе. Для услуг и охраны иностранных гостей отряжаются особые люди. Если же находятся желающие стать гражданами Государства Солнца, то их подвергают месячному испытанию за городом, а потом

в течение месяца в самом городе. После этого выносят соответствующее постановление и принимают их с соблюдением определенных обрядов, присяги и т. д.

О земледелии

Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей плода. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами и, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженными на поля: пахать, сеять, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище! Между тем вооруженная полевая стража делает обходы, постоянно сменяя друг друга. Землю они не удобряют ни навозом, ни илом, считая, что от этого загнивают семена и при употреблении их в пищу расслабляют тело и сокращают жизнь, подобно тому как женщины прикрашенные, а не прекрасные благодаря своей деятельности, производят хилое потомство. Поэтому и землю они не прикрашивают, а тщательно ее обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. На этот предмет они имеют книгу под названием «Георгика». Потребная часть земли вспахивается, а остальная идет под пастище скоту.

О скотоводстве

Благородное искусство разведения и выращивания лошадей, крупного и мелкого скота, собак и всякого рода домашних и ручных животных ценится у них так же высоко, как и во времена Авраама. При случке они заботятся, чтобы животные могли давать наилучший приплод, и производят ее перед изображениями породистых быков, лоша-

дей, овец и т.д. Жеребцов-производителей они не припускают к кобылам на пастьбище, но слушают их во дворе полевых конюшен в надлежащее время, наблюдая за тем, чтобы в гороскопе находился Стрелец в благоприятном аспекте Марса и Юпитера. Для быков они следят за положением Тельца, для овец — за положением Овна и т.д., согласно указаниям науки. Имеются у них и стада кур (под покровительством Плеяд), уток и гусей, которых с большим удовольствием пасут женщины за городом, где находятся птичники и где изготавляются сыр, масло и другие молочные продукты. Выкармливают они и множество ка-плунов, и племенной птицы, и т. д. В качестве руководства по этой части служит им книга под заглавием «Буколика».

Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь, подобном перечисленным, занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам. Достойно удивления, как все, и мужчины и женщины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата. Есть у них и рощи и леса, где они часто охотятся за дикими зверями.

О морском деле

Морское дело находится у них в большом почете. У них имеются особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма; но есть и такие, которые двигаются посредством ветра и весел. Они прекрасно знакомы со звездами и с морскими приливами и отливами. В плавание они ходят для ознакомления с различными народами, странами и предметами. Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, если только на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям,

и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную. Они находятся в союзе с Китайцами и со многими народами на островах и на материке: с Сиамом, Каукаиной, Каликутом, — откуда только могут получать какие-либо сведения. В сражениях на суше и на море применяют они искусственные огни и многие другие тайные военные хитрости, благодаря которым всегда почти выходят победителями.

Гостинник. Интересно было бы теперь услышать, что они едят и пьют, как проходит их жизнь и какова ее продолжительность.

Мореход

О жизни и пище всей республики и ее частей

Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже ее частей. Поэтому, когда они воздвигали свой город, они установили твердые знаки в четырех углах мира. В гороскопе был Юпитер на восток от Солнца в созвездии Льва; Меркурий и Венера — в Раке, но поблизости, так что образовывали сопутствие; Марс был в Стрельце, в пятом Доме, счастливым аспектом усиливая афету и гороскоп; Луна находилась в Тельце в благоприятном аспекте к Меркурию и Венере и вместе с тем не поражала квадратным аспектом Солнца; Сатурн стремился в четвертый Дом, нисколько, однако, не вредя Солнцу и Луне, но способствуя устойчивости оснований. Фортуна с Алголем была в десятом Доме, что, по мнению Соляриев, предвещало господство, крепость и величие. Да и Меркурий, будучи в хорошем аспекте Девы и будучи озаряем в абсиде Луною, не может быть зловещим; а раз он радостен, то их наука не пребывает в ничтожестве; в том же, чтобы ждать его в Деве и в соединении, они мало заботятся. Соображаются они с положением отдельных звезд в смысле влияния их на жизненные силы и долголетие и при зачатии, как уже было указано.

О пище

Пищу их составляют мясо, коровье масло, мед, сыр, финики и разные овощи. Сначала они были против того, чтобы убивать животных, так как это представлялось им жестоким, но, рассудив затем, что одинаково жестоко убивать и растения, также одаренные чувством, и что тогда пришлось бы им умирать с голоду, они уразумели, что низшие твари созданы для высших, и поэтому теперь употребляют всякую пищу. Однако животных племенных, как, например, коров и лошадей, убивают они неохотно. Они тщательно различают полезную и вредную пищу и питаются согласно требованиям медицины. Пища непрерывно меняется трижды: один день они едят мясо, другой — рыбу, третий — овощи, а затем возвращаются снова к мясу, дабы и не отягощаться и не изнуряться. Старики употребляют пищу удобоваримую и едят три раза в день и понемногу; община ест дважды в день, а дети — четыре раза, согласно предписанию Физика. Живут они по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот.

О питье

Пьют они чрезвычайно умеренно. Юношам не разрешается пить вина вплоть до девятнадцати лет, за исключением тех случаев, когда это необходимо по состоянию здоровья. По достижении этого возраста они пьют вино, разбавленное водой, как и женщины. Старики за пятьдесят лет большей частью воды не добавляют.

Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдающего за этим Главного врача. Ничего из того, что создано Богом, не считается вредным, если только не употребляется это в неумеренном количестве. Поэтому летом питаются они плодами, так как они влажны, сочны и освежительны в летнюю жару и засуху; зимою употребляют сухую пищу, а осенью едят виноград, ибо он создан Богом против меланхолии и уныния.

В большом употреблении у них благовония. Вставая утром, все они расчесывают волосы и моют лицо и руки холодною водой; затем либо жуют, либо растирают руками мяту, петрушку или укроп, а старшие растирают ладан. Затем, обратившись на восток, читают краткую молитву, весьма схожую с той, которой научил нас Иисус. После этого одни идут прислуживать старикам, другие — петь в хоре, третьи — исполнять государственные обязанности; затем отправляются на первые лекции, затем идут в храм, затем занимаются физическими упражнениями, затем немного отдыхают и, наконец, завтракают.

О болезнях Соляриев и их лечении

У них не бывает ни подагры, ни хирагры, ни катаров, ни ишиаса, ни колик, ни вспучиваний, ни ветров, ибо все эти болезни происходят от истечения и вспучивания, а они телесными упражнениями разгоняют всякую влагу и ветры. Поэтому чрезвычайно позорно быть замеченным в плевании и харканье: они утверждают, что это — признак или недостаточных упражнений, или нерадивости и лени, или опьянения и обжорства. Скорее подвержены они воспалениям или сухим спазмам, от чего помогает обильная, сочная и здоровая пища. Изнурительную лихорадку они лечат приятными ваннами и молочной пищой, приятным времятпрепровождением в деревне и спокойными и веселыми упражнениями. Венерическая болезнь не может развиваться среди них, так как они очищают тело частыми омовениями из вина и натираются благовонными маслами, а выделением пота во время упражнений удаляют злободневную испарину, разлагающую кровь и мозги. Чахоткой они болеют редко, потому что у них не бывает катара в груди, а совсем редко — астмой, развивающейся вследствие скопления влаги. Горячки лечат они питьем холодной воды. Однодневные лихорадки лечат пряностями и жирным бульоном, или же сном, или музыкой, или весельем; трехдневные — кровопусканием и приемом ревеня, или другими очищающими средствами, или же отваром из послабляю-

щих корней и кислых трав. Но слабительное принимают они редко. Четырехдневные лихорадки они легко излечивают посредством внезапного испуга, а также травами, противодействующими влаге, свойственной четырехдневной лихорадке, или же другими подходящими средствами. Они открыли мне и тайные средства их излечения.

Особенно старательно лечат они длительные лихорадки, которых они очень боятся, и борются с ними и наблюдением звезд, и подбором трав, и молитвами Богу. Лихорадки пятидневные, шестидневные, восьмидневные и т. д. среди них совсем почти не встречаются, так как у них не бывает скопления влаги.

Они моются в банях, которые у них построены по образцу римских: натираются маслами и открыли еще гораздо больше неведомых средств для поддержания чистоты, здоровья и силы. Этими и другими способами борются они с падучею болезнью, которой часто бывают одержимы.

Гостинник. Это — признак исключительной одаренности: Геркулес, Скот, Сократ, Каллимах и Магомет страдали этой же болезнью.

Мореход. Борются они с нею молитвами, обращенными к небу, укреплением мозга, принимая для этого кислоты, занимаясь изысканными увеселениями и употребляя жирный бульон, приправленный лучшей пшеничной мукою. Кушанья они приправляют мастерски: подбавляют в них корицу, мед, сливочное масло и множество сильно подкрепляющих пряностей. Жирные блюда сдабривают они чем-нибудь кислым во избежание отрыжки. Они не пьют ни остуженных снегом, ни искусственно подогретых напитков, как Китайцы, не нуждаясь в таких средствах против влаги для усиления природного тепла, но поддерживают его толченым чесноком, уксусом, тмином, мятои и базиликом, особенно летом и при утомлении. Им известна и тайна обновления жизни через каждые семь лет безо всякого ущерба, способом приятным и прямо удивительным.

Гостинник. Ты до сих пор не сказал еще о науках и властях.

Мореход

О выборе и управлении должностных лиц и о Совете вторично и точнее

Нет, я говорил, но раз ты этим так интересуешься, я добавлю еще. Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодинечке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. Также каждый восьмой день собираются все должностные лица, именно Верховный ☉ и вместе с ним Мощь, Мудрость и Любовь, из которых каждому подчинены три начальника, так что всех их — тринадцать. Все они ведают соответствующей отраслью управления: Мощь — военным делом, Мудрость — науками, Любовь — продовольствием, одеждой, деторождением и воспитанием. Собираются и все начальники отрядов — как женских, так и мужских, — десятники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и выбора должностных лиц, которые на Большом совете только намечаются заранее. Точно так же, ежедневно ☉ и трое главных правителей совещаются о текущих делах; проверяют, утверждают и приводят в исполнение постановленное на выборах и обсуждают другие необходимые мероприятия. К же ребьевке не прибегают, кроме тех случаев, когда совершенно не знают, какое следует принять решение. Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами на совещании между собою не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко.

Лица, стоящие во главе отдельных наук, подчинены правителю Мудрости, кроме Метафизика, который есть сам Θ , главенствующий над всеми науками, как архитектор: для него было бы постыдно не знать чего-либо доступного смертным. Таким образом, под началом Мудрости находятся: Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист, Астролог, Астроном, Геометр, Космограф, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Поэт, Ритор, Живописец, Скульптор. Под началом правителя Любви: Заведующий деторождением, Воспитатель, Медик, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод, Стадовод, Заведующий приручением животных, Главный кухнристр, Откормщик и т. д. В распоряжении триумвира Мощи находятся: Стратег, Начальник единоборцев, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала, Казначей, Заведующий чеканкой монеты, Инженер, Начальник разведки, Начальник конницы, Конюший, Главный гладиатор, Начальник артиллерии, Начальник пращников и Юстициарий. А этим всем подчинены особые специалисты.

Гостинник. Ну, а что ты скажешь об их судьях?

Мореход

О судопроизводстве и судьях

Как раз я хотел сказать об этом. Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание — око за око, нос за нос, зуб за зуб и т. д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманным намерением. Если же это случилось во время ссоры и совершено непредумышленно, то приговор смягчается, но не самим судьей, а тремя правителями, от которых можно апеллировать к Θ , но не в порядке судопроизводства, а в по-

рядке просьбы о помиловании, которое он может даровать. Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется, но перед судьей и Мощью излагается обвинение, приводятся свидетели и говорит в свою защиту ответчик, которого судья тут же или оправдывает, или осуждает; если же он апеллирует к одному из трех правителей, то оправдание или осуждение переносится на следующий день. На третий день ответчик может быть или помилован и отпущен ☽, или же приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д.

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернять государства. Инымдается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства, или против Бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. Повинный смерти обязуется перед лицом народа по совести объяснить причины, по которым, по его мнению, он не должен был бы умирать, объявить проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того, что они заслуживают еще более тяжкого наказания, ежели только он в этом уверен. И если доводы его окажутся убедительными, он сам отправляется в изгнание, а Город очищают

молитвами, богослужениями и покаянием. Однако выданных обвиняемых не истязают, а лишь делают им внушения. Прегрешения, совершенные по слабости или неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучением той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение.

По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела.

Желательно, чтобы ты обратил внимание на то, что если кто-либо, совершив проступок, сам, не дожидаясь обвинения, добровольно повинится в нем, явившись к начальству, и принесет покаяние, пока его не обвинили, то наказание как за сокрытое преступление к нему не применяется и изменяется на другое. Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И так как они всегда ходят и работают отрядами, то для уличения преступника требуются пять свидетелей; иначе его отпускают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет сугубое наказание.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что такое Бог, что такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблость и т. д. Все это определено очень тонко. Там же начертаны определения всех добродетелей, и у каждой колонны, на которой начертано соответствующее определение, находятся кресла или судилища судей всех этих добродетелей. Во время судопроизводства судьи сидят там и говорят обвиняемому: «Сын мой, ты прегрешил против этого священного определения (благотворительности, великодушия и т. д.). Читай». И по обсуждении дела приговаривают обвиняемого к наказанию за проступок, им совершенный (то есть за злодеяние, малодушие, гордость, нерадивость и т. д.). А об-

винительные приговоры являются истинными и верными лекарствами и воспринимаются скорее как нечто приятное, а не наказание.

Гостинник. Теперь ты должен рассказать мне об их священниках, жертвоприношениях, религии и вере.

Мореход

О священниках, религии, жертвоприношении и молитвах

Первосвященник у них сам ☽, а из должностных лиц священниками являются только высшие; на их обязанности лежит очищать совесть граждан, а весь Город натайной исповеди, которая принята и у нас, открывает свои прегрешения властям, которые одновременно и очищают души, и узнают, каким грехам наиболее подвержен народ. Затем сами священноначальники исповедуют трем верховным правителям и собственные и чужие грехи, обобщая их и никого при этом не называя по имени, а указывая главным образом на наиболее тяжкие и вредные для государства. Наконец, трое правителей исповедуют эти же грехи вместе со своими собственными самому ☽, который узнает отсюда, какого рода прегрешениям наиболее подвержен Город, и заботится об искоренении их надлежащими средствами. Он приносит Богу жертвы и молитвы и прежде всего всенародно исповедует перед Богом грехи всех граждан во храме перед алтарем всякий раз, когда это необходимо для очищения, не называя, однако, по имени никого из согрешивших. И так он отпускает народу его грехи, вразумляя предостерегаться от них впредь, а затем исповедует всенародно свои собственные грехи и, наконец, приносит жертву Богу, моля о прощении Города и его грехов, о наставлении его и защите.

Также и верховные правители отдельных подчиненных городов один раз в год исповедуют, каждый в отдельности, их грехи перед ☽. Отсюда становятся ему известны недостатки провинции, и он равным образом врачует и их всеми человеческими и божественными средствами и т. д.

Жертвоприношение совершается так: ☉ спрашивает у народа, кто желает принести себя в жертву Богу за своих сограждан, и более праведный отдает себя добровольно. По совершении установленных обрядов и молений его кладут на четырехугольную доску, прикрепленную четырьмя крюками к четырем канатам, спускающимся на четырех блоках с малого купола, и взывают к Богу о милосердии, да будет ему угодна эта добровольная жертва человеческая, а не насильственная животная, какую приносят язычники. Затем ☉ приказывает тянуть канаты, приносимый в жертву поднимается вверху, к середине малого купола, и там отдается горячим молитвам. Пища доставляется ему через окно живущими вокруг купола жрецами, но пища скучная, до тех пор пока не искупятся грехи Города. Сам же он в молитве и посте молит Бога, да приемет он его добровольную жертву. По прошествии же двадцати или тридцати дней, по умилостивлении гнева Божия, он становится жрецом или же (но в редких случаях) возвращается вниз, но уже по наружному, жреческому сходу. И муж этот пользуется впоследствии великим уважением и почетом за то, что сам обрек себя на смерть за отчество. Бог же не желает смерти.

Кроме того, наверху храма пребывают двадцать четырех жреца, которые в полночь, в полдень, утром и вечером, четыре раза в сутки, поют Богу псалмы. На их обязанности лежит наблюдать звезды, отмечать их движения при помощи астролябии и изучать их силы и воздействие на дела человеческие. Таким образом знают они, какие изменения произошли или имеют произойти в отдельных областях земли и в какое время, и посылают проверять, действительно ли там случилось, отмечая и верные и ложные предсказания, дабы иметь возможность предсказывать впредь с наибольшей точностью на основании этих данных. Они определяют часы для оплодотворения, дни посева, жатвы, сбора винограда и являются как бы передатчиками и связующим звеном между Богом и людьми. Из их среды по большей части и выходит ☉. Они записывают замечательные события и занимаются научными изыска-

ниями. Вниз сходят они лишь завтракать и обедать, подобно духу, нисходящему из головы к желудку и печени. С женщинами сношений они не имеют, за исключением редких случаев, когда это необходимо для здоровья. Ежедневно к ним поднимается ☽ и рассуждает с ними о том, что они измыслили нового на благо Города и всех народов мира.

Внизу в храме постоянно находится кто-нибудь из народа, молясь перед алтарем; каждый час он сменяется другим, подобно тому как принято это у нас на торжественном сорокачасовом молебствии. Обычай такой молитвы называется у них «непрестанным жертвоприношением». После трапезы они воздают хвалу Богу музыкой, а затем воспеваю подвиги доблестных христиан, евреев, язычников и всяких других народов, что доставляет им большое наслаждение, ибо они никому не завидуют. Воспеваю они и любовь, и мудрость и всяческие добродетели под управлением своего царя. Каждый выбирает себе женщину, которая ему больше нравится, и начинается стройная и прекрасная пляска под колоннадами.

Женщины носят длинные волосы, собирая и связывая их все узлом на затылке и заплетая в одну косу; мужчины же — только один локон, выстригая кругом него все остальные волосы, повязывая платком и поверх него надевая круглую шапочку чуть пошире головы. В походе носят они шляпы, а дома — береты: белые, красные или пестрые, сообразно со своим мастерством или занятием; у должностных лиц они больше и пышнее.

О праздниках

Они празднуют четыре великих праздника при вступлении Солнца в четыре поворотные точки мира, то есть в знаки Рака, Весов, Козерога и Овна. При этом они разыгрывают глубоко продуманные и прекрасные представления, вроде комедий. Празднуют они и каждое полнолуние и новолуние, и день основания Города, и годовщины побед, и т. п.

О поэтах

Празднества сопровождаются пением женского хора, звуками труб и тимпанов и пальбою из бомбард, а поэты воспевают славных полководцев и их победы. Однако же тот, кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже и к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостоин имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами, и они считают это за распущенность, гибельную для всего человеческого рода, ибо допускающий это похищает награду у достойнейших и часто доставляет ее людям порочным либо из страха, либо из лести, низкопоклонства и жадности.

Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле. Тела умерших не погребаются, а во избежание моровых болезней сжигаются и обращаются в огонь, столь благородную и живую стихию, которая исходит от Солнца и к Солнцу возвращается. Этим исключается возможность возникновения идолопоклонства. Остаются, однако, изваяния и изображения героев, на которые часто взирают красивые женщины, предназначенные государством для деторождения.

О совершении молитвы

Молитвы совершают они, обращаясь на четыре стороны света: утром сначала на восток, затем на запад, затем на юг и затем на север, а вечером наоборот: сначала на запад, затем на восток, затем на север и затем на юг. При этом повторяют одну и ту же молитву, в которой просят для себя и для всех народов здорового тела, здорового духа, блаженства, заключая ее словами: «Как будет угодно Богу». Впрочем, всенародная молитва пространна, и изливается она к небу. Для того и алтарь у них круглый и разделен крест-накрест идущими под прямым углом проходами, по которым входит ☉ после каждой из четырех повторных мо-

литв и молится, взирая на небо. Это почитается у них за великое таинство. Первосвященнические облачения отличаются великолепием и осмысленностью, подобно облачению Аарона.

Об астрономии в делах священных и в гражданском счислении

Счет времени ведется у них по тропическому, а не по сидерическому году, но ежегодно они отмечают, насколько первый предваряет второй. Они считают, что Солнце непрерывно снижается и поэтому, описывая все более низкие круги, достигает Тропиков и Равноденствий раньше, чем в предыдущем году, или же нашему глазу, наблюдающему его все ниже в наклонности, представляется, что оно достигает и склоняется к ним раньше. Месяцы они исчисляют по движению Луны, а год по движению Солнца; и виду того, что одно совпадает с другим только на девятнадцатый год, когда и голова Дракона завершит свой цикл, создали они новую астрономию.

Они восхваляют Птоломея и восхищаются Коперником, хотя ему и предшествовали Аристарх и Филолай, но они говорят, что один производит расчет движений камешками, а другой — бобами, а ни тот, ни другой не рассчитываются настоящими деньгами и расплачиваются с миром счетными марками, а не чистой монетой. Поэтому сами они тщательно расследуют это дело, ибо это необходимо для познания устройства и строения мира и того, суждено ему погибнуть или нет и когда именно. И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знамениях в Солнце, Луне и звездах, чего не признают среди нас многие безумцы, которых и застигнет гибель мира, как ворonomy. Посему ожидают они обновления века, а может быть, и конца. Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин ли иных миров или из хаоса, но считают не только вероятным, а напротив, даже несомненным, что он создан, а не существовал от века. Поэтому и здесь, как и во многом другом, ненавидят

они Аристотеля, которого называют логиком, а не философом, и извлекают множество доказательств против вечности мира на основании аномалий. Солнце и звезды они почитают как живые существа, как изваяния Бога, как храмы и живые небесные алтари, но не поклоняются им. Наибольшим же почетом пользуется у них Солнце. Но никакое творение не считают они достойным поклонения и обожания, которое воздают одному лишь Богу, и потому ему одному служат, дабы не подпасть, в возмездие за служение творениям, под иго тирании и бедствия. И под видом Солнца они созерцают и познают Бога, называя Солнце образом, лицом и живым изваянием Бога, от коего на все находящееся под ним истекает свет, тепло, жизнь, живительные силы и всякие блага. Поэтому и алтарь у них воздвигнут наподобие Солнца, и священнослужители их поклоняются Богу в Солнце и звездах, почитая их за его алтари, а небо — за его храм, и взывают к добрым ангелам как к заступникам, пребывающим в звездах — живых их обиталищах: ибо, говорят они, Бог явил свое нескончаемое великолепие в небе и Солнце — своем трофее и изваянии.

Они отвергают Птоломеевы и Коперниковы эксцентрики и эпициклы и утверждают, что существует только одно небо и что планеты сами движутся и поднимаются, когда приближаются к Солнцу и приходят с ним в соединение; поэтому они по большому кругу двигаются вперед, в направлении общего движения, медленнее, а когда подходят к Солнцу, то несколько отклоняются, дабы получить от него свет, и начинают движение по кратчайшему пути, так как находятся ближе к Земле, благодаря чему и движутся вперед быстрее. Когда они идут с тою же скоростью, что и неподвижные звезды, они называются стоящими; когда скорее — *идущими вспять*, как говорят обыкновенные астрономы; когда медленнее — *идущими прямо* к большому свету, который они воспринимают, к которому поднимаются и т. д., ибо из квадратур и в противостояниях они снижаются, чтобы от него не отдалаться. Луна же и в противостоянии, а тем более в соединении, поднимается по-

тому, что находится под Солнцем. Таким образом, все светила, хотя и движутся от востока к западу, кажутся идущими в обратном направлении, так как все звездное небо быстро обращается в двадцать четыре часа, а они не так быстро, но задерживаются на пути, благодаря чему, упреждаемые небом, видны движущимися в обратном направлении. Луну же, которая к нам всего ближе, ни в противостоянии, ни в соединении никогда не видно бегущей обратно, но она только немного уходит вперед, когда полностью освещена сверху или снизу, ибо первое небо обладает в сравнении с нею такой скоростью, что ее движение вперед не может выйти за пределы тринадцати градусов, на которые она от него отходит. Итак, она не движется, а лишь замедляет и ускоряет движение вперед и вспять, из чего становится очевидно, что не надо прибегать ни к эпициклам, ни к эксцентрикам для объяснения подъема, понижения, понятного и замедленного движения. Действительно, Солярии доказывают, что блуждающие светила в определенных частях мира связываются симпатией с явлениями вышеими и потому задерживаются там дольше, почему и говорится, что они поднимаются в абсиде. Далее, тому явлению, что Солнце дольше задерживается в северной области, чем в южной, они дают физическое объяснение, а именно: оно поднимается, чтобы накалять Землю там, где ей выпали на долю большие силы, когда оно устремилось на полдень при своем появлении вместе с миром. Поэтому они утверждают вместе с Халдеями и древними Евреями (а не так, как полагают в позднейшее время), что мир возник во время нашей осени и весны Южного полушария. Таким образом, поднимаясь для возмещения того, что оно утратило, Солнце больше дней остается на севере, чем на юге, и видно восходящим по эксцентрику. При этом, однако, они не уверены ни в том, является ли Солнце центром Нижнего мира, ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет, ни в том, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли, но непрестанно доискиваются тут истины.

О физике

Они признают два физических начала всех земных вещей: Солнце — отца и Землю — мать. Воздух считают они нечастою долею неба, а весь огонь — исходящим от Солнца. Море — это пот Земли или истечение раскаленных и расплавленных ее недр и такое же связующее звено между воздухом и землею, как кровь между телом и духом у живых существ. Мир — это огромное живое существо, а мы живем в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве. И мы зависим не от промысла звезд, Солнца и Земли, а лишь от промысла Божия, ибо в отношении к ним, не имеющим иного устремления, кроме своего умножения, мы родились и живем случайно, в отношении же к Богу, которого они являются орудиями, мы в его предведении и распорядке созданы и предопределены к великой Цели. Поэтому единственно Богу обязаны мы, как отцу, и памятуем, что всем ведает он.

Они непреложно веруют в бессмертие душ, которые после смерти присоединяются к сонму добрых или злых ангелов, в зависимости от того, каким из них уподобились в делах своей земной жизни, ибо все устремляется к себе подобному.

О местах наказания и награды в будущей жизни они держатся почти одинаковых с нами воззрений. Относительно существования иных миров за пределами нашего они находятся в сомнении, но считают безумием утверждать, что вне его ничего не существует, ибо, говорят они, небытия нет ни в мире, ни за его пределами, и с Богом, как с существом бесконечным, никакое небытие не совместимо.

О метафизике

Начал метафизических полагают они два: сущее, то есть вышнего Бога, и небытие, которое есть недостаток бытийности и необходимое условие всякого физического становления; ибо то, что есть, не становится, и, следовательно, того, что становится, раньше не было. Далее, от наклонности к небытию рождаются зло и грех; грех имеет, таким

образом, не действующую причину, а причину недостаточную. Под недостаточной же причиной понимают они недостаток мощи, или мудрости, или воли. Именно в этом и полагают они грех: ибо тот, кто знает и может творить добро, должен иметь и волю к нему, ибо воля возникает из первых двух способностей, а не наоборот.

Изумительно то, что они поклоняются Богу-троице, говоря, что Бог есть высшая мошь, от которой исходит высшая мудрость, которая точно так же есть Бог, а от них — любовь, которая есть и мошь и мудрость; ибо исходящее непременно будет обладать природой того, от чего оно исходит. При этом, однако, они не различают поименно отдельных лиц троицы, как в нашем христианском законе, потому что они лишены откровения, но они знают, что в Боге заключается исхождение и отнесение самого себя к себе, в себя и от себя.

Таким образом, все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немоши, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию; и посредством первых стяжают они заслуги, посредством последних — грешат: или грехом природным — по немоши и неведению, или грехом вольным и умышленным, либотряжко: по немоши, неведению и ненависти — либо по одной ненависти. Ведь и природа в своих частных проявлениях грешит по немоши или неведению, производя чудовищ. Впрочем, все это предусматривается и устраниется Богом, ни к какому небытию не причастным, как существом всемогущим, всеведущим и всеблагим. Поэтому в Боге никакое существо не грешит, а грешит вне Бога. Но вне Бога мы можем находиться только для себя и в отношении нас, а не для него и в отношении к нему; ибо в нас заключается недостаточность, а в нем — действенность. Поэтому грех не есть действие Бога, поскольку он обладает существенностью и действенностью; поскольку же он обладает несущественностью и недостаточностью, в чем и состоит самая природа греха, он в нас и от нас, ибо мы по своему неустройству уклоняемся к небытию.

Гостинник. Господи, какие тонкости!

Мореход. Уверяю тебя, что если бы я все запомнил и не боялся сейчас опоздать, я бы на рассказал тебе изумительных вещей, но я пропущу корабль, ежели не потороплюсь.

Гостинник. Умоляю тебя, не утаи от меня только одно-го: что говорят они о грехопадении Адама?

Мореход

О причине зол в мире

Они ясно сознают, что в мире царит великая испорченность, что люди не руководствуются истинными высшими целями, что достойные терпят мучения, что им не внимают, а что господствуют негодия, хотя их благополучную жизнь они называют несчастьем, ибо она есть как бы ничтожное и показное бытие, так как ведь на самом деле не существует ни царей, ни мудрецов, ни подвижников, ни святых, раз они поистине не таковы. Из этого они заключают, что в делах человеческих из-за какого-то случая возникло великое смятение. Сначала они как будто были склонны считать вместе с Платоном, что небесные сферы в прежние времена врашивались с нынешнего запада туда, где, мы теперь считаем, находится восток, а впоследствии стали двигаться в обратном направлении. Считали они возможным и то, что делами низшего мира управляет некое низшее божество по попущению первого божества, но теперь полагают, что это мнение нелепо. Но еще нелепее считать, что сначала хорошо правил миром Сатурн, затем уже хуже Юпитер, а затем — последовательно остальные планеты, хотя они и признают, что мировые эпохи распределяются по планетам. Уверены они и в том, что из-за перемещения абсид через каждые тысячу или тысячу шестьсот лет во всем происходят значительные изменения.

Наш век, очевидно, надо считать веком Меркурия, хотя он и перебивается великими соединениями, и роковое дей-

ствие оказывают возвращения аномалий. В конце концов они признают, что счастлив христианин, довольствующийся верою в то, что столь великое смятение произошло из-за грехопадения Адама. Они полагают также, что от отцов на детей переходит скорее зло возмездия за вину, чем сама вина.

Но от сыновей вина переходит обратно на их отцов, поскольку те с небрежением относились к деторождению и совершали его не в надлежащее время и не в надлежащем месте, пренебрегали подбором и воспитанием родителей и дурно обучали и наставляли детей. Поэтому сами они тщательно следят за деторождением и воспитанием, говоря, что наказание и вина как сыновей, так и родителей затопляет государство. Из-за этого в теперешние времена все города поглязли в бедствиях и, что еще хуже, ныне называют миром и благоденствием самые эти бедствия, пребывая в неведении истинных благ, а мир представляется управляемым случаем. На самом же деле тот, кто созерцает устройство мира и изучает анатомию человека (которую сами они часто изучают на приговоренных к смерти), растений и животных, как и применение отдельных их частей и частиц, неизбежно принужден будет признать во всеуслышание мудрость и провидение Бога. Итак, человек должен быть всецело предан религии и всегда почтать своего творца. Но это невозможно исполнить подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения Бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях, помнит: *Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им.* Откуда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны Богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем. Ему же слава вовеки.

Гостинник. Поистине, раз они, знающие только закон природы, настолько близки к христианству, которое не до-

бавляет сверх природных законов ничего, кроме таинств, способствующих их соблюдению, то для меня это служит весьма веским доказательством в пользу христианской религии, как самой истинной из всех и той, которая, по устраниении злоупотреблений, будет господствовать на всем земном круге, как учат и уповают славнейшие богословы, которые утверждают, что потому и открыт Новый Свет Испанцами (хотя первым открывшим его был доблестнейший наш Генуэзец — Колумб), чтобы все народности объединились в едином законе. Итак, эти твои философы будут свидетелями истины, избранными Богом. Вижу я отсюда, что мы сами не ведаем, что творим, но служим орудиями Бога: люди ищут новые страны в погоне за золотом и богатством, а Бог преследует высшую цель; Солнце стремится спалить Землю, а вовсе не производить разстения, людей и т.д., но Бог использует самую битву борющихся к их процветанию. Ему хвала и слава.

Мореход. О, если бы ты только знал, что говорят они на основании астрологии, а также и наших пророков о грядущем веке и о том, что в наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи; что в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет; что говорят они об изумительном изобретении книгопечатания, аркебузов и применения магнита — знаменательных признаках и в то же время средствах соединения обитателей мира в единую паству, а также о том, как произошли эти великие открытия во время великих синодов в треугольнике Рака, при прохождении абсиды Меркурия через Скорпиона и под влиянием Луны и Марса, способствующих в этом треугольнике новым плаваниям, новым царствам и новому оружию. Но как только апсида Сатурна пройдет по Козерогу, апсида Меркурия — по Стрельцу, а апсида Марса — по Деве, после первых великих синодов и явления новой звезды в Кассиопее, возникнет новая монархия, произойдет преобразование и обновление законов и наук, появятся новые про-

роки, и, утверждают они, предвещает все это великое торжество христианству. Но сначала ведь все исторгается и искореняется, а потом уже созидается, насаждается и т. д. — Отпусти меня: у меня еще много Дела! — Но вот только что ты должен знать: они уже изобрели искусство летать — единственно, чего, кажется, недоставало миру, а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб, при помощи которых будут видимы скрытые звезды, и труб слуховых, посредством которых слышна будет гармония неба.

Гостинник. Неужели? Ах, ах, ах, это же замечательно! Но ведь Рак — это же женский знак Венеры и Луны, так как же может быть он благодетелен в воздухе, раз он — знак водный?

Мореход. А они говорят, что женское начало действует плодотворно в небе и над ними начинается господство менее устойчивых сил. Откуда и понятно, что в этом веке начало преобладать правление женщин. Так, между Нузией и Монопотапой явились новые Амазонки, а среди европейцев воцарились: Русская в Турции, Бона в Польше, Мария в Венгрии, Елизавета в Англии, Екатерина во Франции, Бьянка в Тоскане, Маргарита в Бельгии, Мария в Шотландии и в Испании Изабелла, при которой открыт был Новый Свет. Да и поэт этого века начинает с женщин:

Le donne, i cavalier l'arme e gli amori.

Развелись и зловредные поэты, и еретики из-за треугольника Марса и предстояния Меркурия в апогее, и под влиянием Венеры и Луны все время говорят они о распутстве и непристойностях; все мужчины стремятся стать женоподобными и в смысле пола, и в выражениях, называя друг друга «Vossignoria».

И в Африке, где главенствуют Рак и Скорпион, помимо Амazonок в Феце и Марокко, существуют публичные

лупанары женоподобных мужчин и другие бесчисленные мерзости. Но это еще не значит, что треугольник Рака (знак тропика, и место экзальтации Юпитера, и апогей Солнца, и тройственность Марса), как бы посредством Луны, Марса и Венеры, привел к открытию нового полушария, удивительному пути вокруг всего земного шара и владычеству женщин, а посредством Меркурия и Марса — к изобретению книгопечатания и огнестрельного оружия. И не треугольник Рака был причиной великой перемены законов. Эта перемена заключается в том, что в Новом Свете и по всему побережью Африки и Азии, особенно южному, укоренилось христианство при воздействии Юпитера и Солнца, которые в делах божественных и произвольных склоняют и указывают, а в делах человеческих и естественных даже служат определяющими причинами. В Африке же посредством Луны и Марса укоренилась секта Сетифа, в Персии посредством Венеры и Юпитера — секта Али, восстановленная Софием, одновременно с переменой правления в этих странах. А в Германию, Францию, Англию и во всю почти Северную Европу проникает из-за господствующих там Марса, Венеры и Луны зловещая ересь, спутница похоти и скотства и искоренительница свободной человеческой воли. Испания же и Италия благодаря их знакам Стрельца и Льва твердо сохранились в истинном христианском законе во всей его чистоте. О, если бы и в чистоте нравов!

Благодаря же Луне и Меркурию Солярии изобрели новые искусства при содействии абсиды Солнца, ибо эти планеты способствуют искусству летать по воздуху, который, будучи водянистым и расплывчатым в наших странах, на экваторе легок и летуч благодаря тому, что земля там расположена под небом, сильнее освещаемым Солнцем.

И они создали новую астрономию, так что в другом полушарии, к югу от экватора, Домом Солнца оказывается Водолей, Домом Луны — Козерог и т. д. И все знаки с их силами они, таким образом, переворачивают. И это необ-

ходимо, согласно законам природы. О, чего только я не узнал от этих мудрецов о перемещениях абсид, эксцентрикитетов, наклона эклиптики, равноденствий, солнцестояний, полюсов, о смещениях в небесных фигурах при колебаниях небесного механизма на необъятном пространстве времени; о символических соотношениях между предметами нашего мира и того, что находится вне его, о том, сколько изменений последует после великого синода в равноденственных знаках Овна и Весов, при восстановлении аномалий, и какие изумительные явления последуют за великим соединением при утверждении того, что определено при изменении кругового движения.

Но, прошу тебя, не задерживай меня дольше, у меня еще много дела, ты знаешь, как я беспокоюсь. До другого раза. Вот только чтобы не забыть: они неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какою мучили одного почитаемого ими Философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издалека и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения. Но так как они хотя и неощутимо и мягко, но все-таки воздействуют на наше чувство, то тот, кто следует больше чувству, чем божественному разуму, и оказывается у них в порабощении. Ведь то же самое расположение звезд, которое из трупов еретиков испустило зловонные испарения, одновременно с этим из основателей ордена Иезуитов, Миноритов и Капуцинов источило благоухание добродетели. И под тем же расположением звезд Фернанд Кортец насадил божественную религию Христа в Мексике.

А о многом другом, что теперь ожидает мир, я еще расскажу тебе в другой раз. — Ересь апостол Павел относит к делам плоти; звезды же чувственных людей склоняют к ереси, сообразно характеру склоняемого, а людей разумных — к разумному, истинному и святому закону из-

начального разума и слова Божия. Богу же хвала вовеки.
Аминь.

Гостинник. Подожди, подожди еще немного.

Мореход. Не могу, не могу.

Новая Атлантида

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря, в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменился и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед за тем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, мы почли себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко Всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы как при сотворении мира он собрал воду воедино и явил сушу, так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

Ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материк, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а на рассвете ясно увидели, что это и была земля — плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную бухту, служившую гаванью красивому городу, не слишком большо-

му, но отлично построенному и с моря выглядевшему весьма-
ма живописно. Считая каждую минуту промедлением, по-
дошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут
мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках за-
прещают нам это — не криками или угрозами, но пред-
остерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы ста-
ли совещаться, как поступить.

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмешавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он взошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейше-
го недоверия. Увидя, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более жел-
того, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибко-
го) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были —
на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латы-
ни и на испанском — следующие строки: «Пусть никто из
вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти бе-
рега не позднее, как через шестнадцать дней, если только
срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаешься
в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной
помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет по-
вреждения — напишите, что вам надобно, и долг милосер-
дия будет нами исполнен».

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла
серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а под-
ле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился,
оставив слугу, которому должны мы были передать наш
ответ. Посовещавшись между собою, мы все же пребыва-
ли в большом смущении. Запрещение высадиться и при-
каз вскорости отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем
открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и
полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего
более порадовал нас знак креста на свитке, как верный
предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испан-
ском языке: «Что до корабля, то он в исправности, ибо
в пути мы испытали безветрие и противный ветер, но не

бури. Что до больных, то их у нас много — и очень тяжелых; так что запрещение высадиться угрожает им смертью». Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что «имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы».

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника — кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял даров, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа после того, как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое, по-видимому важное, лицо. На нем было облачение с широкими рукавами из некой ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевитой, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сделанный, — но размером поменьше, чем носят турки, — из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находились еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещались человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы выслали кого-либо навстречу, что мы и сделали, пославши шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: «Христиане ли вы?» Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном на их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этимзнаком принято у них благодарить Бога) и сказал:

— Если все вы поклянетесь муками Спасителя, что вы не пираты, а также, что в течение последних сорока дней

не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег.

Мы ответили, что готовы принести такую клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал:

— Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии.

Мы отвечали с поклоном, что мы — покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного к нам на корабль взошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин, — но цветом скорее алый, чем оранжевый, — издававший чудесный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву «именем Иисуса и мук его», а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он назвал его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалованье от государства. Как я узнал позже, «дважды оплаченными» называют они чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день.

— Ибо, если послушаетесь моего совета, — сказал он, — со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее подготовить;

а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете высадить на сушу.

Мы поблагодарили его, сказав, что Бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он провел нас тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собирались не дивиться на нас, но приветствовать; некоторые при нашем приближении несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия.

Дом чужестранцев представляет собой отличное просторное здание, выстроенное из кирпича, имеющего, по сравнению с нашим, синеватый отлив; с красивыми окнами, из которых одни застеклены, другие затянуты промасленной льняной тканью.

Введя нас в красивую приемную залу наверху лестницы, он спросил, сколько у нас больных. Мы ответили, что всего нас (здоровых и больных) пятьдесят один человек, из коих больных семнадцать. Он попросил нас запастись терпением и подождать его возвращения; а около часу спустя вернулся и повел нас осматривать отведенные нам комнаты, коих было девятнадцать. Как видно, они решили в четырех лучших комнатах поместить четверых наших начальников, а в остальных пятнадцати разместить нас по двое. Комнаты были красивые, светлые и богато убранные. Затем он провел нас в длинную галерею, или спальный покой, где по одной стороне (по другой шла стена со множеством окон) расположен был ряд одиночных спален, очень опрятных, отделенных одна от другой перегородками из кедрового дерева. Эта галерея со спаленками, которых было всего сорок (значительно больше, чем нам требовалось), служила у них лазаретом. Он тут же сказал нам, что по мере выздоровления наши больные будут переводиться в обычные помещения, для чего было приготовлено еще десять

комнат, кроме тех, о которых я упоминал выше. После этого он вернулся с нами в приемную залу и, подняв слегка свой жезл, как делают они при объявлении приказов начальства, сказал:

— Вам надлежит знать, что обычаи нашей страны запрещают вам выходить отсюда в течение трех дней, не считая сегодняшнего и завтрашнего, которые даются вам для переселения с корабля. Однако пусть это не смущает вас и не считается за лишение свободы, но скорее за срок, надобный для того, чтобы осмотреться и отдохнуть. Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлены шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения, требующие отлучек из этого дома.

Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив:

— Поистине, господь явил себя в этой стране.

Мы также предложили ему двадцать пистолей, но он улыбнулся и сказал только:

— Как? вторичная плата?

И с этим оставил нас. Вскоре был нам подан обед; причем и хлеб и мясо были отличные — лучше, чем за любой общественной трапезой, какую я мог припомнить в наших краях. Были также напитки трех сортов, все полезные и приятные на вкус: виноградное вино, напиток из зерна, наподобие нашего эля, но прозрачнее, и род сидра, приготовленного из местных фруктов, — удивительно вкусный и освежающий. Кроме того, принесли нам для наших больных большой запас упомянутых мной красных апельсинов, которые, по их словам, были верным средством от болезни, поражающей мореплавателей. Дали нам также коробку мелких пилюль серого и беловатого цвета, посоветовав давать их нашим больным, по одной пилюле на ночь, для ускорения их выздоровления.

На следующий день, когда мы уже несколько отдохнули от хлопот, причиненных перевозкою с корабля людей и товаров, решил я созвать всех своих спутников; когда же они собрались, сказал:

— Друзья мои, соберемся с мыслями и подумаем о нашей судьбе. Мы выброшены на сушу, подобно Ионе, извергнутому из чрева китова, когда уже считали себя погребенными в морской пучине, но и сейчас, обретя землю, мы находимся между жизнью и смертью; ибо оказались за пределами и Старого, и Нового Света; и одному Богу ведомо, увидим ли мы когда-либо берега Европы. Чудом попали мы сюда и только чудом сумеем отсюда выбраться. Пусть же, — памятая недавнее избавление, а также нынешние и грядущие опасности, — каждый из нас обратит взоры к Богу и очистится от скверны. К тому же мы находимся здесь среди христианского племени, исполненного благочестия и человеколюбия. Так не посрамим же себя перед ними, обнаружив свою порочность и недостойность. Но это еще не все. Ибо они особым приказом (хотя и в учтивой форме) на три дня заключили нас в этих стенах; как знать, не для того ли, чтобы получить некоторое понятие о наших нравах? И если они окажутся плохи, изгнать нас; а если хороши — продлить наше здесь пребывание? Ибо люди, приставленные к нам для услуг, могут вместе с тем наблюдать за нами. Поэтому заклинаю вас Богом и заботою о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с Господом и снискать расположение здешнего народа.

Спутники мои в один голос поблагодарили меня за полезное уверещание и обещали вести себя учтиво и скромно, не подавая никаких поводов к неудовольствию. И так провели мы три дня с легким сердцем и беззаботно, ожидая, как поступят с нами по истечении этого срока.

А тем временем ежечасно радовало нас улучшение состояния наших больных, которые мнили себя погруженными в некую целительную купель — так быстро и легко они выздоравливали.

По истечении трехдневного срока явился к нам поутру новый человек, до тех пор нами не виденный, одетый, как и прежний, в синее; только чалма на нем была белая, украшенная маленьkim красным крестом, да еще пелерина из тонкого полотна. Входя, он слегка склонился и выставил

руки вперед. Мы, со своей стороны, приветствовали его со смиренiem и покорностью, ибо ждали от него своего приговора. Он изъявил желание говорить с несколькими из нас; после чего шестеро из нас остались с ним, остальные же удалились. Пришедший сказал:

— Я по должности управитель Дома чужестранцев, а по сану христианский священник и пришел предложить вам свои услуги как чужестранцам, но прежде всего как христианам. Могу сообщить весть, которая, я уверен, будет вам приятна. Правительство разрешило вам оставаться на берегу в течение шести недель; и пусть не тревожит вас, если окажется, что вам понадобится больше; ибо закон в этом пункте не слишком строг; и я не сомневаюсь, что сам смогу испросить для вас дальнейшее продление срока. Скажу также, что Дом чужестранцев в настоящее время богат и всем обеспечен. Вот уже тридцать семь лет накапливаются его доходы; ибо за это время ни один чужестранец не появлялся в этих краях. А потому ни о чем не тревожьтесь; государство берет на себя расходы по содержанию вашему на все время вашего пребывания, так что по этой причине оно не будет сокращено ни на один день. Что касается ваших товаров, то с вами поступят по справедливости и произведут расчет: либо товарами, либо золотом и серебром; ибо для нас это безразлично. А если имеете какие-либо просьбы — говорите без утайки и увидите, что мы не огорчим вас отказом. Об одном только вас предупреждаю: никто из вас не должен отлучаться из города дальше чем на один каран (это составляет у них полторы мили) без особыго на то разрешения.

Мы отвечали, обменявшись друг с другом взглядами, в коих выразилось восхищение столь приветливым и отеческим к нам отношением, что не знаем, что и сказать; ибо не находим слов для выражения нашей благодарности, а его щедрые и великодушные предложения не оставляют места для просьб. Мы словно видим перед собою прообраз нашего небесного спасения; ибо, находясь еще столь недавно в пасти смерти, очутились вдруг там, где все дарует нам

утешение. Что касается наложенного на нас запрета, то мы его не нарушим, хотя и невозможно, чтобы мы не горели желанием повидать и другие части этой счастливой и благословенной страны. Мы добавили, что скорее языки наши присохнут к гортани, чем мы позабудем упоминать в своих молитвах как его почтенную особу, так и весь народ его. И смиренно просили его считать нас своими преданными слугами по праву благодетеля, повергая к стопам его и себя самих, и все наше имение. Он ответил, что, будучи священником, ожидает лишь пастырской награды, а именно: нашей братской любви и блага нашим душам и телам; после чего удлился со слезами умиления, нас же оставил радостными и смущенными.

— Поистине, — говорили мы друг другу, — мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе.

На следующий день, часов около десяти, управитель явился к нам снова; после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы, человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом:

— Мы, жители острова Бенсалем (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель; сами же остаемся неизвестны. А коль скоро спрашивать подобает тому, кто менее осведомлен, то мы с вами лучше употребим время, если задавать вопросы будете вы, а не я.

Мы отвечали, что смиренно благодарим его за это дозволение и уже можем на основании собственного опыта судить, что нет на земле ничего, более достойного ознакомления, нежели эта счастливая страна.

— Но всего более, — прибавили мы, — после столь чудесной встречи на краю земли и уповая, — несмотря на то,

что мы живем в разных концах света, — на грядущую встречу в Царствии Небесном (ибо видим в них единоверцев-христиан), хотели бы знать (поскольку здешняя земля столь удалена и отдалена обширными и неисследованными морями от тех мест, где сходил на землю Спаситель), кто был ее апостолом и как была она просвещена верою.

При этом вопросе лицо его выразило большое удовлетворение, и он ответил:

— Вы расположили меня к себе, задав этот вопрос в первую очередь; ибо он означает, что вы ищете прежде всего Царствия Небесного; отвечу вам на него охотно и кратко.

Спустя около двадцати лет по воскресении Спасителя, жители Ренфузы (города на восточном побережье нашего острова) увидели однажды ночью (а ночь была облачной и спокойной) большой столп света, появившийся на море на расстоянии около мили; он имел форму колонны (или цилиндра) и подымался к небу на большую высоту; вершину его увенчивал крест, сиявший более ярко, нежели самый столп. Столп необычайное зрелище привлекло горожан на берег моря; а там некоторые сели в лодки, чтобы еще более приблизиться к чудесному явлению. Однако не доплы whole ярдов шестидесяти до столпа, лодки оказались словно скованными и не в силах плыть дальше, хотя в других направлениях могли двигаться свободно; так что все лодки расположились полукружием, созерцая небесное знамение. Случилось, что в одной из них находился мудрец из числа членов Соломонова дома; а это, добрые друзья мои, зеница ока нашей страны. И вот, после внимательного и благоговейного созерцания столпа и креста, человек этот склонился ниц; а затем, стоя на коленях и воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) божественные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки. Свидетельствую перед собравшимся здесь народом, что в представ-

шем нам зрелище вижу перст твой и подлинное чудо; а зная из книг наших, что ты не творишь чудес иначе, как с благой и божественной целью (ибо законы природы есть твои законы, и ты не преступаешь их без важных к тому причин), мы смиренно просим тебя благословить твое знамение и открыть нам его значение, что ты уже отчасти обещаешь, ниспосылая его».

Едва окончил он свою молитву, как почувствовал, что лодка его обрела свободу движения, тогда как остальные оставались по-прежнему скованными; приняв это за дозволение приблизиться, он велел медленно и в молчании грести по направлению к столпу. Но не успел он приблизиться, как сияющий столп и крест распалась и рассыпалась как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец, или ларец, кедрового дерева, нимало не подмоченный водою, хотя и плыл по ней. Из переднего конца его, ближайшего к лодке, росла зеленая пальмовая ветвь. Когда же мудрец благоговейно взял ларец в лодку, он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание — и то и другое на тонком пергаменте, обернутое в льняную ткань. Книга содержала все канонические книги Ветхого и Нового Заветов, соответствующие вашим (ибо нам известно, какие приняты вашими церквами); Апокалипсис и некоторые другие книги Нового Завета, в ту пору еще не написанные, также тем не менее оказались тут. Что касается послания, то оно состояло из следующих строк:

«Мне, Варфоломею, рабу Божию и апостолу Иисуса Христа, было видение, в коем ангел повелел мне вручить морским волнам этот ковчежец. А потому объявляю народу, к которому угодно будет Господу привесть ковчежец, что тем самым ниспосыпается ему спасение, мир и благование от Бога-отца и Господа нашего Иисуса».

Кроме того, в обоих этих писаниях — книге и послании — было нам явлено чудо, подобное чуду апостолов, когда был ниспослан им дар языков. Ибо не только местные жители, но также иудеи, персы и индийцы, находив-

шиеся в ту пору в нашей стране, смогли прочесть книгу и послание так, словно они были написаны на их родном языке. Вот так случилось, что ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия через апостольскую проповедь святого Варфоломея.

Тут он остановился, ибо пришел посланец и вызвал его от нас.

На следующий день, тотчас после обеда, управитель явился к нам снова и попросил извинения, говоря, что на кануне был вызван от нас несколько поспешно, но теперь постараётся возместить это и проведет с нами больше времени, если только общество его и беседа нам приятны. Мы отвечали, что оно столь нам приятно, что, слушая его, мы забываем и перенесенные бедствия, и грядущие опасности и один час, проведенный с ним, ценим наравне с годами прежней нашей жизни. Он слегка поклонился, а когда мы уселись, сказал:

— Итак, спрашивать надлежит вам.

Тут один из нас, после некоторого молчания, сказал, что есть один предмет, о котором мы столь же желаем, сколько боимся спросить, дабы не злоупотребить его добродетелью. Однако же, ободренные столь редкостным человеческим колюбием с его стороны и не считая себя совершенно чужими, но его верными слугами, осмеливаемся заговорить об этом, смиренно прося его простить дерзкий вопрос, если бы и пришлось отклонить его. Нам запомнилось, продолжали мы, прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна большая часть света; это видно из того, что здесь знают европейские языки, а также многие наши дела; тогда как мы, европейцы (несмотря на все плавания и открытия последнего времени), никогда не видали этого острова и не слыхали о нем. Это кажется нам удивительным; ибо все народы знают друг друга либо посредством путешествий в чужие края, либо через приезжающих чужестранцев; и хотя путешественник больше узнаёт, видя все воочию, нежели остающиеся у себя

дома могут узнать из рассказов, однако ж оба эти способа достаточны для некоторого взаимного познания. Что же касается этого острова, то мы никогда не слыхали, чтобы какой-либо их корабль приставал к берегам Европы, Ост-Индии или Вест-Индии и чтобы хоть чай-нибудь корабль побывал у них. Но самое диковинное еще не в этом. Ибо этому может способствовать (как сказала и его светлость) уединенное расположение в неисследованной части обширного океана. Но как могут островитяне знать языки, книги и историю тех, кто отделен от них таким расстоянием, — вот что кажется нам непостижимым; и представляется свойством и особенностью божественных существ, которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачней стекла. Выслушав это, управитель добродушно улыбнулся и сказал, что мы недаром просили прощения за подобный вопрос; ибо, как видно, считаем его землю страной чародеев, посылающих во все концы света незримых духов, которые доставляют им сведения о чужих краях. На это все мы ответили с подобающей почтительностью, но, однако, показав, что поняли его шутку:

— Да, мы действительно склонны думать, что остров имеет в себе нечто сверхъестественное, но скорей ангельское, нежели колдовское. Однако если говорить правду, не это заставило нас опасаться задать наш вопрос, но запомнившиеся нам слова вашей светлости о том, что законы страны предписывают хранить ее тайну от чужестранцев.

На это он сказал:

— Вы не ослышались; а потому, отвечая вам, я умолчу о некоторых подробностях, которые оглашать не имею права; но и без того сумею удовлетворить вашу любознательность.

Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи и более лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и тем не менее повторяю: более, нежели сейчас.

Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от Всемирного потопа, поощрял людей вверяться волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пироги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений, или же вовсе никаких; нам же все это хорошо известно.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как-то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и славные народы, от которых здесь и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами, и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу), и Кинсай на Восточных морях, и даже самых рубежей Восточной Татарии.

В это же время, и еще столетие спустя, процветала и великая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших великих людей, — который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, подобные *scala coeli*, по которым туда восходили, — хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как Перу (в то время называвшееся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители

последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания: жители Тирамбеля — через Атлантику и Средиземное море, а жители Койи — через Южные моря к нашему острову. О первом из этих плаваний — к берегам Европы — тот же великий писатель ваш слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, несомненно, имело место. Но правда ли, что именно древним афинянам принадлежала честь отразить врага, — об этом мне неизвестно; известно лишь, что из этого похода не вернулся ни единый корабль и ни единый человек. Не лучше окончился бы и другой поход — людей из Койи, если бы им не посчастливилось встретить более милосердного противника. Ибо король нашего острова (по имени Альтабин), мудрый муж и славный полководец, правильно оценив и свои силы, и вражеские, сумел отрезать сухопутные их войска от кораблей, окружил их и на море и на суше превосходящими силами и вынудил сдаться без боя; а когда оказались они в полной его власти, удовольствовался их клятвой никогда не подымать против него оружия и отпустил всех с миром.

Но небесный гнев вскоре покарал эти властолюбивые замыслы. Менее чем спустя великая Атлантида была разрушена до основания — не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом или наводнением; ибо реки в тех краях доныне гораздо многоводней, а горы, с которых стекают воды, — выше, чем в любой части Старого Света. Наводнение это не было, однако ж, глубоким, во многих местах покрыв землю не более чем на сорок футов; так что, хотя люди и животные были уничтожены, некоторым диким лесным жителям удалось спастись. Уцелели и птицы, взлетевшие на вершины деревьев и холмов. Что касается людских жилищ, они тоже нередко возвышались над уровнем воды. Однако вследствие того, что вода, хотя и неглубокая, стояла очень долго, жители долин, даже там, где они не утонули, погибли от недостатка пищи и других необходимых предметов. Не удивляйтесь поэтому редко-

му населению Америки, а также грубости его нравов; ибо нынешних обитателей Америки надлежит считать молодым народом, не менее чем на тысячелетие моложе остальных народов мира. Ведь именно такой срок отделяет Все-мирный потоп от постигшего их наводнения. Ибо жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие в их горах, лишь очень медленно заселили страну вновь и, будучи невежественны и дики (в отличие от Ноя и его сыновей, которые были первейшим семейством на всей земле), не смогли оставить потомству письменности, искусств и цивилизации; а привыкнув в своих горных местностях (отличающихся крайне холодным климатом) одеваться в шкуры тигров, медведей и косматых коз, которые там водятся, они, когда спустились в долины, где царит нестерпимая жара, не знали способа одеваться легче и начали ходить нагишом, каковой обычай сохранился у них и по сей день. Зато любят они украшать себя перьями птиц; и это опять-таки осталось им от их предков, обитателей гор, которых побудило к этому изобилие огромных птичьих стай, слетавшихся на возвышенные места, пока долины были затоплены. Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не считая редких случаев, вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно, наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплава-

ния, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, которого память мы чтим более всех других, — не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистощимой доброты; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из гавани в гавань или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его, — решил он, что для осуществления его благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чуждых нравов. Подобный закон о недопущении чужеземцев без особого разрешения с древних времен и доныне существует в Китае. Однако там это нечто жалкое. Наш же законодатель издал закон совсем иного рода. Ибо он прежде всего сохранил принцип человеколюбия, предусмотрев оказание помощи чужестранцам, потерпевшим бедствие; в чем вы сами могли убедиться.

При этих словах все мы, как и подобало, встали и поклонились. Он же продолжал:

— Государь этот, стремясь сочетать благоразумие и гуманность и полагая бесчеловечным удерживать чужестранцев против воли и неблагоразумным — допускать их возвращение на родину, где они разгласили бы тайну нашего местонахождения, постановил следующее: всем чужеземцам, получившим дозволение высадиться, в любое время разрешать возвращение, но всем, кто пожелал бы оставаться, предлагать отличные условия и содержание на счет государства. В этом оказался он столь дальновиден, что за все века, прошедшие с тех пор, мы не помним, чтобы хоть один корабль от нас возвратился; и только тринадцать человек были в разное время доставлены на родину на наших судах. Что эти немногие могли рассказать по возвращении — я не знаю. Но все, что они рассказывали, должно было, как вы сами понимаете, показаться сном. Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно. Не то мы видим в Китае, ибо китайцы разъезжают всюду, куда хотят или могут. Наш же запрет допускает лишь одно, и притом замечательное, исключение, позволяющее извлечь всю возможную пользу из сношений с чужестранцами, но избежать вреда. Вот это-то я и открою вам сейчас. И здесь может показаться, что я несколько уклоняюсь от предмета; но скоро вы увидите, что все придется кстати. Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами Дом Соломона — благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильней было бы называть его Дом Соламоны. Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и нам также небезызвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно, его «Естественная ис-

тория», трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему присущи жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с действиями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить Бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавания во все края, не подвластные его короне, государь, однако же, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неизвестными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок, — я не могу; да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей; не ради шелков, пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что

создано Господом раньше всех других вещей, то есть света, — чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил.

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание; ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычайных. Он же, заметив, что мы желаем нечто сказать, но еще к этому не готовы, с большой учтивостью вывел нас из затруднения, осведомившись о нашем плавании и приключениях; а затем добавил, что хорошо было бы нам решить, какой срок пребывания просить у правительства, и предложил не ограничивать себя чрезмерно, ибо он испросит любой нужный нам срок. При этом все мы встали и пытались поцеловать край его пелерины, но он этого не допустил и ушел. А мы, едва наши люди услышали, что государство предлагает обеспечение чужестранцам, которые пожелали бы остаться, лишь с преувеличительным трудом смогли заставить их привести в порядок корабль и удержали от немедленного обращения к правительству за этим обеспечением. Однако кое-как нам это удалось; ибо надо было прежде прийти к согласному решению насчет дальнейшей нашей судьбы.

Теперь считали мы себя свободными и, окончательно убедившись, что нам не грозит гибель, отлично проводили время, осматривая город и его окрестности в пределах дозволенного нам расстояния, а также заводя знакомство со многими лицами отнюдь не простого звания, которые обходились с нами с такой добротою, непринужденностью и желанием обогреть чужестранцев на своей груди, что заставили нас позабыть все, что было нам дорого на родине. Непрерывно встречались мы со множеством вещей, достойных наблюдения и описания; ибо если есть в мире зерцало, достойное привлекать людские взоры, таким зерцалом является эта страна.

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи — обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется.

Праздновать его может всякий, кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении — изыскиваются средства помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносится порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего.

В день празднства отец, или тирсан, после богослужения выходит в отведенный для празднования большой покой, в конце которого устроено возвышение. Посередине возвышения ставится для него кресло, а перед ним — стол. Возвышение устилается ковром, а над креслом устраивается круглый или овальный балдахин из плюща; плющ у них несколько светлей нашего и напоминает листья серебристой осины; только больше блестит, ибо круглый год бывает зелен. Балдахин искусно убирается серебром и разноцветными шелками, которые переплетаются с плющом, — это всегда бывает работой дочерей данной семьи, — а сверху затягивается тонкой сеткой из шелка и серебра.

Но основой его служит живой плющ, который друзья семьи разбирают потом по листочку на память.

Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгораживают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенной лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по-нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой — золотую виноградную гроздь на длинном стебле. Вестник и мальчики одеты в атласные мантии цвета морской воды; а у вестника мантия сверх того украшена золотыми полосами и шлейфом. Отвесив три поклона, вестник подходит к возвышению и тут только берет в руки свиток. Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда именует «своим любезным другом и заимодавцем»; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долг, кроме человека, приумножающего число его подданных. Грамота скреплена золотой чеканной печатью с изображением особы короля; и хотя подобная грамота непременно полагается в каждом таком случае, кое-что может в ней меняться соответственно численности и достоинству семейства. Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означающими: «Счастлив народ Бенсалема!» Затем вестник берет из рук

второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота — как стебель, так и ягоды. Ягоды красиво отделаны эмалью; если в семье преобладают мужчины, то эмаль бывает пурпурной, а вверху грозди укреплено маленькое солнце; если дочери — то желто-зеленой, а гроздь увенчана изображением полумесяца. Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом в торжественных случаях носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжение которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колено; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длится более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству Спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно, в любом угодном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колена перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: «Сын Бенсалема (или дочь

Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и Святого Духа, а дни странствования твоего да будут долгими и счастливыми». Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: «Дети, благо, что вы родились: восхвалите Господа и не сходите с доброго пути». С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого празднества.

Не прошло шести или семи дней, как я завязал короткое знакомство с одним тамошним купцом по имени Иоабин. Он был евреем и был обрезан; ибо здесь сохранилось несколько еврейских родов, которым предоставляют исповедовать свою веру с тем большим основанием, что евреи эти весьма отличаются от евреев, населяющих другие страны. Тогда как те ненавидят имя Христово и таят про себя злобу на народы, среди которых живут, тамошние евреи, напротив, весьма почитают Спасителя и исполнены любви к народу Бенсалема. Купец, о котором я говорю, признавал, что Христос рожден девой и не был обычновенным человеком; он говорил, что Господь сделал его повелителем серафимов, охраняющих его престол. А еще они называют Христа Млечным Путем, Илией Мессии и многими другими возвышенными именами, которые хотя и недостойны его божественного величия, но сильно отличаются от речей других евреев.

Что касается страны Бенсалем, то человек этот не уставал превозносить ее и, по традиции тамошних евреев, утверждал, что местные жители происходят из колена Авраамова, от другого брата его, называемого ими Нахор; и что нынешние законы Бенсалема происходят от тайных законов, начертанных Моисеем в Кабале; и что когда при-

идет Мессия и воссядет на свой престол в Иерусалиме, король Бенсалема будет сидеть у ног его, тогда как все другие государи станут поодаль. Но если отбросить все эти иудейские бредни, приятель мой был человеком мудрым, ученым, проницательным и весьма сведущим в обычаях и законах страны.

Во время наших бесед я однажды сказал ему, что был весьма поражен рассказом некоторых членов нашего экипажа о Празднике семьи; ибо, как мне казалось, никогда еще не слышал о празднестве, на котором была бы так почтена природа; а поскольку семья ведет начало от брачного союза, то я пожелал узнать их обычаи и законы, касающиеся брака, и строго ли блюдут они брачные обеты, и держатся ли единобрачия; ибо где так заботятся об увеличении населения, как у них, там обычно дозволено многоженство. На это он сказал:

— Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, спривившие этот благословенный праздник, впоследствии необычайно процветают. Но слушай, и я поведаю тебе все, что знаю. Тогда поймешь ты, что нет на земле народа столь целомудренного, как бенсалемцы, и столь чуждого всякой скверны. Эта страна — девственница мира. Помнится, читал я в одной из ваших европейских книг, как один святой отшельник пожелал увидеть дух блудо-деяния. И тотчас предстал перед ним маленький уродливый эфиоп. Пожелай он увидеть дух бенсалемского целомудрия, и тот явился бы в образе светлого херувима. Ибо нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа. Знай же, что нет у них ни публичных домов, ни блудниц и ничего на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений; а вожделение естественное должно быть к нему побуждением. Но где люди имеют под рукой средство, более приятное для

их извращенной похоти, там брак почти упраздняется. Вот почему можно видеть у вас бесчисленное множество мужчин, которые не женятся, но предпочитают брачным узам развратную холостую жизнь. А из тех, кто женится, многие женятся поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого или высокого положения; или разве еще продолжения рода (и то без большой охоты). Сколь непохоже это на брачный союз, как он был установлен изначала! Невозможно также, чтобы, расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью нас самих), как это бывает у людей целомудренных. Да и так ли уж они остеиняются после брака, как можно было бы ожидать, если бы все это зло допускалось лишь по необходимости? Отнюдь нет; ибо оно и после того остается прямым поруганием брака. Посещение вертепов разврата и блудниц столь же безнаказанно для женатых, как для холостяков. Извращенная склонность к переменам и пристрастие к ласкам блудниц (превращающих грех в искусство) отбивают всякий вкус к браку и делают из него некую повинность. Мы слышали, что вы защищаете все это в качестве меньшего зла, во избежание прелюбодейств, обесчещения девушек, противоестественных пороков и тому подобного. Но здесь эти предосторожности считают нелепыми и называют щедростью Лота, который, желая избавить своих гостей от бесчестья, предложил своих дочерей. К тому же, по нашему мнению, от всего этого мало проку; ибо названные пороки и вожделения сохраняются в изобилии. Ведь недозволенная похоть подобна печи, где стоит закрыть выход пламени, как оно затухает; а стоит дать ему волю, начинает бушевать. Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине. А между тем нигде не найти такой верной и нерушимой дружбы. Словом, как я уже говорил, нигде нет такого целомудрия, как в этом народе. Они любят говорить, что лишившийся целомудрия лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается

у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков.

Окончив свою речь, почтенный еврей умолк. И тут я, предпочитая слушать его, а не говорить, но считая, однако ж, неучтивым хранить полное молчание, промолвил только, что — как сарептская вдова пророку Илии — готов сказать, что он напомнил нам о прегрешениях наших, и признаю большую праведность Бенсалема в сравнении с Европою. На это он ответил наклонением головы и продолжал следующим образом:

— Имеется у них и множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допускается. Есть также закон, не позволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачующихся. Брак без согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этого здешние жители не одобряют; ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учитивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы, — где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья.

Пока мы таким образом беседовали, явился некий человек, как видно, посланец, в богатом плаще с капюшоном, и что-то сказал еврею. А тот, обернувшись ко мне, произнес:

— Прости меня, ибо меня вызывают весьма поспешно.

На следующее утро он вновь пришел ко мне с радостным видом и сказал:

— Правитель города получил известие, что один из отцов Соломонова дома прибудет через неделю. Вот уж две-

надцать лет, как мы никого из них не видали. Возвращение его будет обставлено особой торжественностью, но причина возвращения хранится в тайне. Я добуду тебе и твоим спутникам хорошие места, откуда можно будет видеть его въезд.

Я поблагодарил его и выразил радость по поводу этого известия.

В назначенный день состоялся въезд. Прибывший был человек среднего роста и возраста, благообразного вида, с лицом, на котором написано было человеколюбие. На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее платье из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными каменьями, и бархатные башмаки персидского цвета. Шея его была открыта. Головной убор его имел форму шлема или испанской монтеры; из-под него красиво выбивались каштановые кудри. Борода была округленно подстрижена и несколько светлее волос. Его везли в богатой повозке без колес, наподобие носилок, с двумя лошадьми с каждой стороны в роскошно расшитой сбруе синего бархата, в сопровождении двух скороходов, одетых в те же цвета. Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади — такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. На верху ее украшало золотое солнце, а впереди — маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синею с золотом парчой. Впереди шли пятьдесят юношей в широких кафтанах белого атласа, доходивших до икр, в белых шелковых чулках, в башмаках из синего бархата и таких же бархатных шляпах, убранных вокруг тулы красивыми разноцветными перьями. За ними, также впереди повозки, шли два человека с обнаженными головами, в длинных полотняных одеждах, подвязанных поясами, и в синих бархатных башма-

ках; один из них нес епископский посох, а другой — пастушеский, но не металлические, а деревянные: первый из бальзамового дерева, второй — из кедра. Конной свиты не было ни впереди, ни позади повозки; как видно, во избежание всякого шума и замешательства. За повозкой восслед шли главные должностные лица города и старшины городских цехов. Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы пестрыешелковые ковры, наподобие персидских, только много лучше. Правую, обнаженную руку он простирали вперед, как бы благословляя народ, но в полном молчании. На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; ни одна армия так не держит строй, как стояли здесь люди; и даже зрители в окнах не толпились, а как бы занимали отведенные им места. Когда процессия удалилась, еврей сказал мне:

— Сейчас я не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы, из-за некоторых обязанностей, возложенных на меня городом в связи с приемом этого славного мужа.

Спустя три дня еврей явился вновь и сказал:

— Счастливы вы; ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас, по вашему выбору. Для этого назначил он послезавтрашний день, а желая дать вам свое благословение, выбрал утренние часы.

В назначенный день и час мы явились; причем для беседы с глазу на глаз спутники мои избрали меня. Мы застали отца Соломонова дома в богатом покое, убранном коврами и драпировками, но без тронного возвышения. Он сидел в низком кресле, богато украшенном и осененном балдахином из синего расшитого бархата. С ним не было никого, кроме двух пажей в красивых белых одеждах, стоявших по обе стороны кресла. Нижнее платье его было таким же, как и при въезде; но поверх него была теперь надета мантия с пелериной из того же черного сукна. Войдя, мы низко ему поклонились, как были научены, а когда

приблизились, он встал, протягивая правую руку без перчатки, как бы для благословения. Тут все мы склонились и поцеловали край его мантии. После этого все, кроме меня, удалились. Он выслал пажей из комнаты, велел мне сесть рядом с собой и обратился ко мне по-испански со следующими словами:

— Благослови тебя Господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею, ибо открою тебе, во имя любви к Богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и наконец, — о наших обычаях и порядках.

Целью нашего Общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают шестисот морских сажен; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности, одно и то же; ибо они равнозначны солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут дей-

ствительно очень долго; так что мы многому от них научились. Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготавлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полукилометра, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхнею сферой, а то, что находится посредине, — среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения на-

стоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрей, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огорода, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков; и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цветти раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их — крупнее и сладче, иного вкуса, аромата, цвета и формы, нежели природные. А многим из них мы придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как по всем признакам наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы слушать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделяем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются — иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной

раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготавливать напитки из мельчайших частиц, которые про-никали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вы-литы на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, кото-рым мы умеем придавать питательные свойства и превра-щать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, ко-реньев и орехов, а иногда из сущеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что не-которые сорта его служат для возбуждения аппетита, а дру-гие настолько питательны, что многие ничего, кроме них, не употребляют и живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению — без всякого, однако, ущерба для его све-жести, — что даже слабый жар большого желудка превра-щает его в полноценный млечный сок с такой же легко-стью, с какой обычное мясо переваривается здоровым же-лудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное го-лодание, и есть другие, от которых мышцы становятся за-метно плотней и тверже и силы призывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и ле-карственных трав, и других веществ должно быть соответ-ственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и под-вергаем длительному брожению. Что касается приготов-ляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения — чаще все-го посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные, — но также и точные формулы соединений, благодаря которым

из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами: отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие саму различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим

мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные — близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы — как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить, — и найти в крови и моче вещества, также не видимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас **дома** звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой — ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и трепетывать звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все

звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном, а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготавливаются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов, — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, из-

готовляя для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств — стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества, под угрозой штрафа и бесчестья, запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и отовсюду привозят нам книги, материалы и описания опытов. Их называем мы торговцами светом.

Тroe из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Тroe других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного

извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищ ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того, как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы.

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоего пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой — скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки

металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного из железа, из серебра, а иногда и из золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления Господа и благодарности за чудесные его творения и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем — сопровождая это естественными объяснениями — повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы, как предупреждать стихийные бедствия и бороться с ними.

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колена; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес:

— Да благословит тебя Господь, сын мой; и да благословит он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам. Ибо мы находимся здесь в лоне господнем и живем никому не ведомые.

С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают.

(На этом рукопись обрывается.)

Государства и империи Луны

На ясном небе сияла полная Луна; был десятый час вечера, когда я с несколькими друзьями возвращался из Кламара, под Парижем, с приема, который устроил в нашу честь господин Кюижи-сын, владелец этого поместья. Дорогой мы шутили, делясь мыслями, которые возникали у нас при созерцании оранжевого диска Луны. Мы ехали, не сводя взоров с великого светила, — один из нас говорил, что это слуховое окошко на небе, сквозь которое светится слава праведников, другой, уверовав в рассказы древних, утверждал что Вакх, содержащий в поднебесье таверну, пользуется полной Луной как вывеской; кому-то пришло на ум, что диск этот — медная подставка, на которой Диана гладит Аполлоновы брыжи, а иной предполагал, что это не что иное, как само Солнце, — скинув с себя к вечеру лучи, оно подглядывает в дырочку, желая проверить, что делается в мире в его отсутствие.

— Вполне разделяю ваши восторги, — сказал я, — но, не собираясь тешиться остротами, которыми вы подстегиваете время, чтобы оно ускорило свой бег, я скажу: Луна — такой же мир, как наш, причем наш служит для него луной.

Кое-кто из спутников наградил меня громким смехом.

— Быть может, — возразил я, — сейчас так же вот смеются на Луне над кем-нибудь, кто утверждает, что наш шар — целый мир.

Но, сколько я ни напоминал, что того же мнения придерживались Пифагор, Эпикур, Демокрит, а в наше время Коперник и Кеплер, — они только пуще заливались смехом.

Однако эта мысль, нравившаяся мне своею смелостью, от возражений только укреплялась и в конце концов так завладела мною, что всю оставшую дорогу я был занят думами о Луне; я всячески развивал эту причудливую мысль, обосновывая ее почти что всерьез, и уже совсем готов был покориться ей, как вдруг какое-то чудо или случайность, Провидение, судьба — нечто, что назовут видением, фикцией, химерой или, если хотите, безумием, привели к проишествию, о котором я сейчас расскажу.

Вернувшись домой, я отправился к себе в кабинет и нашел на столе раскрытую книгу, которую я там не оставлял. То было сочинение Кардано; я вовсе не собирался его читать, но некая сила направила мой взор именно на то место, где философ рассказывает, как однажды, занимаясь при свете свечи, он увидел двух высоких старцев, входящих к нему сквозь затворенные двери; после долгих его расспросов старцы признались, что они обитатели Луны, и в тот же миг скрылись.

Я был до такой степени изумлен и тем, что книга сама собою перенеслась ко мне на стол, и тем, в какое время и на какой странице она оказалась открытой, что я принял всю эту цепь случайностей за внушение Всевышнего, желающего, чтобы я открыл людям, что Луна — тоже мир.

«Вот чудеса! — рассуждал я, — только сегодня говорил я об этом, и книга, — быть может, единственная в мире, где вопрос обсуждается так обстоятельно, — летит из моей библиотеки на письменный стол, обретает разум и раскрывается на той странице, где повествуется именно о таком необыкновенном приключении; она как бы насилино привлекает мой взор и внушает моей фантазии соответствующие мысли, а воле моей — соответствующие намерения. Несомненно, — продолжал я рассуждать, — те же двое старцев, которые явились этому великому мужу, перенесли мою книгу и раскрыли ее на соответствующей странице, чтобы избавить себя от необходимости произносить речь, с которой они обратились к Кардано».

«Но, — возразил я самому себе, — я могу в этом увериться только в том случае, если поднимусь на небо».

«А почему бы не подняться? — тотчас же ответил я себе. — Ведь поднялся же туда Прометей, чтобы похитить огонь. Разве я менее отважен? И есть ли у меня основания сомневаться в таком же успехе?»

В итоге этих бредней, которые, пожалуй, сочтут признаками горячки, у меня родилась непоколебимая надежда преуспеть в столь дивном путешествии, и, чтобы справиться с задачей, я удалился в уединенный деревенский домик, где, потешив воображение различными возможностями осуществить свой план, я следующим образом отправился на небо.

Я обвешался множеством склянок с росою, а солнечные лучи устремлялись на них столь яростно, что тепло, притягавшее склянки, подобно тому как оно притягивает влагу, образуя огромные тучи, подняло меня на такую высоту, что я оказался выше средней сферы. Но в силу притяжения я возносился чересчур стремительно, и вместо того, чтобы приближаться к Луне, как я рассчитывал, она, казалось, отступала от меня все дальше; поэтому я разбил несколько склянок и наконец почувствовал, что вес моего тела превосходит силу притяжения и что я опускаюсь вниз.

Предположение мое оказалось правильным, ибо немного погодя я упал на Землю; принимая во внимание время, когда начался подъем, теперь должно было быть около полуночи. Между тем я заметил, что Солнце находится в зените и что здесь — полдень. Судите сами о моем удивлении, — оно было настолько велико, что, не зная, как объяснить это чудо, я имел дерзость вообразить, будто бог, в воздаяние моей смелости, вторично повесил на небо Солнце, чтобы оно освещало столь отважную затею.

А еще более возросло мое удивление оттого, что я никак не мог узнать местность, где очутился, ибо мне казалось, что поднимался я вверх по прямой линии и, следовательно, должен был опуститься на то же самое место, откуда полетел. Так или иначе, я направился, не снимая с себя

снаряжения, к некоей хижине, над которой вился дымок; когда я подошел к ней приблизительно на пистолетный выстрел, меня окружила толпа совершенно голых людей.

Они были явно удивлены моим появлением, ибо, надо думать, впервые увидели человека, обвешанного пузырьками. Они заметили, что я, передвигаясь, почти не касаюсь земли, — и это еще более запутывало все их догадки относительно столь диковинного снаряжения; они ведь не знали, что при малейшем моем движении жгучие солнечные лучи поднимают меня вверх и что, будь на мне пузырьков с росою побольше, я, вероятно, у них на глазах улетел бы в небо.

Я хотел было подойти к ним, но они вмиг исчезли в соседнем лесу, словно с перепугу обратились в птиц. Все же одного я поймал, — видно, ему изменили ноги. Я с великим трудом (ибо запыхался) спросил у него, далеко ли отсюда до Парижа, а также, с каких это пор во Франции люди ходят голые и почему они в таком ужасе разбежались от меня.

Человек, к которому я обращался, был старик с лицом оливкового цвета; прежде всего он бросился передо мной на колени и, воздев руки, открыл рот и зажмурился. Он долго бормотал что-то, но я не разобрал ни слова и принял его речь за хриплый лепет немого.

Чуть погодя я заметил, что ко мне с барабанным боем приближается взвод солдат; двое из них отделились от остальных, чтобы проверить, что я за человек. Когда они подошли на такое расстояние, что могли меня слышать, я спросил у них — где я нахожусь.

— Вы во Франции, — отвечали они, — но что за черт вас так вырядил? И почему мы вас не знаем? Разве сюда причалили какие-нибудь корабли? Вы доложитесь лекарскому начальнику? И зачем вы разлили водку по всем этим бесчисленным пузырькам?

На это я возразил, что вырядил меня так не черт, что не знают они меня потому, что не могут знать всех, что я никак не думал, что корабли доходят по Сене до самого

Парижа, а докладываться мне лекарскому начальнику не-зачем и водки на мне нет.

— Ага, вы еще хорохоритесь, — воскликнули они, беря меня под руки. — Уж господин-то губернатор разберется, кто вы такой, будьте покойны!

Они повели меня в свою часть, и тут я узнал, что я действительно во Франции, но в Новой; спустя немного меня представили вице-королю, который осведомился, откуда я, как мое имя и звание; ответив на его вопросы, я рассказал о своем удачном путешествии, и он — поверив ли мне или только притворившись, что верит, — милостиво предоставил мне комнату в своем доме. Я был счастлив, что встретил человека, не чуждого возвышенным мыслям и не удивившегося, когда я сказал, что во время моего полета Земля, по-видимому, вращалась, раз, начав подъем в двух лье от Парижа, я по почти перпендикулярной линии опустился в Канаде.

Вечером, когда я уже собирался лечь спать, он вошел ко мне в комнату и сказал:

— Я не нарушил бы вашего покоя, если бы не предполагал, что человек, владеющий секретом покрывать такое расстояние за полдня, владеет также и секретом преодолевать усталость. Но вы не знаете, — продолжал он, — какой занятный спор я сейчас выдержал из-за вас с нашими отцами иезуитами? Они решительно утверждают, что вы колдун, а если они согласятся считать вас просто обманщиком, то это будет величайшая милость с их стороны. И в самом деле, ваше предположение, что Земля вертится, — довольно сомнительный парадокс; что касается меня, то скажу откровенно, я не разделяю вашего мнения, ибо, отправившись вчера из Парижа, вы могли сегодня прибыть в наши места и без вращения Земли, ибо само Солнце, поднявшее вас вверх благодаря вашим склянкам, и должно было вас привести сюда, — ведь, по утверждению Птоломея и новейших философов, оно движется, в то время как вы ошибочно приписываете движение Земле. И правдоподобно ли ваше предположение, что Солнце неподвижно, между тем

как нам видно его вращение? И из чего следует, что Земля столь стремительно вращается? Ведь мы же чувствуем, что она недвижима у нас под ногами.

— Вот, сударь, каковы доводы в пользу такого предположения, — возразил я. — Во-первых, здравый смысл подсказывает, что Солнце расположилось в центре Вселенной, раз все тела, имеющиеся в природе, нуждаются в его изначальном тепле; что оно находится в сердце подвластного ему царства, дабы немедленно удовлетворять нужды каждой отдельной части этого царства, и что первопричина жизни помещается в середине всех тел, дабы действовать равномерно и легко, — мудрая природа точно так же расположила детородные органы человека, зернышки — в сердцевине яблока, косточки — в середине плода; так же и лук под сотней листочек хранит драгоценный росток, из коего миллионы других ростков почерпнут новые силы. Ибо яблоко само по себе — маленький мирок, в котором зернышко, как самая теплая частица, напоминает Солнце, — оно распространяет вокруг себя тепло и оберегает яблоко в целом; с такой точки зрения, зернышко — солнце этого мирка, оно согревает и питает растительное начало окружающего его тельца.

Исходя из этого, я и говорю, что Земля, нуждаясь в свете, тепле и в воздействии этого великого Огня, вращается вокруг него, чтобы всеми своими частями в равной мере воспринимать начало, поддерживающее в ней жизнь. Ибо предполагать, что огромное раскаленное светило вертится вокруг точки, до которой ему нет решительно никакого дела, столь же нелепо, как при виде зажаренного жаворонка думать, что его подготовили, вращая вокруг него плиту. Если считать, что Солнцу требуется выполнять эту работу, то можно подумать, что медицина нуждается в больном, а не наоборот, что сильный должен подчиняться слабому, вельможа служить простолюдину и что не корабль плывет вдоль берегов, а берега проплывают мимо корабля.

Если вам кажется непостижимым, как столь тяжелая масса может двигаться, скажите мне, пожалуйста, разве

светила и небеса, которые вы считаете такими плотными, по-вашему легче? К тому же мы уверены, что Земля круглая; следовательно, основываясь на ее форме, легко заключить, что она и движется по кругу. А зачем предполагать, что небо круглое, раз убедиться в этом нельзя и раз очевидно, что, если оно любой другой формы, значит, оно уже не может вращаться. За ваши эксцентрики, концентрики и эпициклы я вас не упрекаю, хоть вы можете дать мне о них лишь маловразумительные объяснения, — но из своей системы я их исключаю. Поговорим теперь лишь о естественных причинах вращения.

Вам приходится прибегать к предположению о наличии какой-то разумной силы, которая приводит светила в движение и управляет ими. Я же, не тревожа Верховное существо, которое, несомненно, создало Природу вполне совершенной и по мудрости своей завершило ее созидание таким образом, что если она совершенна в одном отношении, то безупречна и во всех остальных; я, повторяю, вижу в самой Земле те начала, которые приводят ее в движение. Так, я говорю, что солнечные лучи, падая в своем движении на Землю, воздействуют на нее и вращают, подобно тому как мы вращаем шар, хлопая по нему рукою; испарения, беспрестанно выделяющиеся из недр Земли с той стороны, на которую светит Солнце, отражаются холодной средней сферой и возвращаются обратно, но в косом направлении, и таким образом тоже придают Земле вращательное движение.

Объяснение двух других движений еще проще. Вот послушайте...

Тут вице-король прервал меня:

— Я предпочитаю избавить вас от этого труда, — сказал он. — Я прочел на эту тему несколько сочинений Гасенди. Но мне хочется рассказать, что мне ответил один из наших отцов, разделяющих ваше мнение.

«Да, — говорил он, — я допускаю, что Земля вращается, но не по причинам, на которые ссылается Коперник, а потому, что адское пламя, как свидетельствует Священ-

ное Писание, находится в центре Земли; грешники же, стремясь удалиться от него, теснятся поближе к сводам и таким образом приводят Землю в движение, подобно тому как собака приводит в движение надетый на нее обруч».

Мы воздали хвалу этому рассуждению славного монаха, как плоду отменного рвения, потом вице-король сказал, что он чрезвычайно удивлен тем, что система Птоломея, несмотря на все свое неправдоподобие, получила такое широкое распространение.

— Сударь, — отвечал я, — большинство людей судят обо всем, лишь основываясь на своих чувствах; вот они и поверили свидетельству своих глаз, и подобно тому как человек, плывущий вдоль берега, воображает, будто он стоит на месте, а движется берег, так и люди, врачающиеся вместе с Землей вокруг неба, вообразили, что небо вращается вокруг них. Добавьте к этому несносную человеческую гордыню; ведь человек мнит, будто природа создана для него одного, хоть никак нельзя признать правдоподобным, что Солнце — огромное тело, которое в четыреста тридцать четыре раза больше Земли, — зажжено только для того, чтобы созревала его мушмула и кочанилась капуста. Я далек от такой дерзости и полагаю, что планеты — это миры, врачающиеся вокруг Солнца, а неподвижные звезды — тоже солнца, вокруг которых тоже есть планеты, то есть миры, которые мы не видим из-за их малой величины, а также потому, что их заимствованный свет не доходит до нас. Ибо можно ли представить себе, что эти огромные шаровидные тела всего лишь мертвые пустыни, в то время как наш, только из-за того, что мы по нему ползаем, создан ради дюжины надменных плутов и предназначен господствовать над всеми остальными? Неужели только потому, что Солнце отмеривает наши дни и годы, можно утверждать, что оно создано для того, чтобы мы не натыкались лбом на стены? Нет, нет, если это видимое божество светит человеку, так только в силу случайности, вроде того как факел, который несут перед монархом, случайно светит и вору, крадущемуся в это время вдоль стен.

— Однако, — возразил он мне, — если, как вы утверждаете, неподвижные звезды — те же солнца, из этого можно было бы заключить, что Вселенная бесконечна, ибо обитатели тех миров, которые расположены вокруг неподвижной звезды, принимаемой вами за Солнце, видят над собою другие неподвижные звезды, которые нам отсюда не видны, — и так до бесконечности.

— Не смущайтесь этим, — отвечал я, — раз Бог мог создать бессмертную душу, значит, мог он создать и Вселенную бесконечную, если правда, что вечность — не что иное, как длительность без предела, а бесконечность — пространство без границ. Кроме того, если Вселенная не бесконечна, значит, и Бог конечен, ибо он не мог бы пребывать там, где ничего нет, и не мог бы преумножать великолепие Вселенной, если бы не преумножал и собственное бытие, появляясь там, где его раньше не было. Следовательно, надо полагать, что находимся мы на Сатурне или Юпитере, то, подобно тому как мы видим их отсюда, мы обнаружили бы множество других миров, которые сейчас для нас невидимы, и поняли бы, что Вселенная устроена именно так до бесконечности.

— Что ни говорите, никак не пойму, что такое бесконечность, — признался он.

— А скажите, — продолжал я, — понимаете ли вы, что такое потустороннее ничто? Нет, не понимаете. Ибо когда вы думаете о небытии, вы представляете его себе хотя бы наподобие ветра или воздуха, а это уже нечто; бесконечность же — если вы не представляете ее себе в целом, то представляете хотя бы по частям, потому что отнюдь не трудно вообразить, помимо Земли и воздуха, которые мы видим, еще и огонь, и другой воздух, и другую Землю. А бесконечность не что иное, как беспредельная материя, сотканная из всего этого. Если вы меня спросите, каким же образом были созданы эти миры, поскольку Священное Писание говорит лишь об одном, созданном Богом, мире, то я отвечу, что Писание упоминает только о нашем мире потому, что он — единственный, который Бог соблагово-

лил создать собственными руками; все же остальные, и видимые и невидимые миры, плавающие в лазури Вселенной, не что иное, как пена, выделяемая солнцами, когда они себя очищают. А то как же могли бы существовать эти огромные очаги огня, если бы они не были связаны с некоей питающей их материей?

Подобно тому как пламя отбрасывает от себя пепел, который душит его; подобно тому как золото в тигле отделяется от колчедана, который снижает его качество, и подобно тому как наше сердце путем рвоты освобождается от неудобоваримой влаги, угнетающей его, — так и солнца ежедневно очищаются и извергают из себя остатки материи, вторгшейся в их пламя. Но когда солнца совсем поглотят материю, питающую их, они, несомненно, распространятся во все стороны в поисках новой пищи и восплюменят те миры, которые они сами же некогда создали, и в первую очередь те из них, которые расположены ближе; тогда эти великие пламена, перемешав все элементы, рассеют их во все стороны и, понемногу очистившись, станут служить солнцами новым маленьким мирам, которые они же и породят, выделив их из своей сферы. Именно это, по-видимому, дало повод пифагорейцам предсказывать всемирный пожар.

Это не глупые бредни; Новая Франция, где мы находимся, дает тому убедительный пример. Ведь Америка, обширный материк, представляющий собою половину суши, не была обнаружена нашими предшественниками, хотя они тысячи раз пересекали океан; да ее тогда еще и не существовало, как не было многих островов, полуостровов, гор, появившихся на Земле лишь после того, как Солнце, очищаясь от ржавчины, далеко отбросило ее от себя; когда ржавчина сгустилась в куски достаточно тяжелые, центр нашего мира притянул их к себе то ли по частям, то ли сразу целиком. Это не так уж нелепо, и блаженный Августин одобрил бы это предположение, будь Америка открыта в его время; ведь этот великий человек, ум коего был просвещен Святым Духом, уверяет, что в его время Земля была

плоская, как сковородка, и плавала на воде подобно половинке апельсина. Если мне выпадет честь когда-нибудь встретиться с вами во Франции, я с помощью превосходной подзорной трубы докажу вам, что некоторые темные места на Солнце, кажущиеся нам пятнами, не что иное, как миры, находящиеся в стадии образования.

К концу этой речи глаза мои стали смыкаться, и вице-королю пришлось удалиться. На другой и в последующие дни мы продолжали вести беседу на ту же тему. Но вскоре в управлении провинцией наступили трудности, помешавшие нашим философическим рассуждениям, а я тем временем все больше погружался в мысли о том, как бы подняться на Луну.

Едва она появлялась над горизонтом, я уходил в леса и там обдумывал, как взяться за это дело и осуществить его; и вот однажды, в канун Иванова дня, в то время как в крепости обсуждался вопрос о том, окажать ли помочь местным дикарям в их стычках с ирокезами, я один ушел на вершину горы, высившейся позади нашего дома, и вот что я сделал.

Я соорудил машину, которая по моим расчетам могла поднять меня на любую высоту; вообразив, будто она снаряжена всем необходимым для полета, я сел в нее и ринулся со скалы в пространство, но, не приняв, как видно, достаточных мер предосторожности, со страшной силой рухнул в долину.

Я изрядно ушибся, но все же, не падая духом, вернулся в свою комнату, взял бычьего костного мозга и натер им себе тело, ибо оно все, с головы до ног, было в кровоподтеках; подкрепившись бутылкой сердечного снадобья, я отправился за своей машиной. Но я не нашел ее на месте, ибо какие-то солдаты, посланные в лес за хворостом для праздничного костра, случайно набрели на нее и отнесли в форт. Здесь долго обсуждали, что это за штука, потом обнаружили придуманную мною рессору, и тут кое-кто стал говорить, что надо привязать к ней несколько летучих ра-

кет, чтобы они подняли ее высоко в небо, а рессора будет приводить в движение большие крылья, и тогда всякий примет машину за огненного дракона.

Между тем я долго разыскивал ее и наконец обнаружил посреди главной площади Квебека, как раз в тот момент, когда ее собирались поджечь. Мне было до того горько видеть создание рук моих в столь великой опасности и я пришел в такое неистовство, что схватил за руку солдата, уже подносившего к ней огонь. Я вырвал у него фитиль и бросился в машину, намереваясь уничтожить имевшееся на ней снаряжение; но было уже поздно, и едва я ступил в нее обеими ногами, как почувствовал, что поднимаюсь вверх.

Ужас, охвативший меня, все же не совсем подавил мои душевые способности, и я отчетливо помню все, что со мною тогда произошло. Как только пламя уничтожало один ряд ракет, — они были расположены по шесть штук, — благодаря запалу, помещенному в конце каждого ряда, загорался другой ряд; таким образом, по мере того как селитра загоралась, опасность отдалась и вместе с тем возрастила. Наконец селитра вся сгорела, и машина перестала действовать; я уже думал, что сложу голову на вершине какой-нибудь горы, но вдруг почувствовал, что, хоть я и совершенно не шевелюсь, я все же продолжаю подниматься вверх, зато машина покидает меня и падает на Землю.

Это небывалое явление наполнило мое сердце такой несказанной радостью и я был так счастлив, что избавился от неминуемой гибели, — что я возымел дерзостьпуститься на этот счет в философические рассуждения. И взором и мыслью я стал искать причину происходящего и вдруг обратил внимание на то, что кожа у меня вздулась и еще лоснится от бычьего мозга, которым я обмазался после падения; тут я вспомнил, что Луна сейчас на ущербе, а в это время она имеет обыкновение высасывать костный мозг из животных; вот она и сосет мозг, которым я натерся, и сосет тем сильнее, чем более я к ней приближаюсь, облака же расположены так, что заслоняют меня от нее.

Когда я затем подсчитал, что пролетел уже три четверти расстояния, отделяющего Землю от Луны, я вдруг заметил, что лечу ногами вверх, хотя я и не перекувырнулся. Да я и не почувствовал бы этого, если бы не стал ощущать в голове всю тяжесть своего тела. Правда, я сознавал, что не возвращаюсь на нашу планету, ибо, хоть я и находился между двумя лунами и видел, что по мере удаления от одной приближаюсь к другой, я все же был уверен, что большая из них — земной шар, хотя на вторые или третьи сутки, когда вследствие отдаленного отражения лучей начали стираться различия тел и их очертания, земной шар стал мне казаться всего лишь большим золотым диском; в результате я подумал, что спускаюсь на Луну, и совсем уверился в этом, когда вспомнил, что начал падать лишь после того, как пролетел три четверти пути. «Ведь масса Луны меньше массы нашей Земли, — рассуждал я, — значит, и воздействует она на меньшее пространство; поэтому-то я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения».

После долгого падения, о котором я только догадывался (ибо из-за стремительной скорости полета не замечал его), я наконец оказался, как помнится, под каким-то деревом, причем запутался в нескольких довольно толстых сухах, обломленных мною при падении, а лицо мое было забрызгано соком раздавленного яблока.

По счастью, местность эта оказалась, как вскоре узнаете, Земным раем, а дерево, на которое я свалился, — Древом жизни. Судите сами, как я разбился бы, если бы не эта случайность. Впоследствии я часто размышлял над простонародным поверием, что если броситься вниз с большой высоты, то задохнешься еще прежде, чем коснешься земли; из своего приключения я сделал вывод, что это врачи, или же надо предположить, что живительный яблочный сок, попав мне на губы, водворил обратно душу, пребывавшую недалеко от трупа, еще теплого и не отвыкшего от жизнедеятельности.

И действительно, едва я ступил на твердую почву, как боль от ушиба у меня прекратилась, еще не успев запечат-

леться в памяти, а о голоде, изрядно терзвшем меня во время полета, я вспомнил только потому, что перестал ощущать его.

Встав, я едва успел рассмотреть широчайшую из четырех рек, которые, сливаясь, образуют здесь озеро, как невидимая душа растений, разлитая в этой местности, стала услаждать мое обоняние; и я заметил, что камушки здесь не жесткие и не шершавые и что они предупредительно становятся еще мягче, когда ступаешь на них. Прежде всего я обнаружил перекресток, образованный пятью аллеями с такими высокими деревьями, что они как бы возносили к небесам целый парк. Обводя их взором от корней до вершины и от макушки до низу, я начинал сомневаться — земля ли держит их, или сами они держат землю, подвешенную к их корням; их горделиво вздымающиеся кроны, казалось, гнутся под тяжестью небесных тел, которые они с трудом поддерживают; их ветви, обращенные к небу, как бы обнимали его и обращались с мольбой к звездам, еще не утратившим непорочности, чтобы те оказали им благоволение, приняв их на свое ложе.

Здесь цветы, не знающие иного садовника, кроме Природы, распространяют нежные, хоть и дикие ароматы, которые будят и радуют обоняние; здесь алая роза и ослепительно-лазурная фиалка, растущая под терновником, не оставляют вам свободы выбора и убеждают в том, что они одна лучше другой; здесь весна царит все четыре времени года; здесь нет ядовитых растений, ибо яд обратился бы против них самих; здесь ручейки, нежно журча, повествуют камешкам о своих странствиях; здесь тысяча пернатых горлышек наполняет лес мелодичным пением; и сбираща этих трепещущих божественных певцов здесь столь многочисленны, что мнится, будто каждый листок в лесу приобрел облик и голос соловья; и самой нимфе Эхо так нравится их пение, и она так вторит ему, словно хочет запомнить. Рядом с лесом раскинулось два обширных луга; их веселая зелень стелется бесконечным изумрудным ковром. Весна рассыпает здесь множество цветочков, смешивая их

оттенки в чарующем беспорядке, и когда нежный зефир колышет их стебельки, не знаешь — носятся ли они друг за другом или убегают, спасаясь от ласк легкомысленного ветерка.

Этот луг можно было принять за океан, ибо он был безбрежен, и взор мой, напуганный тем, что не может обнаружить берегов, поспешил направить туда мою мысль, а мысль, подозревая, не конец ли тут света, пришла к выводу, что очаровательная местность, пожалуй, побудила небо соединиться здесь с землей. Посреди этого обширного, пленительного ковра бежит серебристый ручеек, а берега его украшены лютиками, фиалками и сотнями других цветов, и каждый из них спешит полюбоваться своим отражением в воде; ручеек еще в колыбели, ибо родился недавно, и на юном и гладком челе его еще нет ни морщинки. Вода бежит и вьется, образуя большие круги, тысячу раз возвращаясь к тому же месту, и тем самым признается, как горестно ей покидать родной край, а когда я хотел прокоснуться к ней, она с журчанием отстранила мою руку, словно ей стыдно было принимать ласки на глазах у своей матери. Животные, приходившие к ручью, чтобы напиться, казались разумнее наших; они были, очевидно, удивлены тем, что на горизонте совсем светло, в то время как солнце они видят на дне ручья, и не решались склониться к воде, боясь, что упадут в небо.

Должен сказать, что при виде всех этих красот я ощущал ту приятную щекочущую боль, какую чувствует, говорят, зародыш, когда в него вливается душа. Старые волосы выпали у меня и сменились новыми, более густыми и мягкими. Снова во мне возгорелась молодость, лицо за rumянилось, и все тело прониклось приятной теплотой, — словом, я помолодел лет на четырнадцать.

Пройдя с полмили меж зарослей жасмина и мирта, я заметил человека, лежащего в тени, — при виде меня он зашевелился; то был юноша, притом столь величественно прекрасный, что мне захотелось преклониться перед ним. Он встал, чтобы воспрепятствовать моему намерению.

— Не мне, а богу должен ты поклоняться, — воскликнул он.

— Перед вами человек, до того ошеломленный множеством чудес, что он не знает, чем больше восхищаться, — ответил я ему. — Я явился из мира, который вы здесь, несомненно, принимаете за Луну, и рассчитывал, что окажусь в ином мире, именуемом Луной у нас. А я неожиданно оказался в раю, у ног божества, которое не хочет, чтобы ему поклонялись, перед лицом незнакомца, который изъясняется на моем языке.

— Все, что вы говорите, — правильно, исключая звание бога, которым вы меня наделяете, ибо я всего лишь божье создание; эта земля — Луна, которую вы видите со своей планеты, а почва, по которой вы ступаете, — рай, но рай земной, куда с начала веков проникли всего лишь шесть человек: Адам, Ева, Енох, я (я — старик Илия), евангелист Иоанн да вы. Вам известно, как первые двое были из него изгнаны, но вы не знаете, как они попали в ваш мир. Вот как это произошло: после того как они вкусили запретного плода, Адам боялся, как бы бог, раздраженный его присутствием, не усилил кару, и решил, что Луна, то есть ваша Земля, — единственное убежище, где он может укрыться от преследований своего Творца.

А в те времена воображение у человека было могучим, ибо еще не было подорвано ни распутством, ни грубой пищей, ни болезнями; пылкое желание достигнуть этого убежища воспламенило воображение Адама, вес его в силу такого воодушевления уменьшился, и он вознесся, подобно тому как некоторые философы, воображение коих чем-либо воспламенено, уносятся ввысь силою восторга, который вы называете экстатическим. У Евы, которая из-за немощей, свойственных ее полу, была слабее и не столь увлекающейся, конечно, не хватило бы пылкости воображения, чтобы усилием воли преодолеть вес материи; но прошло еще очень мало времени с тех пор, как она была извлечена из ребра своего супруга, и благодаря симпатии, которая еще связывала извлеченную часть с ее целым, Еву повлек-

ло к возносящемуся, подобно тому как янтарь притягивает соломинку и как магнит вновь повертыивается в сторону севера, от которого его отторгли. Вот и Адам привлек к себе эту часть самого себя, как море привлекает реки, которые из него же вышли. Прибыв на вашу Землю, они обосновались между Месопотамией и Аравией; евреи знали его под именем Адама, язычники под именем Прометея, которому поэты приписывают похищение огня с неба, основываясь на том, что потомки Прометея наделены столь же совершенной душой, какой самого его наделил бог.

Итак, ради того, чтобы поселиться на вашей планете, первый человек покинул этот мир, оставив его безлюдным; но Всемогущий не хотел, чтобы столь прекрасная местность пребывала необитаемой. Несколько веков спустя он позволил Еноху удалиться от людей, ибо нравы их стали портиться, и праведник не нашел иного убежища, где можно было бы оградить себя от родственников, затеявших грызню из-за раздела вашего мира, как только благословенный край, о котором его предок Адам часто ему рассказывал. Но как добраться туда? Лестницу Иакова тогда еще не изобрели. Тут благодать Господня снизошла на Еноха, и он вспомнил, что на жертвы праведников и тех, кто угоден Всеышнему, нисходит небесный огонь, ибо Господь сказал: «Благоухание жертв и праведника дошло до меня».

Однажды, когда небесное пламя яростно пожирало жертву, принесенную Енохом Предвечному, он наполнил испарениями жертвы два больших сосуда, крепко-накрепко закупорил их и подвесил себе под мышки. Дым, стремившийся подняться прямо к богу, но лишенный возможности просочиться через металл, стал поднимать сосуды вверх, а вместе с ними и праведника. Когда святой человек достиг Луны и взглянул на этот прекрасный сад, он несказанно возрадовался, ибо понял, что это и есть Земной рай, где некогда обретался его дед. Он проворно отвязал сосуды, которые были привязаны к его плечам наподобие крыльев, и сделал это весьма кстати, ибо в этот миг он находился на расстоянии всего лишь четырех локтей от по-

верхности Луны. Высота эта была, однако, достаточной, чтобы он сильно разбился, не будь у него широкого плаща, в который врвался ветер, и не пылай сам он огнем милосердия, поддерживавшим его до той минуты, когда он ступил на твердую почву. Что касается двух сосудов, то они продолжали подниматься вверх, пока бог не укрепил их в небе, где они так и остались, — их теперь называют Весами, — и они до сих пор каждодневно доказывают нам, что полны благоухания от жертвы праведника, ибо их влияние на гороскоп Людовика Справедливого, родившегося под их знаком, весьма благотворно.

Однако в это время Еноха в саду еще не было; он прибыл позже. Тогда свирепствовал потоп, и воды, поглотившие ваш мир, поднялись на такую невообразимую высоту, что ковчег плавал в небесах рядом с Луной. Люди заметили ее из окна, но огромное непрозрачное тело слабо отражало солнечные лучи ввиду того, что ковчег находился совсем близко от него, а также и в силу того, что ковчег сам отражал этот свет, — поэтому люди решили, что перед ними — клочок Земли, не тронутый потопом. Лишь одна из дочерей Ноя, по имени Ахав, стала громогласно утверждать, что это — Луна; вероятно, Ахав заметила, что по мере того, как корабль поднимается все выше и выше, он все более приближается к этому светилу. Сколько ей ни твердили, что, когда бросили лот, оказалось, что глубина воды составляет всего лишь пятнадцать локтей, — она на все отвечала, что, как видно, железка наткнулась на спину кита и спину приняли за землю, сама же она вполне уверена, что ковчег скоро подойдет к Луне. А так как каждый склонен разделять мнение себе подобных, вскоре в это уверовали все женщины. И вот, невзирая на запрет мужчин, женщины спустили на воду шлюпку. Ахав была среди них самая отважная и пожелала первою испытать опасность. Она весело бросилась в шлюпку, и все женщины последовали бы за нею, если бы волна не отбила шлюпку от ковчега. Сколько ей ни кричали, сколько ни обзываали лунатиком, сколько ни убеждали, что из-за нее про всех жен-

щин будут говорить, будто у них в голове пусто, она только смеялась в ответ.

И вот она плывет вне мира. Животные последовали ее примеру; большинство птиц, тяготясь непривычной для них неволей и чувствуя в крыльях достаточно силы, чтобы тронуться в путь, тоже отважилось на это. Да и четвероно-гие, кто посмелее, пустились вплавь. С ковчега ушло около тысячи голов, пока сыновьям Ноя не удалось наконец запереть хлев, ворота которого распахнула толпа убегающих животных. Большинство бежавших достигло Нового Света. Что касается шлюпки, то она пристала к прелестному пригорку, где отважная Ахав и высадилась; она с радостью убедилась, что земля эта — действительно Луна, и отнюдь не желала плыть обратно к братьям.

Некоторое время она жила в пещере; однажды, гуляя и раздумывая о том, жалеет ли она, что лишилась общества своих близких, или, напротив, довольна одиночеством, она увидела человека, собиравшего желуди. Она так обрадовалась нежданной встрече, что принялась обнимать незнакомца; старик отвечал ей тем же, ибо он еще дольше, чем Ахав, не видел человеческого лица. Это и был Еnoch Праведный. Они зажили вместе и так до конца жизни и коротали бы дни свои в кротости, какою Господь благословляет браки праведников, если бы Еnochу из-за безбожного нрава детей и гордыни жены не пришлось удалиться в лес.

Здесь, живя в глухи и страшном одиночестве, добрый старец благоговейно приносил Создателю свое сердце как искупительную жертву; но однажды с Древа познания, которое, как вам известно, растет в этом саду, сорвалось яблоко; оно упало в реку, протекающую вблизи, и поплыло по прихоти волн за пределы Рая, к тому берегу, где бедняга Еnoch для поддержания жизни ловил рыбу. Прекрасный плод попался в сеть, и Еnoch съел его. Тотчас же он познал, где находится Земной рай; постигнув тайну, о которой вы и представления не имели бы, если бы сами не вкусили этого плода, он направился в вожделенный край и поселился там.

Теперь надо вам рассказать, как я сам сюда попал. Вы, вероятно, не забыли, что зовут меня Илия, — ведь я вам некогда назвал себя. Знайте же, что я побывал и в вашем мире и жил там на берегах Иордана вместе с Елисеем, таким же евреем, как и я; жил я там среди книг, жизнь моя текла безмятежно, и я не могу не сожалеть о том, что она миновала. Однако по мере того как накапливались мои знания, крепло и убеждение, что многого мне недостает. Всякий раз, когда священники говорили мне о славном Адаме, я вздыхал, памятуя его непогрешимую философию. Я уже отчаялся постигнуть ее, как вдруг однажды, принеся жертву во искупление прегрешений моего бренного существа, я заснул, и во сне мне явился ангел господень. Проснувшись, я не преминул приняться за дело, которое он мне предписал; я взял магнит размером около двух квадратных локтей, положил его в печь и, тщательно очистив от примесей и шлака, расплавил и извлек из него прокаленное притягательное вещество, которому придал форму ядра средней величины.

Затем я велел соорудить из самого легкого железа телегу, и несколько месяцев спустя, когда все механизмы были готовы, водрузился в свой хитроумный возок. Вы спросите, к чему все это? Так знайте же: во сне ангел сказал мне, что если я хочу достигнуть совершенного знания, к которому стремлюсь, то мне надлежит взобраться на Луну, где я увижу в Адамовом раю Древо познания; как только я коснусь плода этого дерева, душа моя проникнет-ся всеми истинами, какие только доступны живому существу. Вот для этого-то путешествия и смастерили я свой возок. Я сел в него, а когда почувствовал себя в нем крепко и устойчиво, я высоко подбросил магнитное ядро. Железная машина, которую я нарочно устроил помассивнее в середине, чем по краям, тотчас же поднялась и держалась в безупречном равновесии, потому что именно середину ее тянуло сильнее всего. Итак, по мере того как я приближался к месту, куда меня притягивал магнит, я вновь бросал ядро как можно выше над собою.

— Но как вам удавалось бросать ядро настолько прямо над возком, что возок никогда не отклонялся в сторону? — прервал я его.

— Тут нет ничего чудесного, — ответил старец, — ведь магнит, подброшенный вверх, притягивал возок прямо к себе; следовательно, я никак не мог подниматься в сторону. Более того, когда я держал магнит в руках, я все равно поднимался вверх, потому что возок все время стремился к магниту, который я держал над ним; но стремление железа слиться с ядром было столь велико, что тело мое складывалось в три погибели, а потому я только раз отважился на этот опыт. Право, зрелище это было удивительное, ибо сталь моей летучей хижины, весьма тщательно отполированная мною, со всех сторон отражала столь яркий, сверкающий солнечный свет, что мне казалось, будто я сам весь в огне. Наконец, множество раз подбросив ядро и взлетев выше, я, подобно вам, достиг того предела, откуда свалился в этот мир; теперь я крепко держал ядро в руках, и сиденье, на котором я помещался, подпирало меня снизу, стремясь приблизиться к магниту, благодаря чему возок не мог отделиться от меня. Единственno, чего следовало опасаться, это того, что я сверну себе шею, и во избежание такой беды я время от времени выбрасывал ядро и благодаря его притягательной силе несколько замедлял скорость падения, рассчитывая ослабить удар; так оно и случилось. Ибо когда я увидел, что до земли остается две-сти — триста туазов, я стал перебрасывать ядро на уровне возка из стороны в сторону, пока не увидел Земной рай. Тут я сразу подбросил ядро вверх, возок последовал за ним, а я вылез из снаряда и тихонько опустился на песок, чтобы удар был не сильнее, чем если бы я падал с высоты собственного роста.

Не стану описывать, как я был изумлен при виде всех здешних красот, ибо сами вы изумлены ими не меньше меня. Скажу только, что на другой же день мне встретилось Древо жизни и благодаря ему я не старею. Древо вскоре погибло, а змий превратился в дым.

Тут я спросил:

— Достопочтенный и святой патриарх, мне очень хотелось бы узнать, что разумеете вы под змием, который превратился в дым?

Он улыбнулся и ответил мне так:

— Я забыл, сын мой, открыть вам одну тайну, которую вам ранее никто не мог открыть. Так вот: после того как Ева и ее муж вкусили запретного плода, бог, желая покарать змия-искусителя, заключил его в тело человека. И с тех пор всякое существо, появляющееся на свет, в наказание за прародительский грех таит и питает во чреве своем змия, потомка упомянутого мною. Вы его называете кишками и воображаете, будто они нужны для жизненных отправлений, так знайте же, что они не что иное, как свернувшийся клубком змий. Когда вы слышите некие вопли во внутренностях, так это свистит змий; он просит есть, повинуясь своей прожорливой природе, в силу которой он и первого человека подстрекал есть побольше; ибо Творец, желая наказать вас, создал вас смертными наравне со всеми прочими животными и отдал вас во власть этому ненасытному, чтобы вы, накормив его сверх меры, таким образом сами себя задушили бы. Если же вы откажете змью в пище, то его невидимые зубы станут терзать ваш желудок, змий же будет вопить, неистовствовать, выделять яд, который ваши ученые именуют желчью, и он так напоит этим ядом ваши артерии и так разгорячит вас, что вы вскоре погибнете. Наконец, чтобы убедиться, что кишки — не что иное, как змий, укрывшийся в вашем теле, вспомните, что их находили в гробницах Эскулапа, Сципиона, Александра, Карла Мартела и Эдуарда Английского и что они еще питались трупами своих хозяев.

— И в самом деле, — сказал я, прерывая Илию, — я замечал, что змий делает беспрестанные попытки выйти из мужского тела; голова его и шея то и дело показываются у нас под животом. Но бог не допустил, чтобы мученьям подвергались одни только мужчины; он пожелал, чтобы змий набрасывался и на женщин и вводил в них свой яд,

причем чтобы вздутие после укуса держалось девять месяцев. А чтобы доказать вам, что я говорю, следуя слову божьему, напомню, что бог сказал змию, проклиная его, что, хотя он и осилит женщину, когда восстанет на нее, все же под конец женщина заставит его склонить голову.

Я хотел было продолжать в том же духе, но Илия остановил меня.

— Не забывайте, — сказал он, — что место это священно.

Он немного помолчал, как бы стараясь отвлечься от сказанного, потом продолжал в следующих выражениях:

— Я вкушаю плода жизни лишь раз в столетие; вкусом оно напоминает винный спирт; видимо, именно благодаря этому плоду, которого поел Адам, наши праотцы прожили так долго, ибо в их семя проникла частица его силы, пока она не растворилась в водах потопа. Древо познания посажено напротив. Плоды его покрыты кожицей, которая погружает в невежество всякого, кто вкусит ее, зато под кожицей таятся все достоинства этого мудрого плода. Некогда бог, изгнав Адама из здешних благодатных мест и боясь как бы он не отыскал сюда дорогу, натер ему десны этой кожицей. После этого Адам целых пятнадцать лет заговоривался и до такой степени все забыл, что ни сам, ни потомки его вплоть до Моисея ничего не могли сказать о сотворении Вселенной. Но последние проявления свойства этой кожицы наконец рассеялись под действием пыла и ясности ума великого пророка. По счастью, я выбрал плод совсем зрелый и уже лишенный кожицы, и едва я смочил его своей слюной, как погрузился в мировую философию. Мне показалось, будто у меня в голове возникло бесчисленное множество крошечных глазков, и я обрел способность говорить с самим Создателем. Когда я впоследствии задумался над этим чудесным явлением, мне стало ясно, что с помощью одних только оккультных средств простого естественного тела мне никак не удалось бы преодолеть бдительность серафима, которого бог поставил охранять этот рай. Но поскольку богу угодно прибегать ко вторичным причинам, я решил, что он сам вну-

шил мне этот способ проникнуть в рай, — точно так же, как он пожелал воспользоваться ребром Адама, чтобы создать для него жену, хотя мог сотворить ее из земли так же, как создал самого Адама.

Я долго гулял в этом саду в одиночестве. Поскольку главным моим хозяином был местный ангел-привратник, мне захотелось приветствовать его. Я шел целый час и прибыл в местность, где тысячи молний сливались в одну, образуя ослепительный свет, благодаря коему тьма вокруг становилась особенно ощутимой.

Я еще не вполне пришел в себя от этого зрелища, как увидел перед собою прекрасного юношу.

— Я архангел, которого ты разыскиваешь, — сказал он мне, — бог открыл мне свою волю: это он научил тебя, как прийти сюда, и он желает, чтобы ты здесь ожидал его дальнейших предначертаний.

Ангел побеседовал со мною о многих предметах и между прочим сказал, что свет, который, по-видимому, напугал меня, вовсе не страшен и зажигается почти каждый вечер, когда он, архангел, обходит дозором Земной рай: он вынужден предотвращать всевозможные козни колдунов-невидимок, которые проникают всюду, и для этого ему приходится размахивать тяжелым пылающим мечом; свет — это молнии, рожденные его стальным клинком.

— Молнии, которые вы видите из своего мира, произвожу я, — добавил он. — Иногда вы видите их в отдалении; это происходит оттого, что облака, реющие над дальними странами, вбирают в себя свет и отражают в вашу сторону лишь легкие вспышки огня, и эти же испарения, по-иному располагаясь в пространстве, образуют радугу. Других объяснений я вам давать не стану, ибо Древо познания недалеко отсюда; стоит вам только вкусить его плода, и вы станете таким же мудрым, как я. Но остегайтесь одной ошибки: большинство плодов, висящих на дереве, облечено кожурой, коснувшись которой вы опуститесь до состояния ниже человеческого, в то время как мякоть плода вознесет вас до уровня ангела.

На этом месте рассказа Илии о поучениях серафима к нам подошел какой-то человечек.

— Это Енох, о котором я говорил вам, — шепнул мне мои вожатый.

Едва Илия произнес эти слова, как Енох предложил нам целую корзину плодов, похожих на гранаты, которые он только что собрал в отдаленной роще. По указанию Илии я положил себе в карман несколько плодов, а Енох спросил у него, кто я такой.

— Приключение его заслуживает обстоятельного рассказа, — возразил мой вожатый, — вечером, когда мы сберемся дома, он сам расскажет нам чудесные подробности своего путешествия.

С этими словами мы подошли к своего рода шалашу, искусно сплетенному из пальмовых побегов и ветвей мirta и померанцевого дерева. Здесь я заметил в углу ворох какого-то волокна, такого белого и мягкого, точно то была душа снега. Я увидел также разбросанные там и сям клубки пряжи. Я спросил у моего вожатого, зачем они.

— Чтобы прядь, — ответил он. — Когда добрый Енох хочет отвлечься от размышлений, он то расчесывает кудель, то сучит нить, то ткет холст для сорочек одиннадцати тысяч девственниц. Вам, конечно, доводилось видеть в вашем мире осенью в пору посева витающие в воздухе белые нити; крестьяне зовут их «нитями Богородицы» — а это не что иное, как очески, которые летят, когда Енох расчесывает лен.

Хижина оказалась кельей Еноха, но мы тут не задержались и ушли, не простившись с ним; расстались мы так спешно потому, что он совершает молитву каждые шесть часов, а с последней молитвы прошло именно столько времени.

По дороге я настойчиво просил Илию закончить рассказ о возношениях и напомнил, что он остановился на том, как поднялся на небо евангелист Иоанн.

— Раз уж вам так не терпится и вы не можете подождать, пока плод Древа познания откроет все это вам лучше меня, — извольте, — ответил он. — Итак, бог...

На этом слове в дело каким-то образом вмешался дьявол, ибо я не удержался и насмешливо прервал Илию.

— Помню, — сказал я, — в один прекрасный день богу доложили, что душа так слабо держится в теле евангелиста, что ему приходится крепко стискивать зубы, чтобы удержать ее; между тем время, когда, по предназначению Создателя, евангелисту надлежало быть вознесенным на небо, уже истекало; поэтому, не успев соорудить для него какое-либо приспособление, бог решил помочь ему оказаться на небе, не тратя времени на путешествие.

Пока я говорил, Илия смотрел на меня так, что взгляд его в силах был убить меня, если б только я мог умереть от чего-либо другого, кроме голода.

— Гадина, — воскликнул он, шарахаясь от меня. — У тебя хватает бесстыдства кощунствовать, и Премудрый покарал бы тебя поделом, но он желает, чтобы ты послужил для народов примером его милосердия. Ступай же, нечестивец, вон отсюда; ступай и свидетельствуй в этом мире и в другом — а тебе суждено туда возвратиться, — какую непримириимую ненависть питает господь к безбожникам.

При последних словах этого проклятия он схватил меня за шиворот и грубо потащил к воротам. Когда мы подошли к высокому дереву, ветки которого под тяжестью плодов гнулись почти до земли, он сказал мне:

— Вот Древо познания, откуда, не будь ты безбожником, ты мог бы почерпнуть непостижимые истины.

Не успел он договорить, как я, притворившись расслабленным, припал к одной из веток и ловко сорвал с нее яблоко. Мне оставалось пройти еще несколько шагов, и я оказался вне этого восхитительного сада; между тем голод так свирепо мучил меня, что я совсем забыл о том, что находусь во власти разгневанного пророка. Поэтому я достал одно из яблок, коими был набит у меня карман, и впился в него зубами, но вместо того, чтобы взять одно из тех, ко-

торыми угостил меня Енох, я случайно вытащил яблоко, которое было мною сорвано с Древа познания, причем, на беду свою, я не очистил его от кожуры.

Едва я отведал его, как душу мою окутал густой мрак: я уже не видел никого вокруг себя, и взор мой не различал во всем полуширии ни малейшего следа дороги; вместе с тем я отлично помнил все, что со мною случилось. Попразмислив над этим чудом, я понял, что кожура плода не окончательно лишила меня разума по той причине, что, прокусив ее, зубы мои слегка коснулись мякоти плода, и таким образом благодатный сок несколько уменьшил зловредное действие кожуры.

Я с удивлением заметил, что стою совсем один посреди совершенно незнакомой мне местности. Куда ни обращал я взора, сколько ни озирался вокруг, я, к огорчению своему, нигде не обнаруживал ни души. В конце концов я решил отправиться в путь и идти до тех пор, пока судьба не пошлет мне навстречу какого-нибудь зверя или саму смерть.

Судьба вняла моей мольбе, ибо немного погодя мне встретились два очень крупных зверя; один из них остановился передо мною, а другой проворно убежал в свою нору (так я, по крайней мере, подумал), но вскоре он вернулся с семью-восемьюстами себе подобных, и они окружили меня. Когда я разглядел их поближе, оказалось, что туловище и лицо у них, как у нас. Это диво напомнило мне то, что некогда рассказывала мне кормилица о сиренах, фавнах и сатирах. Время от времени они поднимали такой дикий вой (вероятно, от удивления), что мне стало казаться, будто сам я превратился в какое-то чудище. Наконец один из этих полулюдей-полузверей схватил меня за шиворот, подобно тому как волк хватает ягненка, вскинул себе на спину и понес в их город, где я еще более изумился, убедившись в том, что это действительно люди, хотя они все до одного ходили на четвереньках.

Видя, что я такой маленький (а сами они большей частью локтей двенадцати в длину) и что тело мое держится

всего лишь на двух ногах, они не верили, что я человек, ибо считали, что поскольку природа наделила человека наравне с животными двумя ногами и двумя руками, то человек должен пользоваться ими так же, как и они. И в самом деле, поразмыслив над этим впоследствии, я пришел к заключению, что в таком положении тела нет ничего удивительного; особенно я убедился в этом, вспомнив, что, пока у детей нет других наставников, кроме природы, они ходят на четвереньках и становятся на две ноги только по наущению кормилиц, которые приучают их к этому, приставляя их к колясочкам и привязывая им ремешки, чтобы они не становились на четвереньки, к чему влечет ребенка естественное положение тела.

Потом они стали говорить (позже мне перевели их рассуждения), что я, несомненно, самка того зверька, который живет у королевы. Как бы то ни было, меня повели в ратушу; там я понял по приглушенным разговорам и жестам как простых горожан, так и чиновников, что они спорят о том, что я за существо. После долгих споров некий гражданин, на которого возложена была охрана редких животных, стал упрашивать чиновников доверить меня его попечениям до той поры, когда за мной пришлет королева, чтобы соединить меня с моим самцом.

Фигляр легко получил согласие и отнес меня к себе домой, где стал учить меня паясничать, кувыркаться, гримасничать; днем он за определенную плату впускал к себе желающих меня посмотреть. Но небо сжалось над моими страданиями и вознегодовало, видя, как в моем лице надругаются над образом Создателя; и вот по воле его однажды, когда фигляр, привязав мне веревку, заставлял меня прыгать на потеху зевакам, один из присутствующих стал пристально всматриваться в меня, а потом спросил по-гречески, кто я такой. Я очень удивился, услыша, что здесь говорят так же, как и в нашем мире. Сначала он расспрашивал меня, я отвечал, а потом я кратко рассказал ему о своей затее и об успешном путешествии. Он стал утешать меня и, помнится, сказал:

— Что поделаешь, сын мой. Вы расплачиваетесь за слабости, свойственные вашим соплеменникам. Здесь, как и у вас, есть пошлая толпа, которой несносна мысль, что существует нечто на нее не похожее. Но вам лишь платят тою же монетой: ведь если бы кто-нибудь с этой земли перелетел на вашу, то тамошние ученые приказали бы задушить его как чудовище или обезьяну, одержимую нечистым.

Потом он обещал мне, что о моих невзгодах доведет до сведения двора. Он добавил, что, как только услышал обо мне, поспешил меня повидать и сразу же признал во мне человека из того самого мира, о котором я говорю; он понял, что я — житель Луны и родом из Галлии, ибо сам он некогда тоже странствовал; он жил в Греции, где его прозвали демоном Сократа; после смерти философа в Фивах он воспитывал и обучал Эпаминонда; затем, перебравшись к римлянам, из чувства справедливости примкнул к партии юного Катона, а после его кончины стал приверженцем Брута. Когда же все эти великие люди остались вмести с себя одни лишь призраки своих добродетелей, он и его единомышленники замкнулись в храмах или в глухом единении.

— В конце концов, — добавил он, — народ, населяющий вашу землю, стал до того глупым и грубым, что у моих товарищей и меня самого пропала всякая охота просвещать его. Вы, несомненно, слышали о нас, ведь это нас называли оракулами, нимфами, духами, феями, пенатами, лемурами, ларвами, вампирами, гномами, наядами, инкубами, привидениями, манами, тенями и призраками; мы ушли с вашей земли при императоре Августе, вскоре после того, как я явился Друзу, сыну Ливии, который воевал в Германии, и запретил ему идти дальше. Недавно я вторично возвратился из вашего мира; сто лет тому назад мне поручили съездить туда, я много бродил по Европе и беседовал с людьми, которых, быть может, и вы знавали. Между прочим, однажды я явился итальянцу Кардано в то время, как он погружен был в ученые занятия; я научил его множеству разных чудесных вещей, и в благодарность он мне обещал

открыть потомству, от кого он все это узнал. Я встречался там с Агриппой, аббатом Тритемом, доктором Faустом, La Броссом, Цезарем и некоей шайкой молодых людей, известных черни под именем «рыцарей ордена Розенкрайцев», которым я преподал множество хитростей и открыл кое-какие тайны природы, благодаря чему они прослыли в народе за великих кудесников. Я был знаком с Кампанеллой; не кто иной, как я, посоветовал ему, когда он находился в распоряжении римской инквизиции, принимать выражение лица и позы людей, в мысли коих он желает проникнуть, чтобы тем самым вызывать у себя мысли, которые побудили его противников принимать те или иные позы; таким образом он узнает их образ мыслей и ему легко будет с ними общаться; по моей просьбе он начал сочинять книгу, которую мы с ним назвали «*De sensu rerum*». Во Франции я часто бывал у Ламот Ле Вейе и у Гассенди. Второй из них в своих книгах такой же философ, как первый — в жизни. Я знал там и множество других людей, которых в вашем мире считают гениями, но мне они показались всего лишь пустомелями и гордецами.

Наконец, когда я переезжал из вашей страны в Англию, желая изучить нравы ее обитателей, я повстречал человека, который навлек позор на свое отчество; ведь это же позор, что ваши вельможи, признавая его заслуги, не бοгтвортят его. Чтобы долго не распространяться, скажу, что он — воплощение ума, воплощенье доброты и у него все достоинства, из коих достаточно и одного, чтобы создать героя: то был Тристан Лермит. Я не стал бы называть его, ибо уверен, что он не простит мне этой оплошности; но я не рассчитываю когда-либо вернуться в ваш мир, поэтому мне хочется по совести засвидетельствовать эту истину. Право, должен признаться, что, когда я убедился в его высоких добродетелях, у меня родилось сомнение, будут ли они признаны; поэтому я постарался уговорить его принять от меня три склянки: первая была наполнена тальковым маслом, вторая — порохом, третья — жидким золотом, то есть той растительной солью, которая, по словам ваших

химиков, дает вечную жизнь. Но он отверг их со столь же благородным презрением, с каким Диоген отверг предложения Александра, когда последний подошел к его бочке. Словом, я ничего другого не могу добавить к хвале этому человеку, как только сказать, что он у вас — единственный поэт, единственный философ и единственный свободный человек. Вот достойные внимания люди, с которыми мне довелось беседовать; все же остальные, — по крайней мере, из знакомых мне, — стоят на уровне ниже человеческого до такой степени, что мне попадались животные, вызывавшиеся над ними.

Впрочем, я уроженец не вашей земли, да и не этой; я родился на Солнце. Но наш мир иногда оказывается перенаселенным, ибо обитатели его живут очень долго, а также потому, что у нас почти не бывает войн и болезней; вследствие этого наши правители время от времени отправляют колонии в окружающие миры. Меня, например, решили отправить в ваш мир и объявили начальником отряда, который посыпался вместе со мною. После вашего мира я перебрался в этот по причинам, о которых я вам уже говорил; а живу я здесь потому, что тут люди любят правду, тут нет педантов, тут философа можно убедить только доводами разума, авторитет же ученого, так же как и авторитет большинства, ценится не выше, чем мнение простого молотобойца, если он рассуждает здраво. Короче говоря, в этом мире считают безрассудными лишь софистов и краснобаев.

Я спросил, сколько же времени они живут.

— Три-четыре тысячи лет.

И он продолжал так:

— Чтобы стать видимым, вот как теперь, я подбираю для себя какой-нибудь труп и вселяюсь в него.

Когда я чувствую, что труп становится изношенным или органы его перестают удовлетворительно выполнять свою работу, я перехожу в другое, только что умершее тело.

Хотя обитателей Солнца не так много, как обитателей этого мира, все же Солнце часто оказывается переполнен-

ным, ибо народ там темперамента пылкого, нрава беспокойного и честолюбивого и очень многое ест.

Не удивляйтесь моим словам, ибо хотя наш, солнечный, шар весьма обширен, а ваш — мал, и хотя мы умираем, прожив более четырех тысяч лет, а вы — прожив только полстолетия, все же песка во Вселенной больше, чем камней, камней больше, чем растений, растений больше, чем животных, а животных больше, чем людей; значит, и людей, вероятно, больше, чем демонов, ибо порождение столь сложного конгломерата встречает немало трудностей.

Я спросил, представляют ли они собою тоже тела, как мы; он ответил утвердительно; они тоже тела, но не такие, как мы, и вообще не такие, какие мы можем себе представить; ибо мы в просторечии называем «телом» лишь то, до чего можно дотронуться; впрочем, в природе вообще нет ничего, что не было бы материальным, и, хотя сами они тоже материальны, все же, когда они хотят стать для нас видимыми, им приходится принимать такие формы и размеры, которые доступны нашим органам чувств; поэтому-то многие и думают, что истории, которые о них рассказывают, всего лишь бредни малодушных, тем более что они являются людям только по ночам. Он добавил, что поскольку им приходится сооружать для себя тело наспех, у них подчас хватает времени лишь на то, чтобы дать телу только один какой-нибудь орган чувств — то это слух, воспринимающий голоса оракулов, то зрение, различающее блуждающие огоньки и призраки, то осознание, ощущающее инкубов и видения, которые являются; он пояснил также, что тела эти не что иное, как тем или иным образом сгущенный воздух, поэтому свет, несущий с собою тепло, разрушает их, подобно тому как он рассеивает туман, расширяя его.

Столь любопытные разъяснения разожгли во мне желание расспросить о его рождении и смерти, узнать, обычными ли для нас путями появляется на свет солнечный житель и умирает ли он подобно нам от расстройства здоровья и разрыва какого-либо органа.

— Вашим умом не постичь этих тайн, — отвечал он. — Вы, люди, воображаете, будто то, чего вы не понимаете, имеет духовную природу или же что оно вовсе не существует; но такой вывод весьма ошибочен и только доказывает, что во Вселенной существует, быть может, миллион явлений, для постижения коих вам потребовался бы миллион совершенно других органов. Мои чувства, например, позволяют мне понять причину влечения магнита к полюсу, постичь тайну морских приливов и узнать, что становится с животным после его смерти; вы же можете подняться до таких высоких понятий лишь путем веры, ибо вам недостает соответствующего кругозора, — так слепец не может представить себе, что такое прелест ландшафта, колорит картины, оттенки радуги, или же он представит себе их как нечто осязаемое, вроде еды, или как звук, как запах. Так и вы, если бы я стал объяснять вам то, что воспринимаю органами чувств, которых у вас нет, то вы представили бы себе это как нечто, что можно услышать, увидеть, осязать, трогать, пробовать на вкус, а между тем это нечто совсем иное.

В то время как он говорил все это, фокусник заметил, что зрителям начинает надоедать мой лепет; он был для них совершенно непонятен и воспринимался как некое бессмысленное мычание. Фокусник принял изо всех сил дергать веревку, чтобы я прыгал, и это продолжалось до тех пор, пока зрители не стали расходиться по домам, вволю нахохотавшись и убедившись, что я почти так же сообразителен, как местные животные.

Посещения этого дружественного демона скрашивали дурное обращение со мной моего хозяина, ибо разговаривать с теми, кто заходил посмотреть на меня, я не мог, — ведь ни я не понимал их языка, ни они моего, не говоря уже о том, что они считали меня законченной скотиной; судите же сами, какая между нами лежала пропасть. Надо сказать также, что в этой стране в ходу только два языка: одним пользуются вельможи, другим — простонародье.

Язык вельмож не что иное, как разновидности нечленораздельных звуков, более или менее напоминающих нашу музыку, когда мелодия не сопровождается словами, и это, конечно, изобретение столь же полезное, сколь и приятное, ибо когда вельможи устанут говорить или сочтут ниже собственного достоинства пользоваться для этой цели своим горлом, то они берут лютню или другой какой-нибудь инструмент и при его посредстве выражают свои мысли не хуже, чем голосом; таким образом, они иной раз собираются человек по пятнадцати — двадцати и при помощи мелодичнейшего концерта обсуждают какой-нибудь богословский тезис или запутанный судебный вопрос.

Другой язык, находящийся в распоряжении народа, выражается в дрожании членов, но дрожание это не такое, какое можно себе представить, ибо некоторые части тела передают всю речь целиком. Например, каждое движение пальца, руки, уха, губы, локтя, глаза, щеки представляют собою целую речь или период речи со всеми ее составными частями. Другие движения обозначают всего лишь отдельные слова, как, например, морщинка на лбу, различные подергивания мускулов, поворот ладони, притоптывание, выворачивание руки; они усвоили привычку ходить совершенно голыми, и, таким образом, когда они говорят, все члены, привыкшие выражать их мысли, до того оживленно шевелятся, что кажется, будто это не человек говорит, а просто трепещет тело.

Демон посещал меня почти ежедневно, и его чудесные беседы разгоняли тоску, в которую ввергала меня тяжелая неволя. Однажды утром в конуру мою вошел незнакомый мне мужчина; он долго лизал меня, потом осторожно подхватил зубами под мышки, а лапой, которой он поддерживал меня, чтобы я не упал, перевалил меня себе на спину, где мне было так мягко и удобно, что, несмотря на горечь сознания, что со мной обращаются как со скотиной, у меня не возникало ни малейшего желания удрачить; к тому же люди, которые ходят на четырех конечностях, передвига-

ются настолько быстрее нашего, что даже самые неповоротливые из них могут догнать бегущую лань.

Но я безмерно огорчался, не имея никаких вестей от моего учитивого демона; вечером, когда мы остановились на ночлег, я прогуливался во дворе харчевни в ожидании еды, и тут появился совсем еще молодой и довольно красивый человек и стал хохотать мне прямо в лицо, забросив мне на плечи две передние ноги. Я некоторое время взирал на него, а он наконец воскликнул по-французски:

— Что же это? Вы уже не узнаете своего друга?

Судите сами, что со мноюсталось, когда я услышал эти слова! Изумление мое было столь велико, что я вообразил, будто весь лунный шар, все, что со мною здесь произошло, все, что я видел, — не что иное, как наваждение. А человекживотное (тот самый, на котором я ехал) продолжал так:

— Вы говорили, что никогда не забудете услуг, которые я вам окажу, а сейчас можно подумать, что вы меня никогда и не видели.

Заметив, что я все так же удивлен, он сказал:

— Словом, я демон Сократа.

Эти слова повергли меня в еще большее изумление; чтобы рассеять его, он пояснил:

— Я тот демон Сократа, что развлекал вас в тюрьме; чтобы и дальше служить вам, я облекся в тело, на котором нес вас вчера.

— Но как же это возможно? — прервал я его. — Ведь вчера у вас было тело очень длинное, а сегодня оно совсем короткое; вчера у вас был голос усталый и хриплый, а сегодня он звонкий и громкий; наконец, вчера вы были седовласым стариком, а сегодня вы молодой человек! В нашем мире человек движется от рождения к смерти, а здесь, значит, идут от смерти к рождению и, старея, молодеют?

— Поговорив с князем, — отвечал он, — и получив распоряжение доставить вас ко двору, я отправился за вами туда, где вы находились, а когда я вас привез, то почувствовал, что тело, в которое я облекся, до такой степени устало, что органы его не могут выполнять свою обычную ра-

боту. Поэтому я направился в больницу и там застал труп молодого человека, который только что скончался вследствие происшествия весьма странного и тем не менее непрекрасного в этой местности. Я подошел к телу, делая вид, будто мне кажется, что оно еще движется, и стал уверять присутствующих, что он вовсе не умер и что они принимают за смерть обыкновенную летаргию. Затем я незаметно приблизился губами к его губам и вошел в него как бы вместе со вздохом. Тут моя старая оболочка сошла с меня, а я, став тем юношей, отправился за вами, оставив присутствующих в полном изумлении.

Тут нас пригласили к столу, и я пошел вслед за моим вожатым в роскошно обставленную залу, где, однако, не заметил никаких приготовлений к трапезе. Полное отсутствие какой-либо снеди, в то время как я умирал от голода, побудило меня спросить — где же накрытый стол? Ответа я слушать не стал, ибо в эту минуту три-четыре мальчика, дети хозяина, подошли ко мне и стали весьма учтиво снимать с меня всю одежду вплоть до рубашки. Эта неожиданная церемония до такой степени удивила меня, что я не только не решался спросить разъяснения у моих прекрасных камердинеров, но даже на вопрос вожатого о том, с чего мне желательно начать, я лишь с великим трудом ответил: с супа. Но едва я вымолвил это слово, как почувствовал запах самой благоуханной похлебки, какой когда-либо вдыхал нос жестокосердого богача. Я хотел вскочить с места, чтобы броситься по следу этого упоительного аромата, но скакун мой удержал меня.

— Куда вы? — сказал он. — Сейчас мы пойдем гулять, сначала же надо поесть; доедайте суп, а потом закажем что-нибудь другое.

— Черт возьми, да где же суп-то? — возразил я, начиняя злиться. — Вы сегодня, кажется, вздумали поиздеваться надо мною?

— Я полагал, что в городе, откуда мы приехали, вы видели, как ест ваш хозяин или кто-нибудь другой, — ответил он, — поэтому я не объяснил вам, как тут пытаются. Но раз

вы этого еще не знаете, скажу вам, что здесь люди живы парам. Кулинарное искусство состоит здесь в том, чтобы в большие, нарочно для этой цели сделанные сосуды собирать запахи, которые издает всякая снедь, когда ее жарят; едва запахов наберется достаточное количество, притом разных, на всякий вкус, вскрывают какой-нибудь сосуд соответственно аппетиту обедающих, потом откупоривают другой и так далее, пока все общество не насытится. Если вы этого еще на себе не испытали, то вам трудно поверить, что нос, без участия зубов и глотки, кормит человека, исполняя обязанности рта, но я хочу познакомить вас с этим на опыте.

Не успел он договорить, как я почувствовал, что в залу один за другим поступают приятные пары, притом такие питательные, что не прошло и десяти минут, как я оказался совершенно сыт.

Когда мы встали из-за стола, демон сказал:

— Все это не должно особенно удивлять, потому что вы, вероятно, не раз замечали в вашем мире, что повара, кондитеры и кулинары, хоть и едят куда меньше людей других профессий, все же гораздо дороднее остальных. Откуда, по-вашему, эта полнота, как не от паров, которые их беспрестанно окружают, просачиваются в их тела и питаю их? Люди этого мира отличаются более крепким и устойчивым здоровьем, ибо пища их почти не вызывает испражнений, кои являются причиной чуть ли не всех болезней. Возможно, вы удивились, что перед трапезой вас раздели, — ведь в вашем мире такого обычая нет; а здесь это принято, и делают это для того, чтобы животное могло как можно лучше впитывать пары.

— Сударь, — отвечал я, — то, что вы говорите, весьма правдоподобно, и я сейчас кое в чем убедился на собственном опыте, но все же, признаюсь вам, что не могу так быстро отучиться от своих грубых привычек и был бы весьма рад, если бы на зубах у меня оказался какой-нибудь осаждаемый кусочек.

Он обещал исполнить мое желание, но только на другой день, ибо, пояснил он, есть сразу же после обеда вред-

но, это наверняка вызовет расстройство желудка. Мы потолковали еще некоторое время, а потом поднялись в свою комнату, чтобы лечь спать.

Наверху лестницы перед нами предстал какой-то человек; внимательно разглядев нас, он меня повел в комнату, пол которой был устлан слоем цветов померанца толщиной не менее трех футов, а демона проводил в другую комнату, усыпанную гвоздикой и жасмином; заметив, что меня удивляет это великолепие, незнакомец пояснил, что таковы здесь постели. Наконец мы улеглись, каждый в своей келье, и едва я растянулся на цветочном ковре, как при мерцании штук тридцати светлячков, заключенных в хрустальный сосуд (других светильников там нет), я увидел тех трех или четырех подростков, которые раздели меня перед обедом; один из них принялся щекотать мне пятки, другой — ляжки, третий — бока, четвертый — руки, и все это делалось так мило и нежно, что не прошло и нескольких мгновений, как я задремал.

На другой день ко мне вместе с солнцем вошел мой демон.

— Я намерен сдержать данное вам обещанье, — сказал он. — Сегодня позавтракаете поплотнее, чем вчера поужинали.

Тут я встал, и он за руку повел меня в сад, разбитый за домом; там нас ждал один из хозяйствских сыновей; в руках у него было оружие, весьма похожее на наши пищали. Он осведомился у моего вожатого, не желаю ли я дюжину жаворонков, — ведь обезьяны (за каковую он меня принял) питаются преимущественно ими. Не успел я ответить, как охотник выстрелил и штук двадцать — тридцать уже зажаренных жаворонков упало к нашим ногам.

«У нас в шутку говорят, что есть страна, где жаворонки сыплются с неба уже изжаренные, — подумал я. — Видно, кто-нибудь из наших побывал здесь».

— Вам остается только угощаться, — сказал демон, — тут умеют примешивать к пороху и свинцу некий состав,

который убивает дичь, ощипывает ее, жарит и сдабривает приправами.

Я подобрал несколько жаворонков, съел их и по чести скажу, что в жизни не пробовал ничего вкуснее.

После завтрака мы стали собираться к отъезду; демон мой вручил хозяину некую бумагу, причем оба они обменялись бесчисленными ужимками, к которым там прибегают всегда, когда хотят выразить свое расположение. Я спросил его, не чек ли это в возмездие понесенных расходов. Он ответил отрицательно; он теперь ничего ему не должен, на бумаге написаны стихи.

— Стихи? — удивился я. — Значит, здесь трактирщики увлекаются поэзией?

— Здесь это ходовая монета; за услуги с нас причиталось шестистишие, которое я и вручил хозяину. Я не боялся расходов, так как даже если бы мы с вами кутили целую неделю, то не могли бы истратить сонета, а у меня их в кармане четыре, не считая двух эпиграмм, двух од и одной эклоги.

«Ах, так ведь такими самыми деньгами, если не ошибаюсь, Сорель во «Франсионе» снабжает Гортензия, — подумал я, — вот откуда украл их Сорель; но какой дьявол надоумил его на это? Не иначе как мать; говорят, она была лунатик».

— Дал бы бог, чтобы так было и в нашем мире, — сказал я. — Я знаю немало благородных поэтов, которые умирают с голода, а жили бы отлично, если бы можно было расплачиваться виршами.

Я спросил, всегда ли стихи годны, лишь бы их красиво переписали. Он ответил, что нет, и пояснил:

— Сочинив стихи, автор несет их на Монетный двор, где заседают присяжные поэты со всего королевства. Здесь чиновники-стихотворцы подвергают стихи испытанию, и если признают, что они доброкачественны, то оценивают их, но не по весу, а по остроумию; другими словами, не всякий сонет ценится потому, что он сонет, а ценится он по своим достоинствам. Поэтому если кто и умирает с го-

лоду, так только тупица; все же люди остроумные живут припеваючи.

Я пришел в полный восторг от здешних мудрых порядков, а он продолжал:

— Но есть трактирщики, которые держат заведения на совсем иных условиях. Когда выходишь от них, они просят дать им расписку на соответствующую сумму, чтобы предъявить ее на том свете; получив оную, они заносят ее в большую книгу, которую называют «Божьи счета», приблизительно в следующих выражениях: «Стоимость стольких-то стихов, выданных тогда-то такому-то, каковую бог должен возместить сразу же по предъявлении этой расписки из любых имеющихся у него средств». Почувствовав приближение смерти, такой трактирщик велит разрубить книгу на мелкие куски и проглатывает их, ибо считает, что если не переварить книгу таким образом, то бог не сможет прочитать ее и она не принесет никакой пользы.

Эта беседа не мешала нам продолжать путь, — вожатый мой несся на четырех лапах, а я сидел на нем верхом. Не стану подробно описывать приключений, которые задерживали нас в пути, пока мы наконец не достигли города, служащего королевской резиденцией. Едва я появился там, как меня повели во дворец, где вельможи встретили меня не столь восторженно, как простонародье, когда я проезжал по улицам. Однако они пришли к тому же заключению, что и простолюдины, а именно — что я самка зверька, который живет у королевы. Так объяснил мне мой вожатый; между тем он сам терялся в догадках, ибо не знал, что представляет собой королевский зверек; но вскоре все выяснилось, ибо король, рассмотрев меня, повелел привести зверя, и полчаса спустя я увидел ватагу обезьян, одетых в короткие штанишки и куртки с брыжами, а среди них — невысокого мужчину почти что моего сложения, ибо он двигался на двух ногах; едва завидев меня, он подошел ко мне со словами: «Criado de vuestra merced!». Я ответил ему приветствием в том же духе. Но увы! Как только окружающие заметили, что мы друг с другом разговариваем,

они утвердились в своем ошибочном мнении, а те из присутствующих, которые относились к нам особенно благожелательно, стали говорить, что наша беседа простое хрюканье, вызванное инстинктом и выражавшее радость по поводу нашей встречи.

Человечек рассказал мне, что он европеец, родом из Старой Кастилии. Он умудрился с помощью птиц взлететь в лунный мир, где мы и находимся; королева, в руки которой он попал, приняла его за обезьяну, ибо по странному совпадению здесь одевают обезьян на испанский лад; он прибыл сюда в испанском наряде, почему королева и приняла его за обезьяну.

— Надо заметить, — возразил я, — что на обезьянах примеряли всевозможные костюмы и более нелепых найти не могли. Поэтому-то обезьян и стали так одевать, ибо держат их при себе исключительно ради потехи.

— Значит, здесь не ведают достоинств нашей нации, для которой весь мир поставляет рабов и которая никак не может давать повод для шуток.

Затем он попросил меня рассказать, как это я решил ся подняться на Луну при помощи приспособления, о котором я говорил; я ответил, что воспользовался машиной потому, что он переманил всех птиц, на которых я собирался лететь. В ответ на эту шутку он улыбнулся, а четверть часа спустя король повелел обезьяням служителям увести нас, а главное, уложить испанца и меня вместе, чтобы наша порода преумножилась в королевстве.

Воля монарха была в точности исполнена, чему я весьма радовался, ибо таким образом у меня было с кем поговорить и скрасить свое пребывание на скотском положении и в одиночестве. Однажды мой самец (я ведь считался самкой) поведал мне, что истинной причиной его странствий по Земле и конечного переселения на Луну было то, что он нигде не нашел страны, где существовала бы свобода — хотя бы для воображения.

— Видите ли, — сказал он, — если вы не носите четырехугольной или докторской шапочки или сутаны, то что

бы вы ни говорили прекрасного, если оно противоречит мнению признанных ученых, вас сочтут дураком, полуумным или безбожником. Меня на родине хотели отдать в руки инквизиции только потому, что я, вопреки педантам, открыто утверждал наличие пустоты в природе и говорил, что не знаю такого вещества, которое было бы тяжелее другого.

Я спросил, на чем основывается он, придерживаясь столь мало распространенного мнения.

— Чтобы уразуметь это, надо предположить, что существует всего лишь один элемент, — сказал он, — ибо, хоть мы и видим порознь воду, землю и огонь, мы никогда не встречаем их в вполне чистом виде, не смешанными друг с другом. Когда вы смотрите, например, на огонь, так ведь это только расширенный воздух; а воздух — это сильно разжиженная вода; вода не что иное, как растворенная земля, а сама земля — не что иное, как сильно сжатая вода; итак, если поглубже вникнуть в вещество, убеждаешься, что оно едино, но, как хороший лицедей, оно играет в дальнем мире всевозможные роли, облекаясь во всевозможные наряды. Иначе пришлось бы допустить существование стольких же элементов, сколько существует разновидностей тел; если же вы меня спросите, почему огонь обжигает, а вода холодит, хотя они представляют собою одно и то же вещество, я вам отвечу, что вещество действует по симпатии в зависимости от состояния, в каком оно находится в данное время. Огонь не что иное, как земля в еще более расширенном состоянии сравнительно с тем, в каком он об разует воздух; он по симпатии стремится обратить все, что ему попадается, в такое же состояние, в каком находится сам. Так тепло, содержащееся в угле, будучи огнем самого тонкого вида и лучше других способным пронизать тело, пробивается сквозь поры нашей кожи, наполняет нас и вызывает наружу пот; пот, расширяться под действием огня, обращается в пар и становится воздухом; воздух же этот, еще более разреженный теплом антиперистаза или окружающих его светил, называется огнем; частицы земли, лишенные холода и влаги, которые все связывают, распада-

ются в прах. Вода же, хотя и отличается от огня только тем, что более сжата, не обжигает нас потому, что, будучи сжатой, стремится из симпатии сжать встречающиеся ей тела, а холод, ощущаемый нами, не что иное, как состояние нашей кожи, — она сжимается под действием земли и воды, которые стремятся уподобить ее себе. Этим и объясняется, что страдающие водянкой, то есть люди, наполненные водою, превращают в воду всю пищу, которую едят; точно так же и люди желчные превращают в желчь всю кровь, которую вырабатывает их печень. Если предположить, что существует всего лишь один элемент, то становится очевидным, что все тела, соответственно своим свойствам, равным образом стремятся к центру Земли.

Вы спрашиваете, почему железо, металлы, земля, дерево быстрее направляются к центру, чем, например, губка, и думаете, что это происходит оттого, что губка наполнена воздухом, который, естественно, стремится подняться вверх. Причина же тут вовсе не та, и вот что я вам скажу: хотя скала низвергается вниз с большей скоростью, чем перо, оба они одинаково склонны к такому путешествию; но пушечное ядро, если бы Земля оказалась просверленной насквозь, устремилось бы к ее центру с большей скоростью, чем надутый воздухом пузырь, а причина этому та, что металлическая масса представляет собою большее количество земли, сведенной к небольшому объему, воздух же, наоборот, при большом объеме содержит мало земли; все части материи, заключающиеся в железе, будучи соединены между собою, благодаря этому приобретают большую силу, ибо их много, а препятствие, которое они должны преодолеть, незначительно, принимая во внимание, что количество воздуха, равное по объему ядру, не равно последнему по весу, и поэтому, склоняясь под бременем многочисленных, к тому же торопящихся, частиц, воздух неизбежно расступается, давая дорогу железу.

Чем же, не вдаваясь в сложные рассуждения, объяснить ранящие свойства копья, сабли, кинжала? Только тем, что сталь — материя, в которой частицы расположены теснее

друг к другу и крепче сцеплены между собою, чем в нашем теле, поры и мягкость которого говорят о том, что при большом объеме в нем содержится очень мало материи, и потому пронзающее нас острие железа, которое содержит неисчислимно большое количество материи сравнительно с малостью ее в нашем теле, вынуждает последнее поддаться железу, подобно тому как тесно скачущий эскадрон легко врезается в менее собранную и более протяженную бригаду. Почему раскаленная крица горячее пылающего полена? Да потому, что в крице больше огня при малом объеме металла, и огонь пронизывает все части металла, в то время как полено, будучи ноздреватым, содержит в себе, следовательно, много пустоты, а пустота, представляющая собою отсутствие материи, не поддается действию огня. Но, возразите вы, вы говорите о пустоте так, словно доказали ее существование, а тут мы с вами расходимся во мнениях. Ну что ж, сейчас я вам докажу, что пустота существует, и хотя вопрос этот по трудности своей — родной брат гордиева узла, у меня руки достаточно сильные, чтобы разделаться с ним, как Александр разделялся с узлом.

Пусть не возражают мне турицы, считающие себя людьми только потому, что слышали об этом от ученых. Если допустить, что существует только одна единая материя, — а это я, кажется, доказал, — то чем же объяснить, что она растягивается и сжимается, как ей вздумается? Каким образом комок земли настолько уплотняется, что превращается в камень? Неужели частицы камня взгромождаются друг на друга с такой точностью, что одна песчинка помещается именно там, где была прежняя? Этого не может быть хотя бы потому, что тела не проникают друг в друга; возможно это только при условии, что новая частица приблизится и, если хотите, сократится, с тем чтобы занять некое место, до тех пор не занятое.

Можно ли сказать, что непостижимо, как это в мире может существовать пустота и как сами мы отчасти состоим из этой пустоты? А что же? Разве мир в целом не окружен пустотой? Если вы не отрицаете этого, то согласитесь,

что вполне возможно, что мир заключает в себе пустоту так же, как он окружен ею.

Предвижу ваш вопрос: не для того ли вода, замерзшая и сжавшаяся в сосуде, разрывает его, чтобы воспрепятствовать образованию пустоты? На это я отвечу, что это происходит оттого, что находящийся над сосудом воздух, стремясь — подобно земле и воде — к центру и встретив на своем пути пустующий постоянный двор, сразу же поселяется в нем; если поры сосуда, то есть пути, ведущие к пристанищу, чересчур протяженны или чересчур запутаны, то он в нетерпении разбивает стенки, чтобы поскорее добраться до цели.

Но, не тратя времени на все эти возражения, осмелюсь утверждать, что, не будь пустоты, не было бы и движения, или же надо предположить взаимопроницаемость тел, ибо нелепо воображать, что, когда муха крыльшком отталкивает частицу воздуха, эта частица, в свою очередь, отталкивает следующую и так далее; тогда движение блошиной лапки неизбежно должно породить шишку где-то за пределами мира. Когда этим людям податься некуда, они пытаются объяснить все разреженностью воздуха; но скажите на милость, как же может случиться, чтобы при разрежении тела, когда частицы его удаляются друг от друга, между ними не возникало бы пустоты? Ведь для этого надо было бы, чтобы два разъединившихся тела находились в одно и то же время в одном и том же месте, где было и третье тело, то есть чтобы все три тела проникли друг в друга. Я предвижу, что вы спросите: каким же образом при помощи трубы, шприца или насоса воду поднимают в направлении, противоположном ее естественному устремлению? На это я отвечу, что тут она подчиняется внешней силе и не страх пустоты побуждает ее свернуть с пути, а то, что, будучи неуловимым образом связана с воздухом, она поневоле поднимается, когда поднимают кверху охватывающий ее воздух.

Это нетрудно понять, если постигнешь безупречный круговорот и тончайшее переплетение элементов; доста-

точно посмотреть внимательно на ил, сочетающий землю с водою, чтобы убедиться, что он и не земля и не вода, а только посредник между этими двумя элементами; так и вода с воздухом взаимно направляют друг к другу туман, пронизывающий и примиряющий их обоих; воздух же примиряется с огнем при посредстве объединяющих их выделений.

Он, видимо, собирался продолжать рассуждение, но тут нам принесли еду, а так как мы очень проголодались, я затворил уши, чтобы отворить желудок для пищи.

Помнится, однажды, когда мы философствовали — а толковать о низменных предметах мы не любили, — он сказал:

— Мне очень досадно, что такой незаурядный ум, как ваш, заражен предрассудками, присущими невежественной толпе. Поймите, что — вопреки педанту Аристотелю, утверждения коего теперь без различия сословия твердит вся ваша Франция, поймите, — что *все пребывает во всем*; иными словами, в воде, например, есть огонь, в огне — вода, в воздухе — земля, а в земле — воздух. Ученые, слыша такое мнение, таращат глаза, и истину эту легче доказать, чем убедить в ней. Прежде всего я спрошу их: не рождает ли вода рыбу? Если они ответят отрицательно, я скажу: выройте ров, наполните его водой, пропустите ее предварительно, чтобы избавиться от возражений слепцов, сквозь мелкое сито; если через некоторое время во рву не окажется рыбы, я готов выпить всю налитую туда воду, если же рыбу найдут, в чем я не сомневаюсь, это будет убедительным доказательством, что в воде содержится и соль и огонь. Найти после этого воду в огне — задача не такая уж трудная. Ибо если пожелают иметь дело с огнем, даже наиболее свободным от материи, каким, например, являются кометы, то и в этом огне все-таки окажется много материи, ибо если бы маслянистое вещество, порождающее огонь и превращенное в серу жаром антиперистаза, который воспламеняет его, не встретило бы препятствия своему порыву со стороны влажной прохлады, умеряющей порыв и про-

тивоборствующей ему, то комета сгорела бы в одно мгновение, как молния.

Ученые не могут отрицать и наличие воздуха в земле, иначе можно подумать, что они никогда не слышали о страшных содроганиях гор, так часто потрясающих Сицилию. Кроме того, мы видим, что земля очень пориста вплоть до песчинок, из коих она состоит. Между тем никто еще не говорил, что эти поры заполнены пустотой, поэтому все согласятся с мнением, что в порах находится воздух. Мне остается доказать, что в воздухе содержится земля, но я считаю излишним брать на себя такой труд, поскольку вы сами убеждаетесь в этом всякий раз, когда вам на голову сыплятся несметное количество атомов, со считать кои уж не поможет никакая арифметика.

Но перейдем от простых тел к сложным; тут найдется еще больше примеров, чтобы доказать, что все — во всем, причем не в том смысле, что тела переходят одно в другое, как лепечут перипатетики; я заявляю им в лицо, что элементы смешиваются, отделяются один от другого и опять смешиваются, оставаясь самими собою, и то, что мудрым Создателем Вселенной было сотворено водою, так и остается ею навсегда. В отличие от них, я не высказываю предположений, которых не могу доказать.

Поэтому возьмите, прошу вас, полено или иной какой-нибудь горючий предмет и подожгите его; когда предмет сгорит, они скажут, что то, что было деревом, превратилось в огонь. Я же отрицаю это; я говорю, что, хотя все полено заполыхало, огня стало не больше, чем до того, как к нему поднесли огниво, но что огонь, скрытый в полене, не мог из-за холода и сырости выйти наружу и проявить себя, а теперь, получив подмогу со стороны, собрался с силами, преодолел холодную влажность, душившую его, и завладел местом, занятым его недругом; теперь он беспрепятственно являет себя и торжествует над своим тюремщиком. Посмотрите, как вода сочится с обоих концов полена; она еще разогрета борьбой, кончившейся для нее поражением. Пламя, которое вы видите наверху, — огонь

самый легкий, самый свободный от материи и, следовательно, наиболее готовый вернуться в свою сферу. Он, впрочем, до некоторой высоты складывается в пирамиду, чтобы преодолеть плотную влажность воздуха, которая задерживает его. Но, поднимаясь, он постепенно освобождается от грубого соседства своих хозяев и свободно растекается, не встречая ничего враждебного на своем пути; однако легкомыслie нередко приводит его снова в темницу, ибо, свободно передвигаясь, он иной раз попадает в тучу. Если он там встретит достаточное количество других огней, чтобы противостоять окружающим испарениям, то они объединяются, разражаются грохотом и громом, мечут молнии, и одухотворенный гнев этих безжизненных начал зачастую несет смерть ни в чем не повинным существам. Если же препятствием на пути огня оказывается влажность средней сферы, а он недостаточно силен, чтобы отстоять себя, он предоставляет себя на милость врага, а тот своею тяжестью принуждает его ринуться обратно на землю, и несчастный огонь, заключенный в каплю воды, окажется у подножья дуба, живительный огонь коего привлечет к себе бедного странника и предложит ему поселиться с ним; таким образом, огонь возвратится к тому же состоянию, из которого вышел несколько дней перед тем.

Но проследим судьбу и остальных элементов, входивших в состав полена. Воздух покидает свое пристанище еще в смеси со всякими испарениями, ибо разгневанный огонь изгоняет их всех вперемешку. Он служит ветру раздувателем мехом, дает дыхание животным, наполняет пустоту, образованную природой, а возможно, что его, зарывшегося в капельке росы, выпьют жаждущие листья того самого дерева, в котором притаился наш огонь. Вода, изгнанная пламенем из полена и поднятая теплом до самой колыбели метеоров, низвергается на наш дуб, как и на всякий другой, а земля, ставшая пеплом, а затем излеченная от бесплодия то ли питательным теплом навоза, в который ее бросят, то ли растительными солями соседних растений, то ли плодородной водою рек, вновь, быть может, окажет-

ся возле того дуба, а он теплом своим притянет ее к себе и превратит в часть своего целого.

Таким образом, всем четырем элементам приуготовлена одна и та же участь, и каждый из них возвращается в то же состояние, из коего он вышел несколько дней тому назад. Поэтому можно сказать, что в человеке имеется все необходимое, чтобы образовать дерево, а в дереве все необходимое для того, чтобы образовать человека. Словом, все находится во всем, нам недостает только Прометея, который извлек бы нас из недр природы и сделал бы для нас осязательным то, что я охотно назвал бы первичным веществом.

Вот, в общих чертах, чем мы развлекались. Надо сказать, что маленький испанец был не лишен остроумия. Беседовали мы с ним, однако, только по ночам, потому что с шести утра до самого вечера нам мешала толпа, собиравшаяся у нашего жилища, чтобы глязеть на нас; некоторые бросали нам камни, другие — орехи, а кое-кто — траву. Только и толков было, что о королевских зверьках.

Нам ежедневно в определенное время подавали пищу, и сама королева и король не раз брали на себя труд ощупать мой живот, чтобы проверить, не полнею ли я, ибо им до смерти хотелось получить потомство от их маленьких животных. Не знаю, потому ли, что я был более внимателен, чем мой самец, к их ужимкам и к звукам, которые они издавали, но я раньше его научился понимать их язык и кое-как изъясняться на нем; это явилось причиной того, что отношение к нам стало меняться, и по всему королевству разнеслись слухи, что найдены два диких человека, что ростом мы ниже обычного, так как в глухи плохо птиались, и что передние ноги у нас, вследствие изъяна в семени отцов, недостаточно окрепли и поэтому мы не можем на них держаться.

Слухи эти так упорно распространялись, что люди уже готовы были им поверить, если бы не местное духовенство: оно утверждало, что только безбожники могут считать, буд-

то какие-то животные, и даже хуже того — уроды, относятся к той же породе, что и люди.

— Гораздо убедительнее предположение, — возражали более умеренные жители, — что нашей домашней скотине доступны некоторые человеческие преимущества и, следовательно, бессмертие — по той причине, что скотина эта рождена в нашей стране; совсем иное дело — чудовище, которое утверждает, что оно родилось черт знает где или даже на Луне; кроме того, обратите внимание, как резко они отличаются от нас. Мы передвигаемся на четырех ногах, потому что бог хотел поставить столы ценное создание на прочную опору; он опасался, что, если мы будем ходить иначе, нас постигнет несчастье. Поэтому он взял на себя труд поставить нас на четыре столба, дабы мы не падали, а что касается этих двух ублюдков, то он отдал их на прихоть природы, а та поставила их всего лишь на две лапы, потому что отнюдь не опасалась за такое ничтожество.

— Даже птицы не так обделены, — говорили они, — ведь им в подмогу слабым ногам дано оперенье, и они могут взлетать на воздух, когда мы их гоним; а у этих уродов природа отняла по две лапы, поэтому им не уйти от нашего правосудия. Посмотрите, кроме того, как у них голова обращена к небу! Бог обрек их на такую скучность, что они постоянно жалуются на свою судьбу и умоляют позволить им воспользоваться нашими отбросами. У нас же головы склоняются вниз, потому что мы любуемся богатствами, которыми обладаем, и потому, что на небе нет ничего такого, чему мы завидовали бы.

Каждый день священники рассказывали у моей конуры такую вот чепуху или нечто подобное и в конце концов до того одурачили народ, что меня стали считать в лучшем случае — беспёрым попугаем, ибо у меня, как у птиц, всего лишь две лапы. На этом основании меня посадили в клетку, — об этом состоялось особое постановление Главного совета.

По утрам ко мне приходил птичник королевы и учил меня свистеть, как учат здесь скворцов; откровенно гово-

ря, я был счастлив, что вполне обеспечен пищей. Между тем, слушая всякий вздор, которым зеваки забивали мне уши, я научился говорить по-ихнему, а овладев их языком в достаточной степени, чтобы выражать свои мысли, я стал делиться лучшими из них. Теперь собравшиеся дивились моим остротам и моему тонкому уму. Дошло до того, что Совету пришлось обнародовать указ, коим возбранялось думать, будто я наделен разумом, и предписывалось всем, независимо от звания и состояния, считать, что, как бы оструумно я ни поступал, делаю я это только по инстинкту.

Между тем вопрос о том, что же я собою представляю, разбил город на два лагеря. Партия благорасположенных ко мне росла ото дня на день и в конце концов, невзирая на проклятия пророков и угрозы отлучения от церкви, коими рассчитывали запугать народ, сторонники мои потребовали, чтобы для разрешения этого вопроса веры был создан съезд представителей всех сословий. Долго препирались на счет того, кого выбрать в депутаты, но распорядителям удалось успокоить страсти, пообещав, что число представителей той и другой стороны будет одинаково и что меня тоже доставят на съезд, что и было сделано; но там со мною обращались так круто, что трудно это себе вообразить. Экзаменаторы стали задавать мне, между прочим, вопросы по философии; я чистосердечно изложил им все, чему некогда научил меня мой наставник, но им, правда, удалось без особого труда опровергнуть все мои утверждения. Когда у меня уже не оставалось никаких доводов, я в крайности прибег к положениям Аристотеля, но последние помогли мне не более, чем софизмы, ибо ученыe в двух-трех словах доказали мне их ложность.

— Аристотель, мудрость которого вы так расхваливаете, видимо, приспосабливал принципы к своей философии, вместо того чтобы философию приспособливать к принципам; кроме того, он должен был бы доказать, что его принципы — разумнее принципов других сект, а ему это не удалось. Поэтому, милостивый сеньор, надеемся, вы нас простите, но мы с ним не согласны.

В конце концов они убедились, что ничего другого от меня не услышат, как только то, что они не ученее Аристотеля и что мне запрещено оспаривать тех, кто отрицает его принципы; поэтому они единодушно решили, что я не человек, а, возможно, своего рода страус ввиду того, что голову я тоже держу прямо, хожу на двух лапах и вообще очень похож на эту птицу, хоть пуха у меня, правда, и поменьше. Принимая все это во внимание, птичнику было велено переправить меня обратно в клетку. Я проводил время довольно приятно, ибо научился хорошо говорить на их языке, и весь двор развлекался, болтая со мною. Дочери королевы, как и другие, клали кое-что в мою кормушку; а самая маленькая из них, почувствовав ко мне расположение, пришла в неописуемую радость, когда я ей по секрету открыл некоторые тайны нашей веры; особенно же восторгалась она, когда я рассказывал о наших колоколах и святынях, и она со слезами на глазах уверяла, что если мне удастся со временем возвратиться в наш мир, то она охотно последует за мной.

Как-то ранним утром, внезапно проснувшись, я увидел, что она палочкой барабанит по прутьям моей клетки.

— Радуйтесь, — сказала она, — вчера на Совете было решено пойти войной на короля X. Я надеюсь, что в суматохе, связанной со сборами, когда нашего монарха и его приближенных не будет в городе, мне удастся спасти вас.

— Как? Война? — прервала ее. — Разве между здешними королями возникают ссоры, как и в нашем мире? Сделайте милость, расскажите, как же они воюют.

— Третейские судьи, избранные с согласия обеих сторон, определяют время, которое предоставляется для вооружения, а также время выхода в поход, число воюющих, день и место сражения. Причем все это делается с такой точностью, — продолжала она, — что обе стороны находятся в совершенно равных условиях; ни в том, ни в другом войске нет ни одного лишнего солдата сверх установленных; в каждом войске все искалеченные сосредоточены

в одной роте, и когда дело доходит до рукопашной, то предводители заботятся о том, чтобы калеки бились только с калеками; с другой стороны, великаны дерутся только с великими, фехтовальщики — только с равными по ловкости, храбрецы — только с отважными, хилые — с немощными; больные — с недомогающими, сильные — с крепкими, а если кто-нибудь вздумает напасть на врага, ему не предназначенному, его клеймят трусом, разве что будет доказано, что он действовал по ошибке. После сражения подсчитывают раненых, убитых, пленных; что же касается беглецов — то таковых не бывает; если потери с обеих сторон равны — тянут жребий о том, кого провозгласить победителем.

Но даже если королевство в честном бою разгромит неприятеля, то это еще ни к чему не ведет, ибо существуют другие, немногочисленные армии ученых и людей умных, от прений коих всецело зависит торжество или поражение государств.

Ученый противопоставляется другому ученому, остроумец — остроумцу, человек справедливый — такому же. В конечном счете победа, достигнутая таким путем, засчитывается за три победы, одержанных грубой силой. После провозглашения победителя собрание распускается, а народ-победитель избирает себе короля — либо своего собственного, либо неприятельского.

Я не мог удержаться от смеха, слушая о такой щепетильности в подготовке и проведении сражений, и привел в качестве примера куда более твердой политики наши европейские обычаи, когда монарх не упускает ни малейшей возможности победить, и вот как она мне отвечала:

— Скажите, разве ваши монархи, вооружаясь, не ссылаются на право сильного?

— Ссылаются, — ответил я, — и ссылаются также на свою правоту.

— Так почему же они не избирают третейских судей, заслуживающих доверия? — продолжала она. — А если окажется, что у обоих права одинаковые, почему не сохраняют они существующее положение или не разыгрывают

в карты город или провинцию, о которой идет спор? Вместо этого они жертвуют головами четырех миллионов человек, которые куда лучше их самих; запервшись в своих кабинетах, они потешаются подробностями избиения этих простофиль. Но зря я порицаю доблесть ваших храбрых воинов — они правильно поступают, умирая за родину, ведь решается важный вопрос: быть ли вассалом короля, носящего брыжи, или короля, предпочитающего плоеный воротничок.

— Но вам-то к чему все эти тонкости в ведении войны? Не достаточно ли того, что армии равночисленны?

— Вы неправильно рассуждаете, — возразила она. — Неужели вы, победив врага один на один, можете по совести утверждать, что одержали победу в честном бою, если сами вы были в кольчуге, а враг — без нее, если он был вооружен только кинжалом, а вы, кроме того, длинной шпагой, если, наконец, он был однорукий, а вы — с обеими руками? А ведь несмотря на то, что вы очень стараетесь создать бойцам равные условия, таких условий на деле никогда не бывает, ибо один из сражающихся будет высок ростом, другой — мал; один будет опытен, а другой впервые будет держать в руках шпагу; один будет крепыш, другой — заморыш, и даже если эти несоответствия сгладятся, даже если бойцы окажутся одинаково ловкими и сильными, они все равно не будут равны, ибо один, быть может, окажется отважнее другого; этот неистовый боец забудет об опасности, он распалится, он полнокровнее, сердце у него крепче, — все эти качества придают человеку мужество, а ведь это равносильно обладанию шпагой или другим оружием, которого у противника нет; такой человек исступленно устремляется на врага, устрашает его и лишает жизни беднягу, который предвидел опасность, пыл которого охладила флегма, а сердце его оказалось чересчур обширным и поэтому в нем не могли собраться воедино те испарения, которые в силах растопить лед, именуемый трусостью. Таким образом, хваля человека за то, что он легко одолел противника, хваля его за храбрость, вы, по суще-

ству, одобряете его за грех, содеянный против природы, поскольку его храбрость приводит к разрушению. В связи с этим скажу вам, что несколько лет тому назад состоялось постановление Военного совета, которое предусматривает более строгий и справедливый порядок в сражениях. Философ, подавший эту мысль, говорил так:

«Вы считаете, господа, что, подобрав двух противников одинакового роста, одинаково ловких, в равной степени отважных, вы вполне уравняли их преимущества; но этого еще недостаточно, ибо ведь надо, чтобы победитель превзошел соперника ловкостью, силой и удачей. Если победою он обязан ловкости, значит, он поразил врага в такое место, где тот не ожидал удара, или с большим проворством, чем предполагал противник, или же, притворившись, что метит в одно место, поразил в другое. Между тем все это значит не что иное, как изворачиваться, обманывать, предавать, а обман и предательство не прибавят доблести истинно благородному человеку. Если он восторжествовал силою, разве вы сочтете побежденным его противника, над которым было совершено насилие? Конечно, нет; как не скажете, что человек потерпел поражение, если на него низверглась скала, которую он не мог сдержать. Так и воина нельзя считать побежденным только на том основании, что в данную минуту он оказался не в состоянии противостоять неистовству своего противника. Если же один другого сразил случайно, значит, чествовать надо не победителя, а Судьбу; сам боец тут ни при чем, а побежденного нельзя осуждать, как нельзя осуждать игрока в кости, партнера которого выкинул восемнадцать очков, в то время как сам он — только семнадцать».

Философу ответили, что он прав, но что нет человеческой возможности внести в это дело полный порядок и что лучше мириться с небольшим изъяном, чем допускать сотню других, куда более значительных.

На этот раз она мне больше ничего не сказала, потому что боялась, как бы ее не застали со мной наедине в такой ранний час. Не то чтобы в этой стране распутство почита-

лось за преступление; наоборот, всякий мужчина, исключая осужденных преступников, имеет здесь право на любую женщину, а всякая женщина может привлечь к суду любого мужчину, отказавшегося от нее. Но она не могла открыто бывать у меня, по ее словам, из-за жрецов, которые при последнем жертвоприношении сказали, что именно женщины особенно настаивают на том, что я — человек, чтобы под таким предлогом скрыть снедающее их мерзкое желание самим превратиться в животное и бесстыже предаваться со мною противоестественной похоти. Из-за этого я долго не видел ни ее, ни других женщин.

Но, видно, кто-то вновь затеял споры относительно моего существа, ибо, в то время как я уже думал, что так и умру в своей клетке, за мной опять явились и повезли на аудиенцию. Меня опять допросили в присутствии многочисленных придворных по некоторым статьям физики и ответы мои, по-видимому, отнюдь не сочли удовлетворительными, ибо председательствующий весьма пристранно стал излагать мне свои понятия о строении Вселенной. Суждения его казались мне остроумными, и, не коснись он происхождения Вселенной, которую он считал вечной, его философия представилась бы мне гораздо разумнее нашей. Но когда он стал настаивать на бреднях, противных тому, чему учит нас вера, я задал ему вопрос — что может он противопоставить авторитету великого патриарха Моисея, который сказал, что бог создал Вселенную в шесть дней. Вместо ответа невежда только рассмеялся; а мне не оставалось ничего другого, как сказать, что раз они придерживаются такого мнения, то у меня возникает подозрение, что их мир — всего лишь Луна.

— Но, вы же видите тут землю, реки, моря, — воскликнули они в один голос. — Что же это, по-вашему, такое?

— Все равно, — возразил я, — Аристотель утверждает, что это всего лишь Луна, а если бы вы стали отрицать это в школе, где я учился, так вас освистали бы.

В ответ на мои слова раздались оглушительные раскаты хохота. Не спрашивайте, невежество ли их явилось

тому причиною; как бы то ни было, меня отвели обратно в клетку.

А жрецы, еще более рьяные, чем придворные, узнав, что я осмелился утверждать, будто Луна, с которой я сюда прилетел, — мир, а их мир — всего лишь Луна, решили, что теперь у них есть достаточное основание, чтобы предать меня воде, — это принятый у них способ убивать безбожников. С этой целью они в полном составе явились с жалобой к королю, а тот пообещал им рассудить дело и велел снова посадить меня на скамью подсудимых.

Итак, меня в третий раз извлекли из клетки; тут старейший из жрецов взял слово и выступил против меня. Речи его я не помню, потому что был до того напуган, что не воспринимал испарений его голоса, а также потому, что он вдобавок пользовался каким-то инструментом, который совершенно оглушал меня, — то был рожок, нарочно для этого выбранный, чтобы воинственный звук его воспламенял умы и побуждал их требовать моей смерти, а также для того, чтобы заглушить голос разума; так случается и в наших армиях, когда грохот труб и барабанов не дает солдату задуматься о том, как важно для него сохранить свою жизнь.

Когда жрец кончил речь, я поднялся с места, чтобы произнести слово в свою защиту, но тут мне помешало приключение, которое немало удивит вас. Я уже собрался заговорить, как вдруг какой-то человек, с великим трудом пробравшийся сквозь толпу, бросился к ногам короля и долго валялся перед ним на спине. Подобный образ действий не удивил меня — я знал, что именно такую позу принимают здесь, когда хотят выступить перед народом. Я отложил на время свою речь, а вот то, что произнес неизвестный:

— Справедливые, выслушайте меня! Нельзя осудить этого человека, эту обезьяну или попугая за то, что он утверждает, будто Луна — это мир, откуда он прибыл. Ибо если он человек, пусть даже не явившийся с Луны, то, поскольку каждый человек свободен, то не свободен ли и он вооб-

ражать, что ему вздумается? Разве можете вы запретить ему питать иные иллюзии, чем те, которые свойственны вам? Вы можете принудить его сказать, что Луна — не мир, но ведь он все равно этому не поверит, ибо, чтобы поверить во что бы то ни было, в воображении должны возникнуть какие-то данные, склоняющие к принятию того или иного положения, — если же вы не представите ему убедительных доводов и сами они не возникнут в его уме, то, сколько бы он ни утверждал, что поверил, он все равно верить не будет.

Теперь мне надо доказать, что он не подлежит осуждению также и в том случае, если вы его относите к разряду животных.

Ибо если допустить, что он — неразумное животное, то будет ли разумно с вашей стороны обвинять его в преступлении против разума? Он говорит, что Луна — мир, а ведь животные действуют лишь в соответствии с природными инстинктами; значит, так говорит природа, а не он сам. Было бы весьма нелепо предполагать, будто мудрая природа, сотворившая мир и Луну, не знает, что она собою представляет, а вы, получающие все знания только от нее, знаете это лучше. Но даже если, под влиянием предвзятости, вы готовы отказаться от своих принципов и готовы предположить, что природа не руководит животными, то стыдитесь, по крайней мере, того, что причуды какой-то скотины могут причинять вам подобные треволнения. Право же, господа, если бы вам повстречался человек зрелого возраста, который, наблюдая за муравейником, то бил муравья за то, что тот соблазнил свою подругу, то сажал бы в темницу другого муравья, обвинив его в краже зернышка пшеницы у соседки, то привлекал бы к ответственности муравьиху за то, что она бросила свои яички, — неужели не сочли бы вы этого человека неразумным, раз он занят делами ниже его достоинства и рассчитывает подчинить животных разуму, коим они не наделены? Как же, почтенные жрецы, объясните вы то внимание, с каким вы относитесь к бредням этого зверька? Справедливые, я все сказал.

Едва он умолк, зала огласилась своеобразной музыкой рукоплесканий; потом целых четверть часа присутствующие обменивались мнениями, и наконец король объявил, что отныне меня будут считать за человека; как таковой я буду выпущен на свободу, а казнь утоплением будет мне заменена позорным наказанием (ибо в этой стране наказаний «почетных» не существует); во время наказания мне предстоит всенародно отказаться от своего утверждения, будто Луна — мир, ибо столь необычное мнение может вызвать переполох в слабых душах.

После такого приговора меня вывели из дворца, ради вящего срама вырядили великолепно, поставили на разукрашенную телегу, запрягли в нее четырех принцев, и они повезли меня по городу, а я должен был провозглашать на перекрестках:

«Люди! Заявляю вам, что эта Луна — не Луна, а мир, а тот вон мир — не мир, а Луна. Жрецы желают, чтобы вы так веровали».

Когда я прокричал одно и то же на пяти главных площадях города, защитник мой протянул мне руку, чтобы помочь сойти с повозки. Я немало удивился, когда, взглянувшись в него, понял, что он не кто иной, как мой демон. Мы с ним целый час обнимались.

— Пойдемте ко мне, — сказал он, — возвращаться во дворец после позорного наказания неудобно. К тому же должен сказать вам, что вы, как и ваш приятель-испанец, и поныне пребывали бы среди обезьян, если бы я всюду в обществе не расхваливал глубину и своеобразие вашего ума и не добился бы, вопреки пророкам, благосклонного отношения к вам вельмож.

Я долго благодарили своего доброжелателя, и тем временем мы подошли к его дому; до самого обеда он рассказывал мне, к каким уловкам ему пришлось прибегать, чтобы принудить жрецов отказаться от несправедливых выпадов против меня, хотя они всячески улещали народ и уже совсем одурманили его совесть. Когда доложили, что кушать подано, демон сказал, что пригласил к обеду двух

профессоров из академии, чтобы составить мне компанию.

— Я вызову их на разговор о философии, которую они преподают в здешнем мире, — добавил он, — и в то же время вы познакомитесь с сыном моего хозяина. Столь умного юноши я еще никогда не встречал; он был бы вторым Со-кратом, если бы умел распоряжаться своими познаниями, не топил бы в пороках милости, которые постоянно ниспосыпает ему бог, да еще перестал бы кичиться свободомыслием в расчете прослыть остроумным человеком. Я поселился здесь с целью преподать ему кое-какие истины.

Он умолк, как бы предоставляя и мне возможность высказать свое мнение; потом он знаком велел снять с меня постыдный наряд, который все еще красовался на мне.

Почти тотчас же вошли двое профессоров, которых мы поджидали, и все мы отправились в комнату, где был накрыт стол; там мы застали юношу, о котором говорил демон, — он уже обедал. Профессора отвесили ему почтительные поклоны и выказали ему глубокое уважение, словно рабы — повелителю; я спросил у демона, чем это вызвано, а тот ответил, что все дело в возрасте, ибо в этом мире старики относятся к молодым весьма благоговейно и предупредительно, более того — отцы подчиняются детям, как только последние, по определению Сената философов, достигают разумного возраста.

— Вас, вероятно, удивляет обычай, столь отличный от ваших? — продолжал он. — А ведь он не противоречит здравому рассудку, ибо, согласитесь, если молодой, пылкий человек может мыслить, судить и действовать, то, следовательно, он более способен руководить семьей, чем выживший из ума старишка, ум которого заморожен холодом шестидесяти зим; старик руководствуется только воспоминаниями о своих успехах, которые, возможно, были всего лишь игрой случая, независимой от всей его предвидительности. Что же касается здравого смысла, то у стариakov его не больше, чем у юношей, хотя в вашем мире простонародье и считает его достоянием старости. Но что-

бы разувериться в этом, достаточно понять, что то, что у стариких обычно называют осторожностью, есть лишь панический страх. А если старики не отважились на опасное предприятие, в итоге которого юноша погиб, то случилось так не потому, что старики предвидели катастрофу, а потому, что у него не хватило пыла, вдохновляющего нас на доблестные порывы. Отвага погибшего юноши, напротив, должна была бы служить залогом успеха его предприятия, ибо его вдохновлял пыл, облегчающий и ускоряющий осуществление любого замысла. Что касается выполнения задуманного, то я слишком высоко ценю ваш ум, чтобы подкреплять свою мысль доказательствами. Вы знаете, что только молодежи дано действовать, если же вы не совсем в этом уверены, скажите, пожалуйста: не оттого ли уважаете вы отважного человека, что он может отомстить вашим врагам и притеснителям? И есть ли у вас другие доводы, кроме простой привычки, чтобы ценить человека, кровь которого охлаждена батальоном семидесяти зим, а благодорные порывы, вдохновляющие юношей ратовать за справедливость, заморожены до смерти? Когда вы уступаете сильнейшему, разве вы делаете это не для того, чтобы он был обязан вам своею победой, которую вы у него не можете оспаривать? Зачем же вам подчиняться человеку, у которого от лености размякли мускулы, ослабли артерии, улетучился рассудок и высох костный мозг? Ведь если вы влюбляетесь в женщину, так за красоту, не правда ли? Зачем же продолжать преклоняться перед нею и после того, как старость превратила ее в призрак, который может только пугать людей и напоминать им о смерти? Наконец, если вам когда-то нравился остроумный человек, так объяснялось это тем, что благодаря живости мышления он проникал в сложные вопросы и распутывал их, забавляя своим красноречием лучшее общество, без труда постигал новейшие успехи науки, и вот вы продолжаете воздавать ему почести, когда тело его ослабло, ум выродился, стал тяжеловесным и нудным для окружающих и весь он стал похож скорее на божка-покровителя, чем на разумного человека.

Из этого следует, сын мой, что лучше поручить руководство семьями молодым людям, нежели старцам. Ведь по вашим воззрениям выходит, что Геракл, Ахилл, Эпаминонд, Александр и Цезарь не заслуживают никаких почестей на том основании, что они умерли, не дожив и до сорока лет, и, значит, были чересчур молоды; но ведь именно молодость и явилась причиной их подвигов, которые оказались бы невозможными, будь эти герои старше, ибо тогда у них недоставало бы необходимого пыла и стремительности.

Однако, возразите вы, законы нашего мира красноречиво говорят о том, что к старикам надо относиться с уважением. Вы правы, но дело в том, что все законодатели были стариками и боялись, как бы молодежь не отняла у них власть, которую они присвоили себе и которую, подобно жрецам ложных религий, превратили в некую тайну, ибо доказать ее разумность невозможно.

Да, скажете вы, но и родитель мой — старик, а небеса сулят мне долголетие, если я буду чтить его. Согласен, сын мой, при условии, что ваш отец не прикажет вам ничего такого, что идет вразрез с предначертаниями Всевышнего; в противном же случае — поприте ногою чрево отца, родившего вас, растопчите грудь матери, зачавшей вас, ибо невероятно, думается мне, что небу особенно приятно то уважение, которое ваши преступные родители внущили вам, слабому человеку, и которого они отнюдь не заслуживают; не думаю, чтобы за это уважение небо удлинило нить вашей жизни. Вы раболепно преклоняетесь перед отцом, льстите его гордыне и питаете ее, но разве от этого прорвется нарыв, который у вас в боку, разве это исправит вашу гуморальную природу, залечит рану от шпаги, пронзившей вам желудок, растворит камень в мочевом пузыре? Если так, то до чего же не правы врачи! Вместо адских зелий, которыми они отправляют людям жизнь, они от оспы могли бы прописывать три поклона натощак, четыре «премного вам благодарен» после обеда и дюжину «спокойной ночи, папенька», «спокойной ночи, маменька» перед сном.

Вы скажете, что, не будь отца, и вас не было бы на свете; это верно, но и его самого без дедушки не было бы, ни дедушки без прадеда, а без вас у вашего отца не было бы внука. Когда природа произвела его на свет, то подразумевалось условие, что он возместит то, что получил от нее; поэтому, родив вас, он вам ничего не дал, а только рассчитался с долгом. Да еще вопрос, думали ли о вас родители, когда со-здавали вас? Нет, отнюдь не думали! А вы все-таки считаете, что обязаны им за подарок, который они вам сделали, вовсе о том не помышляя.

Судите сами, только оттого, что ваш отец был такой распутник, что не в силах был противостоять прекрасным очам некоего существа и вошел в сделку, чтобы удовлетворить свою страсть, и оттого что из этого болота произошли вы, — вы чтите этого сластолюбца как одного из семи эллинских мудрецов. Неужели оттого, что скупец завладел богатым достоянием своей жены, наградив ее ребенком, этот ребенок должен разговаривать с ним не иначе, как стоя на коленях; значит, хорошо, что отец ваш был сластолюбец, а другой человек — скупец, иначе ни вам, ни ему не быть бы на свете; но хочется мне знать, пустил ли бы он в ход свой пистолет, если бы был уверен, что не промахнется? Боже праведный, чего только не внушают народу в вашем мире!

От своего смертного зодчего вы получили только тело; душа дана вам небесами; всего лишь случайность, что отец ваш не оказался вашим сыном, как вы оказались его ребенком. Да и уверены ли вы в том, что он не помешал вам оказаться коронованной особой? Быть может, ваш дух снизошел с небес с намерением оживить римского короля во чреве императрицы; по пути ему случайно попался ваш эмбрион, и, желая, быть может, укоротить путь, он вселился в него. Нет, нет, даже если бы ваш отец умер в младенческом возрасте, бог не исключил бы вас из предусмотренного количества людей! Но как знать, — быть может, вы стали бы произведением какого-нибудь отважного полководца, который приобщил бы вас к своей славе и своим бо-

гатствам. Поэтому вы, пожалуй, не более обязаны жизнью своему отцу, чем были бы обязаны за кормежку пирату, который посадил бы вас на цепь. И пусть отец родил бы вас даже принцем, даже королем — дар теряет всякую ценность, если его преподносят, не посчитавшись со вкусом того, кто его получает. Убили Цезаря, убили Кассия; однако Кассий должен благодарить за свою смерть раба, у которого он ее вымогил, а Цезарь ничем не обязан своим убийцам, потому что они его убили независимо от его желания. Разве отец осведомился о вашем мнении перед тем, как обнять вашу мать? Спросил ли он у вас, хотите вы видеть нынешний век или предпочитаете подождать другой, удовлетворитесь ли тем, что вы сын дурака или притязаете на происхождение от достойного человека? Увы, хоть вы и были единственным, кого это касалось, вы оказались единственным, мнения которого не спросили! Быть может, будь вы заключены в каком-то другом месте, а не среди замыслов природы и будь вопрос о вашем рождении согласован с вами, вы сказали бы парке: «Любезная барышня, возьми другую чью-нибудь нить; я уже давно пребываю в пустоте и предпочитаю еще лет сто не быть, чем стать чем-то сегодня, а завтра раскаяться в этом». Однако вам пришлось подчиниться, и сколько бы вы ни пищали, чтобы вас вернули в длинное темное обиталище, из которого вас извлекли, все равно будет считаться, что вы всего лишь просите пососать грудь.

Вот, сын мой, в общих чертах причины, побуждающие отцов относиться с почтением к своим детям; сознаю, что я склонился на сторону детей несколько больше, чем того требует справедливость, и что я говорил в их пользу чуточку вопреки своей совести. Но мне хотелось изобличить гордыню, с какою некоторые отцы относятся к своим слабым отпрыскам, и поэтому мне пришлось поступить так, как поступают люди, желающие выправить согнувшееся дерево, — они оттягивают ствол в другую сторону, чтобы он стал прямым сверху донизу. Поэтому я, лишая отцов права на непомерное уважение, которое они тиранически себе присвоили, лишаю их и значительной доли законного ува-

жения, чтобы они в дальнейшем довольствовались тем, чего заслуживают. Знаю, что своей апологией молодежи я возмутил немало старцев, но пусть они вспомнят, что, перед тем как стать отцами, они сами были детьми и что, поскольку они появились на свет не в кочне капусты, значит, я говорил и в их пользу. Но что бы ни случилось, если мои недруги сразятся с друзьями моими, то я буду только в выигрыше, ибо я принес пользу всем людям, а повредил только половине.

С этими словами он умолк, а слово взял сын нашего хозяина и сказал так.

— Благодаря вам, — обратился он к демону, — мне стали известны происхождение, история, нравы и философия того мира, откуда происходит этот маленький человек; позвольте же мне добавить кое-что к тому, что вы сказали, и доказать, что дети не обязаны своим рождением отцам, ибо отцы обязаны их родить.

Ограниченнная философия их мира признает, что лучше умереть, чем вовсе не жить, ибо для того, чтобы умереть, надо сначала пожить. Значит, не вводя существа в бренный мир, я обрекаю его на нечто худшее, чем смерть, и тем самым оказываюсь более виновным, чем если бы убил его. Ведь если ты, маленький человечек, задушишь своего сына, то будешь считать, что совершил убийство, никак не заслуживающее прощения; и действительно, это будет чудовищное преступление, но еще хуже не наделить жизнью того, кто может ее воспринять, ибо дитя, у которого ты навеки отнимаешь свет, мог бы наслаждаться им некоторое время. Правда, мы знаем, что он лишен его лишь на несколько столетий, но ты злостно не даешь появиться на свет сорока бедным крошкам, из которых ты мог бы сделать сорок воинов для короля, и предоставляешь им гнить в твоих чреслах в ожидании апоплексического удара, который задушит тебя. Пусть мне не возразят прекрасными панегириками девственности; добродетель эта — лишь дым, ибо все почтение, которым чернь окружает девственность, — вздор. Видя, что в мире, откуда вы явились,

воздержание предпочитают плотскому размножению, я крайне удивлен, что бог не выводит вас, как грибочки, из капли майской росы или хотя бы, как крокодилов, из жирного ила в местностях, разогретых солнцем. Между тем евнухов он посыает к вам лишь от случая к случаю, а ваших монахов, священников и кардиналов никогда не лишает детородных членов. Вы скажете, что они даны им самой природой; да, но Он — хозяин природы, и если бы Он признал, что эта часть тела препятствует их спасению, он велел бы отсечь ее, как по древнему закону отсекают крайнюю плоть у евреев. Но все это глупые бредни. Скажите по совести: есть в вашем теле части священные и части мерзкие? Почему грешно тронуть то, что находится посередине, и не грешно прикоснуться к уху или пятке? Потому ли, что становится щекотно? Значит, я не должен мыться в купальне, ибо это располагает к известной неге, а люди благочестивые не должны погружаться в созерцание бога, потому что это доставляет им великое душевное наслаждение? Право же, видя, как ваша религия восстает против природы, как она возражает против всех человеческих радостей, я крайне удивляюсь, что ваше духовенство не считает преступным чесаться только на том основании, что человек чувствует при этом сладостную боль; вместе с тем я замечаю, что дальновидная природа создала всех великих, отважных и умных людей чувствительными к радостям любви, — это подтверждается примером Самсона, Давида, Геракла, Цезаря, Аннибала, Карла Великого; неужели она создала их такими лишь для того, чтобы они взмахом серпа отсекли орган, доставляющий такого рода радости? Увы, природа забралась даже в бочку Диогена, чтобы сорвать его, худого, безобразного и вшивого, и воодушевить на нежные вздохи, обращенные к Лaisse. Природа действовала так, конечно, из опасения, как бы в мире не перевелись порядочные люди. Из этого следует, что ваш родитель обязан был явить вас на свет, и хоть он и воображает, будто сделал вам великое одолжение тем, что, потерявшиесь, создал вас, на самом же деле он подарил не боль-

ше того, что дарит коровам самый заурядный бык по десять раз в день ради собственного удовольствия.

— Напрасно вы распоряжаетесь божественной премудростью, — прервал его тут демон. — Правда, бог воспретил нам злоупотреблять этим удовольствием. Но почем знать, не объясняется ли запрет тем, чтобы трудности, с какими мы преодолеваем влечение, давали нам возможность заслужить славу в случае нашей победы? А может быть, запрет имеет целью только обострить желания? А может быть, бог предвидел, что если молодежь окажется во власти плотского неистовства, то от чересчур частых совокуплений семя ослабеет и потомки первого человека станут свидетелями конца света? А может быть, он опасался, что земля окажется недостаточно плодородной, чтобы прокормить несметные толпы голодных? А может быть, наконец, он пожелал распорядиться так вопреки всякому разуму и только для того, чтобы вознаградить тех, кто, вопреки всякому разуму, поверит его слову?

Ответ этот не удовлетворил, как мне показалось, молодого хозяина, ибо он раза три-четыре покачал головой; но наш общий наставник промолчал, ибо завтраку не терпелось улететь.

Мы разлеглись на мягкие матрацы, застеленные коврами; юноша-слуга пригласил самого пожилого из наших философов и отвел его в отдельную маленькую столовую, а мой демон крикнул философи, чтобы он, как только поест, поскорее возвращался к нам. Мне захотелось узнать, чем объясняется странное желание обедать наедине.

— Он не выносит запаха мяса и даже запаха овощей, если они не умерли сами собою, потому что, по его убеждению, они способны ощущать боль, — последовал ответ.

— Меня не удивляет, что он воздерживается от мяса и от всего того, что наделено чувствительностью, — возразил я, — ведь в нашем мире пифагорейцы и даже некоторые святые отшельники придерживались таких же взглядов, но не сметь, например, разрезать кочан капусты из страха ранить его, кажется мне совершенно нелепым.

— А мне такое мнение представляется весьма убедительным, — отвечал демон. — Ведь согласитесь, капуста, о которой речь, такое же божье создание, как и вы. Ведь у обоих вас отец и мать — бог и его отрицание. Мудрость господня испокон веков печется о зарождении капусты, как и о вашем зарождении. Видимо, Всевышний даже больше заботился о рождении растения, чем разумного существа, раз он предоставил зачатие человека на прихоть отца, который может по своему желанию и зачать и не зачать его; к капусте он отнесся не так сурово; он как бы больше опасался за гибель потомства капусты, чем человека, и, оставляя зачатие ребенка на усмотрение отца, капусту он заставляет, хочет ли она того или нет, порождать себе подобную; иное дело люди, которые продолжают род по собственному желанию и могут породить самое большее около двадцати потомков, в то время как кочан капусты может дать четыреста тысяч. Сказать же, что Богу человек дороже капусты, просто умора; будучи чужд всем страстям, он не может ни ненавидеть, ни любить кого-либо; а будь он способен любить, так чувствовал бы нежность скорее к кочну, который вы держите в руках, ибо капуста не оскорбит его, а не к человеку, оскорблений коего у него перед глазами и который хотел бы уничтожить его, если бы мог. Добавьте к этому, что человек, будучи потомком первого преступника, уже самим рождением своим совершает преступление; а мы хорошо знаем, что первый кочан не оскорбил своего Создателя в Земном раю.

Нам говорят, что мы, а не капуста, созданы по подобию Верховного существа. Если так, то, осквернив нашу душу, которую мы походим на него, мы это сходство стерли, — ведь для Бога нет ничего противнее греха. Если же душа наша перестала быть его подобием, то мы не похожи на него ни ногами, ни руками, ни ртом, ни ушами, ни челом, как не похожа на него капуста листьями, цветами, стеблем, кочерыжкой и всем своим обликом. Не думаете же вы, в самом деле, что, если бы бедная капуста могла молвить что-нибудь, когда ее начнут резать, она восклик-

нула бы: «Человек, любезный брат мой, чем я обидела тебя, чтобы заслужить смерть? Я расту только в огородах и никогда не скрываюсь в диких местах, хотя там я и могла бы расти в безопасности; я не хочу быть созданием иных рук, кроме твоих, и едва ты посеешь меня, как я выражая тебе свое благоволение, расцветаю, протягиваю к тебе руки, дарю тебе своих детей в зернышках, а в воздаяние моей любезности ты приказываешь отрубить мне голову!»

Вот что сказала бы капуста, умей она выражать свои чувства. И что же, только потому, что она не умеет жаловаться, мы вольны причинять ей зло, которое она не в силах пресечь? Если мне попадется связанный человек, разве я могу безнаказанно убить его лишь потому, что у него нет возможности защищаться? Наоборот, его беспомощность только усугубит мою жестокость, ибо, как бы это жалкое существо ни было бедно и лишено всех наших преимуществ, оно все же не заслуживает смерти. Как же так? Из всех благ существования, у него только одно — произрастание, — и мы отнимаем у него это благо! Срезать кочан и отнять у него жизнь — худший грех, чем уничтожить человека, потому что в один прекрасный день человек возродится, а капуста на это уповать не может. Убивая капусту, вы уничтожаете ее душу, убивая же человека вы только перемещаете ее. Скажу более того: раз богу, отцу всего сущего, одинаково дороги все его создания, то разумно предполагать, что он поровну распределил свои благодеяния между нами и растениями и что справедливо будет относиться к ним так же, как и к нам самим. Правда, мы родились раньше, но в семье господней нет права первородства, и если капуста не получила, в отличие от нас, дара бессмертия, то она вознаграждена каким-нибудь другим благом, величие которого искупаает его быстротечность; быть может, благо это — всеобъемлющий разум, совершенное познание всего сущего в его первопричинах, и, быть может, именно поэтому мудрый Создатель не дал растениям органов подобно нашим, а дал всего лишь простое, слабое и подчас обманчивое разумение, наделив их зато более

сложными, могучими, многочисленными органами, служащими им для сокровенных бесед. Вы спросите, пожалуй, какими же своими великими мыслями они поделились с нами? А скажите, какие истины открыли вам ангелы? Между ограниченными способностями человека и возможностями небесных созданий нет ни взаимодействий, ни гармонии, ни связи, поэтому, сколько бы эта духовная капуста ни старалась разъяснить нам сверхъестественные причины различных чудесных явлений, мы не постигли бы их за отсутствием чувств, способных воспринять столь возвышенные вещи.

Величайший из всех философов — Моисей, черпавший знания о природе в источнике самой природы, установил эту истину, когда говорил о Древе науки, и этой загадкой он, несомненно, хотел сказать, что, в отличие от нас, растения владеют совершенной философией. Помните же, высокомернейшие из животных, что если капуста молчит, когда вы отрезаете ей голову, то это еще не значит, что она ничего не думает. Но у бедного растения нет голоса, чтобы вопить, подобно вам, ни чтобы лепетать и плакать, зато есть такой, которым оно призывает на вас отмщение небес. Если же, наконец, вы спросите меня, откуда мне известно, что у капусты появляются столь прекрасные мысли, я спрошу у вас: а откуда вы знаете, что их нет и что, подобно вам, один кочан не говорит другому, свертываясь к вечеру: «Честь имею пожелать вам спокойной ночи, глубокоуважаемый господин Кочан».

Так говорил он, когда юный служитель, проводивший нашего философа в столовую, привел его обратно.

— Как? Уже пообедали? — воскликнул мой демон.

Философ ответил, что пообедал, оставился только десерт, но физионом позволил ему попробовать нашего. Молодой хозяин разъяснил эту загадку, не дожидаясь моего вопроса:

— Вижу, что такой образ действий удивляет вас. Должен сказать, что, хотя в вашем мире и относятся к здоро-

вью легкомысленно, все же вам не следует пренебрегать нашими порядками.

В каждом доме здесь есть физионом, получающий жалованье от государства; он нечто вроде врача, с той разницей, что руководит только здоровыми и пользует нас лишь сообразно с пропорциями, симметрией и внешним видом нашего тела, с чертами лица, цветом и мягкостью кожи, подвижностью членов, звуком голоса, оттенком, густотой и жесткостью волос. Вы, вероятно, заметили тут невысокого человека, который внимательно присматривался к вам? Это здешний физионом. Будьте уверены, что он изучил вашу комплекцию и на этом основании внес поправки в испарения вашего обеда. Обратите внимание, как далеко от наших матрацев расположен тот, на котором лежите вы; физионом, видимо, понял, что ваш темперамент сильно отличается от нашего, и поэтому побоялся, как бы запах, выделяющийся из дырочек вашего носа, не донесся до нас или от наших носов — до вас. Вот увидите — вечером он так же тщательно будет подбирать цветы для вашего ложа.

Во время этой речи я делал знаки хозяину, чтобы он навел философов на обсуждение какого-нибудь вопроса их науки. Он так благоволил ко мне, что тут же выполнил мою просьбу. Не стану передавать вам ни речей, ни молений, которые привели к исполнению моего желания, ни переходов от шутливого к серьезному в речах философов, ибо оттенки эти были столь неуловимы, что передать их нет никакой возможности. Как бы то ни было, читатель, но философ, пришедший последним, между прочим, сказал следующее:

— Мне остается только доказать, что в бесконечном мире заключаются бесконечные миры. Представьте себе Вселенную в виде огромного животного; представьте себе, что звезды, являющиеся мирами, пребывают в этом огромном животном тоже как огромные животные, служащие, в свою очередь, мирами для различных народов, вроде нас с нашими лошадьми и т. п., а мы точно так же представляем собою миры по отношению к неким животным, кото-

рые неизмеримо меньше нас, как-то: некоторые черви, вши, клещи; представьте себе, что эти последние являются землей для других, еще меньших, и поскольку каждый из них кажется какому-нибудь народцу огромным миром, быть может, наша плоть, кровь, ум не что иное, как соединение крошечных существ, которые разговаривают между собою, приводят, двигаясь, в движение наши тела и, слепо позволяя нашей воле, служащей для них возницей, переносить их с места на место, сами ведут нас куда-то и сообща творят то, что мы именуем Жизнью.

Согласитесь сами: разве трудно допустить, что вошь принимает ваше тело за мир и что, когда одна из них проползла от одного вашего уха к другому, товарки ее говорят, что она совершила путешествие на край света или прошла от полюса до полюса. И, конечно, этот крохотный народец принимает ваши волосы за леса, поры, наполненные флегмой, за источники, прыщи — за пруды и озера, нарывы — за моря, сопли — за потопы, а когда вы, причесываясь, откидываете волосы со стороны на сторону, это движение кажется им приливом и отливом моря.

Слова мои подтверждаются тем, что мы иной раз ощущаем зуд. Клещ, вызывающий его, не что иное, как крошечное насекомое, которое оторвалось от гражданского общества и превратилось в тирана своей страны. Если вы спросите: почему они больших размеров, чем остальные насекомые, я отвечу вам вопросом: а почему слоны крупнее нас, а ирландцы крупнее испанцев? Что же касается волдырей и коросты, неизвестно как появляющихся на теле, то они, вероятно, порождаются гниением трупов врагов, убитых этими крохотными гигантами, или же чумой, вызванной отбросами пищи, которою до отвала нажрались восставшие; а может быть, тиран, изгнав всех своих соратников, которые телами своими закупоривали поры нашей кожи, тем самым дал выход флегме, а она, будучи ист оргнутой из нашего кровообращения, стала разлагаться. Меня, пожалуй, спросят, почему клещ производит такое большое потомство? Понять это не трудно, ибо, подобно тому как бунт влечет за

собою другой бунт, так и эти крохотные племена, следя дурному примеру восставших, стремятся к господству, всюду распространяя войну, убийства и голод. «Но, — скажете вы, — не все люди одинаково подвержены зуду. Между тем все в равной степени полны этих крошечных существ, поскольку именно они, говорите вы, создают жизнь». Это верно; но мы наблюдаем, что флегматики менее подвержены чесотке, чем желчные, ибо насекомые находятся в зависимости от климата, в котором живут; они медлительнее в холодном теле; а насекомые, живущие в теплом теле, сами разогреваются, шевелятся, копошатся и не могут устоять на месте. Поэтому желчный человек нежнее флегматика, ибо он разгорячен во многих частях тела, а поскольку душа представляет собою деятельность этих крохотных существ, такой человек сразу чувствует, где бы эти существа ни зашевелились; флегматик же недостаточно горяч, чтобы вызывать повсеместное копошение этого народа, и поэтому чувствует его движение лишь в немногих местах.

Чтобы убедиться в повсеместном наличии этих насекомых, достаточно взглянуть, как кровь приливает к ране. У вас врачи говорят, что предусмотрительная природа направляет кровь на помощь пострадавшей части тела, но это чепуха; это значило бы, что, помимо души и ума, в нас есть еще третья духовная субстанция с особыми функциями и органами. Поэтому мне кажется гораздо вероятнее, что, почувствовав опасность, эти крохотные существа обращаются за помощью к соседям, и те сбегаются со всех сторон, местность же оказывается тесной для такого количества народа, и они умирают как от голода, так и в давке, от удушья. Гибель наступает тогда, когда нарвъ созреет; отмершая ткань становится нечувствительной, и это доказывает, что животные задохлись; кровопускание, которое прописывают, чтобы предупредить воспаление, часто приносит пользу, ибо множество крохотных существ погибает, выходя из отверстия, которое они хотели закупорить, и отказываются помочь союзникам, а сил, чтобы защищаться порознь, каждый у себя, у них недостаточно.

Когда он умолк, другой философ заметил, что наши взоры обращены к нему и просят его также высказаться.

— Мужи, — сказал он, — я вижу, что вам хочется сообщить этому зверьку, так похожему на нас, кое-что из той науки, которою мы занимаемся; в настоящее время я диктую «Трактат», который рад бы ему предложить ввиду того, что труд мой проливает свет на нашу природу; в нем дается объяснение изначального происхождения мира. Но сейчас я занят раздуванием мехов, ибо завтра город отбывает; потерпите некоторое время, а я обещаю, что, как только город прибудет куда следует, я удовлетворю ваше любопытство.

Тут хозяйствский сын позвал отца, чтобы узнать, который час, а получив ответ, что уже пробило восемь, он сердито спросил, почему же отец не предупредил их, когда было семь, как он ему велел; ведь старик знает, что завтра дома выезжают, а городские стены уже отбыли.

— Сын мой, — ответил добряк, — пока вы сидели за столом, вышло объявление, что запрещается кому бы то ни было ехать ранее послезавтрака.

— Все равно, — возразил юноша, — вы должны слепо выполнять, что вам приказано, не рассуждать, а только помнить то, что я вам приказал. Несите сюда поживее ваше изображение.

Когда изображение было принесено, юноша схватил его за руку и стегал по меньшей мере четверть часа.

— Кроме того, бездельник, — продолжал он, — я же-лаю, чтобы в наказание вы сегодня служили для всех по-смешишем, а потому приказываю вам до вечера ходить только на двух ногах.

Бедный старик удалился весьма огорченный, а сын его продолжил:

— Прошу вас, господа, извинить проделку этого со-рванца; я рассчитывал сделать из него что-то путное, но он только злоупотребил моей добротой. Этот мошенник, видно, послан мне в наказание, он уже несколько раз до-водил меня до того, что я готов был его проклясть.

Наблюдая этот мир наизнанку, я кусал себе губы, чтобы не расхохотаться; надеясь положить конец шутовской педагогике, от которой я под конец неминуемо прыснул бы со смеху, я попросил юношу разъяснить, что он имеет в виду, говоря, что город отправится в путешествие; действительно ли дома и стены могут здесь передвигаться? Он отвечал:

— Среди наших городов, любезный чужеземец, есть и передвигающиеся и неподвижные. Передвигающиеся, как, например, тот, в котором мы находимся, устроен следующим образом. Зодчие строят дворцы, как видите, из самого легкого дерева, внизу они ставят четыре колеса; в толщу стены помещают десять больших мехов, трубы коих тянутся по горизонтальной линии сквозь верхний этаж от щипца к щипцу; когда хотят увезти город в другое место (ибо их в каждое время года переводят в другую местность на свежий воздух), жители развертывают с одной стороны своего жилища, перед мехами, множество широких парусов; потом заводится пружина, которая приводит мехи в действие; ветряные чудовища без конца изрыгают порывы ветра, и меньше чем за неделю дома переносятся на расстояние в тысячу лье.

Что касается так называемых неподвижных домов, то в них жилье похоже на ваши башни, с той только разницей, что они деревянные и что по самой середине их, от подвала до крыши, проходит толстый крепкий винт, чтобы можно было по желанию поднимать их и опускать. Фундамент под ними равен высоте здания, и все построено таким образом, что, как только небо начинает тускнеть от морозов, можно опустить дом под землю, где он недосыгаем для непогоды. Но едва лишь повеет весенним теплом, дома снова выходят на свет при помощи толстого винта, о котором я говорил.

Я попросил его в довершение любезности и принимая во внимание, что город выедет только на другой день, сказать мне кое-что об изначальном происхождении мира, о чем он вскользь упомянул.

— Обещаю, — сказал я, — что в благодарность за это, как только я вернусь на Луну, с которой прибыл, — а это подтвердит мой наставник (тут я указал на демона), — я буду славить вас, распространяя повсюду те прекрасные истины, которые вы мне поведаете. Вижу, что обещание мое вызывает у вас улыбку, ибо вам не верится, что Луна, о которой я говорю, — мир и что я его обитатель; могу вас только уверить, что народы того мира тоже считают ваш мир всего лишь Луною и что они будут смеяться надо мною, когда я стану уверять, что ваша Луна — мир и что там есть селения и жители.

В ответ он только улыбнулся, потом сказал:

— Когда мы хотим проникнуть в происхождение великого целого, нам поневоле приходится мириться с тре-мя-четырьмя нелепостями; поэтому разумнее всего избрать такой путь, который позволит нам поменьше спотыкаться. Первое препятствие, задерживающее нас, это вечность Вселенной; человеческий ум недостаточно силен, чтобы постигнуть вечность, и в то же время не в состоянии представить себе, что великая Вселенная, столь прекрасная, столь уравновешенная, могла возникнуть сама собою; поэтому люди прибегают к помощи Создателя. Но подобно человеку, который спрятался бы от дождя в реку, они, спасаясь от карлика, отдают себя на милость великана. Однако и это их не спасает, ибо вечность, которую они не признают за мирозданием, ибо не в силах ее постигнуть, они приписывают богу, словно он нуждается в таком подарке и словно легче представить себе вечность в отношении бога, чем в отношении Вселенной. Та нелепость или тот великан, о которых я говорил, и есть Творение, ибо скажите на милость, можно ли себе представить, чтобы из ничего было создано нечто? Увы, между «ничто» и хотя бы атомом такое бесконечное множество градаций, что и самому острому уму не проникнуть в них; чтобы выйти из необъяснимого лабиринта, надо допустить наличие наравне с богом вечной материи (а тогда нет надобности в понятии бога, поскольку мир мог бы возникнуть и без него).

Но, возразите вы, даже если допустить наличие вечной материи, как же мог хаос сам собою организоваться? Что ж, сейчас я вам это объясню.

Нужно, милая моя скотинка, мысленно разделить каждое видимое крошечное тело на бесконечное множество невидимых, а затем представить себе, что бесконечная Вселенная и состоит из этих бесконечных атомов, — весьма прочных, весьма простых и в то же время нетленных, из коих одни — кубической формы, другие — параллелограммы, трети — прямоугольные, а там — круглые, заостренные, пирамидальные, шестиугольные, овальные — и все действуют по-разному, соответственно своим очертаниям. В этом можно убедиться, поставив шар из слоновой кости на гладкую поверхность: при малейшем толчке он несколько минут будет безостановочно вертеться. Добавим к этому, что если бы шар был столь же безупречно кругл, как круглы атомы, о которых я говорю, а поверхность, на которой он помещается, была бы безупречно ровна, то шар так и не остановился бы. А если мастерство в силах придать тому или иному телу вечное движение, то почему же думать, что этого не может сделать природа? То же следует сказать и о прочих фигурах, из коих одна — квадрат — требует вечного покоя, другие — бокового движения, трети — половинчатого, каково колебание, а круглое тело, к нему от начала свойственно движение, соединяясь с пирамидой, образует, быть может, то, что мы именуем «огнем», ибо огонь не только без устали движется, но и легко все пронизывает и всюду проникает.

Огонь производит и другие действия в зависимости от величины и свойств углов, под которыми он сталкивается с другими формами, в том числе с круглой, — так, например, огонь перца иной, чем огонь сахара, огонь сахара иной, чем корицы, огонь последней отличается от огня гвоздики для маринада, а ее огонь — совершенно другой, чем в вязанке хвороста. Между тем огонь, будучи создателем отдельных частей и Вселенной как Целого, вырастил и сосредоточил в дубе множество форм, необходимых для того,

чтобы образовалось это дерево. Но, скажете вы мне, как же могла случайность собрать в одно место все необходимое для образования дуба? Отвечаю: нет ничего удивительного в том, что расположенная соответствующим образом материя образовала дуб, куда удивительнее было бы, если бы расположенная так материя не образовала его. Будь определенных форм немного меньше, получился бы вяз, или тополь, или ива, будь поменьше других — образовалась бы мимоза, устрица, червь, муха, лягушка, воробей, обезьяна, человек. Когда вы бросаете на стол три игральные кости и все они показывают по два, три, четыре или пять очков или две — по шесть, а третья — одно, то разве вы восклицаете: «Что за чудо!» Все три кости показали одно и то же количество очков, а сколько могло выпасть и других! Великое чудо! Вышли три очка два раза подряд. Великое чудо! Вышло два раза по шести, а третья кость легла шестеркой вниз! Уверен, что, будучи человеком умным, вы никогда так не воскликнете, ибо поскольку на костях имеется только определенное количество очков, то никак невозможно, чтобы какие-нибудь из них не вышли.

А вы еще удивляетесь, каким образом перемешанная волею случая материя могла сотворить человека, принимая во внимание, что для его образования требовалось так много различных элементов. Разве вы не знаете, что на пути создания человека материя миллион раз останавливалась, чтобы образовать то камень, то свинец, то коралл, то цветок, то комету, и именно потому, что для создания человека требовались одни элементы, а другие были не нужны? Поэтому не удивительно, что среди несметного множества веществ, беспрестанно видоизменяющихся и движущихся, столкнулись такие, какие требовались для создания тех немногих животных, растений и минералов, которые нам известны. Как нельзя удивляться тому, что из сотни ходов игральными костями окажется один, когда выкинется равное количество очков, так совершенно невозможно, чтобы из непрестанного движения не возникло что-либо, но это нечто всегда будет изумлять простофилю,

которому будет невдомек, какой малости требовалось, чтобы оно не возникло никогда. Вот полноводная река вертит мельничные жернова и приводит в движение водяные часы, а маленький ручеек просто бежит, порою даже скрывшись в траве, но вы никак не скажете, что река умная, ибо она встретила на своем пути столь отменные сооружения. Ведь если бы мельница не оказалась в ее русле, она бы не молотила пшеницу; не повстречай река часы, они не указывали бы время, а если бы мельницу и часы повстречал ручеек, о котором я говорил, то он совершил бы те же чудеса. Так же обстоит дело и с огнем, который движется сам собою, ибо, найдя органы, способные к колебанию, необходимому, чтобы рассуждать, он и рассуждает; если он нашел органы, способные только чувствовать, он чувствует, если нашел только способные произрастать, то произрастает. А чтобы убедиться, что это именно так, пусть выколют человеку глаза, которые видят благодаря огню его души, и он перестанет видеть, как и наши водяные часы перестанут показывать время, если приостановят их движение.

Словом, эти первичные, неделимые атомы составляют круг, по которому без труда катятся труднейшие проблемы физики. Взять хотя бы механизм чувств, еще никем не разгаданный. Начнем со зрения, — оно самое непостижимое, поэтому заслуживает быть обсужденным в первую очередь.

Зрение возникает, думается мне, когда оболочки глаз, отверстия коих подобны отверстиям в стекле, выделяют огненную пыль, именуемую зрительными лучами, и когда эту пыль останавливает какое-либо непрозрачное тело, которое отражает ее обратно; пыль встречается с образом предмета, отражающего ее, а образ этот — не что иное, как бесчисленное множество крошечных телец, которые беспрестанно выделяются с поверхности, равной поверхности рассматриваемого предмета. Вы не преминете возразить, что стекло — тело твердое и очень плотное, каким же образом оно не только не отбрасывает другие маленькие тельца, а, наоборот, они пронизывают его. На это я отвечу, что

поры в стекле высечены по той же форме, как и атомы огня, пронизывающие стекло, и что подобно тому, как сито для пшеницы непригодно для овса, а сито для овса непригодно для пшеницы, так и еловый ящик, хотя бы и очень тонкий и пропускающий звук, все же непроницаем для зрения, в то время как хрустальный сосуд, хоть и прозрачен и виден насквозь, все же непроницаем для пальца.

Тут я не удержался и прервал его.

— Один великий поэт и мыслитель нашего мира тоже говорил об этих частицах, — сказал я, — а еще до него упоминал о них Эпикур, а до Эпикура — Демокрит; поэтому ваши слова ничуть не удивляют меня, но объясните, прошу вас, как на основе этих принципов толкуете вы нашу способность видеть себя в зеркале?

— Очень просто, — отвечал он. — Представьте себе, что огоньки из ваших глаз проникли сквозь зеркало и встретили за ним непрозрачное тело, которое отбросило их обратно; они следуют тем же путем и, встречая маленькие частицы, вышедшие из вашего глаза и шествующие по поверхности стекла, возвращают их глазам, а воображение — самая горячая способность нашей души — вбирает в себя тончайшие из них и создает себе образ в уменьшенном виде.

Так же нетрудно понять и механизм слуха; для краткости ограничимся звуками лютни, тронутой рукою музыканта.

Вы спросите, как получается, что я замечаю нечто, расположенное далеко от меня и вне поля моего зрения? Разве из ушей моих торчат губки и впитывают музыку, чтобы затем передать ее мне? А может быть, музыкант порождает у меня в голове другого, крошечного, лютника, которому приказано напевать, как эхо, те же мелодии? Нет. Чудо это происходит оттого, что задетая струна ударяет по тельцам, образующим воздух, и гонит воздух в мозг, нежно пронизывая его этими крохотными материальными частицами; если струна сильно натянута, звук получается громкий, ибо она гонит атомы с большей силой, а мозг, пронизанный ими, подает фантазии материал для создания соответ-

ствующей картины; если струна натянута слабо, то порою случается так, что наша память не успевает закончить картину, и тогда нам приходится повторить тот же звук, дабы материала, который доставляется памяти, — скажем, ритмом сарабанды, — было достаточно для завершения обра-за этой мелодии.

Но этот процесс далеко не так чудесен, как многие дру-гие, например, те, в итоге которых, при помощи того же органа, нас охватывает волнение то радостное, то гневное. Происходит это в тех случаях, когда движущиеся тельца сталкиваются в нас с другими тельцами, находящимися в таком же движении, или такими тельцами, которые по форме своей способны воспринимать такие же колебания, ибо тогда пришельцы вынуждают хозяев двигаться так же, как двигаются они сами. Таким образом, когда бурная ме-лодия сталкивается с огнем нашей крови, она вызывает в нем колебания, подобные своим, и побуждает его рвать-ся наружу: получается то, что мы называем «пылом отва-ги». Если же звук нежнее и в силах вызвать пламя лишь меньших размеров, то, прикасаясь к мускулам, перепон-кам и порам нашего тела, он вызывает ту щекотку, что мы именуем «радостью». То же происходит с возбуждением и других наших страстей; они зависят от того, насколько сильно бросаются на нас эти тельца, какое они получают направление, столкнувшись с другими тельцами, и какие движения они вызывают в нас самих. Вот что можно ска-зать о слухе.

Теперь уже нетрудно доказать то же по отношению к осязанию, если иметь в виду, что всякая осязаемая мате-рия беспрестанно выделяет маленькие тельца и что по мере того, как мы к ней прикасаемся, этих телец испаряется все больше, ибо мы выдавливаем их из самого предмета, слов-но воду из губки, когда сжимаем ее. Твердые предметы го-ворят нашим органам о своей твердости, мягкие — о мяг-кости, шершавые — о шершавости и т. д. А подтверждает-ся это тем, что руки становятся у нас менее чувствительны, если они заскорузли от работы, ибо толстая мозолистая

кожа, будучи лишена пор и жизни, еле-еле передает излучение материи. Кому-нибудь, пожалуй, захочется узнать, где же обретается орган осязания. Думаю, что он расположен по всей поверхности кожи, ибо она чувствительна всюду. Полагаю, однако, что чем ближе к голове часть тела, которую мы касаемся чего-либо, тем скорее получаем мы соответствующее ощущение; доказательством этому служит то, что если мы, закрыв глаза, скользим по какому-нибудь предмету рукою, то мы легко узнаем его очертания, если же касаемся ногою, то узнать предмет гораздо труднее. Происходит это оттого, что наша кожа испещрена отверстиями, а из-за этого нервы, тоже не особенно плотные, теряют значительное количество телец сквозь отверстия своей ткани, прежде чем тельца доберутся до мозга, который является конечной целью их путешествия.

Мне остается добавить только несколько слов о вкусе и обонянии. Скажите: когда я отведываю какого-нибудь плода, не оттого ли он тает, что я прикасаюсь к нему теплыми губами? Согласитесь в таком случае, что, поскольку в группе содержатся соли, они, растворившись, распадаются на множество телец; а так как эти тельца наделены иной формой, чем те, которые придают вкус яблоку, то, следовательно, они проникают в наше нёбо совершенно другим способом; точно так же, как боль от раны, нанесенной острием клинка, не похожа на боль, причиненную пистолетной пулей, а последняя причиняет совершенно иную боль, чем стальная стрела четырехгранного сечения.

Насчет обоняния мне сказать нечего, раз сами философы признают, что оно связано с беспрестанным выделением крошечных телец.

На основе этого принципа я объясню вам образование, гармонию и влияние небесных тел, а также незыблемое разнообразие метеоров.

Он собирался продолжать, но тут вошел старый хозяин, и наш философ вспомнил, что пора отправиться на покой. Старик внес сосуды со светлячками, чтобы осветить комнату; но огоньки их со временем сильно тускнеют,

а этих собрали уже дней десять тому назад, так что они почти не давали света.

Мой демон не мог допустить, чтобы компания терпела такое неудобство; он поспешил в свою комнату и тотчас же вернулся, неся два сосуда со столь ярким огнем, что все удивились, как это он не опалил себе руки.

— Эти неугасимые светочки послужат нам лучше, чем светлячки. Тут солнечные лучи; я очистил их от жара, иначе жгучая сила их огня испортила бы вам зрение и вы ослепли бы; свет я выделил и заключил в прозрачные шары, которые у меня в руках. Вам не следует особенно дивиться этому, ибо мне, родившемуся на Солнце, так же легко со средоточить эти лучи, которые не что иное, как пыль того мира, как вам — собрать пыль или атомы, представляющие собою измельченную в порошок пыль этого мира.

Тут хозяин велел слуге проводить философов; уже совсем стемнело, поэтому слуга взял с собою дюжину сосудов со светлячками, которые он привязал к своим четырем ногам. Что же касается остальных гостей (то есть моего наставника и меня), то мы улеглись, когда приказал физионом.

На этот раз он поместил меня в комнату, полную фиалок и лилий, и велел, по обыкновению, пощекотать меня. А на другое утро, часов в девять, ко мне вошел мой демон; он сказал, что только что вернулся из дворца, куда его прошила приехать З., одна из дочек королевы; она справилась обо мне и подтвердила, что намерена сдержать слово, то есть что охотно последует за мною, если я пожелаю взять ее в другой мир.

— Особенно удивился я, — продолжал он, — когда узнал, что главная причина, побуждающая ее к этому путешествию, — желание стать христианкой. Поэтому я обещал ей всеми силами содействовать ее намерению и придумать какую-нибудь машину, которая могла бы поднять три-четыре человека и в которую вы могли бы сесть хоть сегодня. Я серьезно займусь осуществлением этого замысла, а чтобы вы не скучали в мое отсутствие, вот вам для развлечения книга. Я некогда привез ее с родины, она на-

зывается «Государства и империи Солнца» с прибавлением «Истории искры». Оставляю вам, кроме того, книгу, которую я ценю еще выше, — это «Философский камень». Она написана одним из величайших умов Солнца. Мудрец утверждает, что все — истинно, и открывает способ физически соединять противоположные истины, например доказывать, что белое есть черное, а черное есть белое; что можно в одно и то же время присутствовать и отсутствовать; что гора может существовать независимо от долины; что небытие представляет собою нечто, а что все существующее — не существует. И заметьте, что он доказывает все эти неслыханные парадоксы, не прибегая к каким-либо хитроумным софистическим рассуждениям. Если вам надоест чтение, можете погулять или побеседовать с сыном хозяина; у него очаровательный ум, одно только мне не нравится, — что он безбожник. Если он возмутит вас своими рассуждениями или поколеблет веру, непременно расскажите мне, и я разрешу все ваши недоумения. Другой приказал бы вам сразу же порвать отношения с человеком, который философствует на такого рода темы, но так как молодой человек чрезвычайно самоуверен, есть опасность, что он вообразит, будто вы отдалились от него потому, что он нанес вам сокрушительное поражение, и станет думать, что наша вера лишена каких-либо оснований, раз вы боитесь выслушивать его доводы. Стремитесь быть свободным.

Тут он расстался со мною, ибо эти слова равносильны нашему «до свиданья», а при встрече здесь вместо «здравствуйте» или «добро пожаловать» говорят: «Люби меня, мудрец, потому что и я тебя люблю». Но едва демон вышел, я принялся рассматривать книги и их оболочку, иначе говоря, переплеты, и они поразили меня своим великолепием; один из них был выточен из цельного алмаза, куда более блестящего, чем наши, второй казался чудовищной жемчужиной, расколотой надвое. Мой демон перевел эти книги, но у меня нет этих изданий, поэтому с их особенностями я познакомлю вас на словах.

Сняв футляр, я нашел в нем нечто металлическое, напоминающее наши стенные часы и наполненное какими-то пружинами и едва видимыми механизмами. На самом деле это книга, но книга чудесная, без страниц и букв; словом, книга, для чтения которой не требуется зрения, нужны только уши. Желающий почитать книгу, заводит с помощью множества ключиков механизм, поворачивает стрелку на ту главу, которую он хочет услышать, и тотчас же из книги, как из человеческого горла или из музыкального инструмента, начинают раздаваться разнообразные отчетливые звуки, служащие обитателям Луны для выражения мыслей и чувств.

Позже, когда я поразмыслил над этим чудесным изобретением, я перестал удивляться тому, что тамошние шестнадцати-восемнадцатилетние юноши обладают большими познаниями, чем наши седовласые бородачи, ибо обитатели Луны, научившись чтению одновременно с речью, читают беспрестанно: в комнатах, в городе, на прогулке, в дороге — всюду они могут иметь при себе, в кармане или привязанными на кушак, томов тридцать, и им стоит только завести пружину, чтобы прочесть отдельную главу или, если они в настроении, всю книгу. Таким образом, возле вас неотлучно находятся все великие умы как живые, так и усопшие, и все они сами разговаривают с вами. Подарком я занимался больше часа; наконец я подвесил книги к ушам в виде сережек и отправился гулять; но не успел я дойти до перекрестка, как встретил довольно многочисленную группу опечаленных людей.

Четверо из них несли на плечах нечто вроде гроба, запеленатого в черное. Я осведомился у одного из зевак, что означает это шествие, весьма похожее на погребальные процесии у меня на родине. Он мне разъяснил, что накануне умер В., дурной человек, изобличенный в зависти и неблагодарности и заклейменный народом посредством щелчка в правое колено; лет двадцать тому назад суд приговорил его к естественной смерти в собственной постели и к последующему погребению. Услышав

такой ответ, я расхохотался, а человек спросил, чем вызван мой смех.

— Меня крайне удивляет, — отвечал я, — что долголетие, тихая кончина, торжественные похороны — все, что считается у нас благом, в вашем мире превращено в назидательное наказание.

— Как? Вы считаете похороны знаком благоволения? — воскликнул мой собеседник. — Неужели, по-вашему, может быть что-нибудь ужаснее мертвого тела, которое шевелится от кишащих в нем червей и отдано на съедение жабам, которые гложут его щеки, — словом, что-нибудь ужаснее чумы, облеченной в человеческое тело? Боже, у меня захватывает дыхание от одной только мысли, что, — пусть даже у мертвого, — лицо мое будет закрыто простирающей, а над ним ляжет толстый слой земли. Мало того что этого несчастного приговорили к позорному погребению в могиле, — по решению суда на его погребальной процесии должны присутствовать пятьдесят его друзей, друзьям же в наказание за то, что они любили человека завистливо-го и неблагодарного, приказано идти за гробом с печальным видом. А будь судьи безжалостными и не припиши они его преступления отчасти скудости его ума, так друзьям было бы приказано плакать навзрыд. Здесь всех, за исключением преступников, сжигают; это очень благопристойный и разумный обычай, ибо мы верим, что огонь отделит чистое от нечистого, а жар соберет по симпатии естественный жар, составлявший душу, и придаст ей силу беспрестанно подниматься, пока она не достигнет какого-нибудь светила, населенного некими народами, менее материальными, чем мы, зато более духовными, ибо их природа должна соответствовать и содействовать чистоте обитаемого ими небесного тела; мы верим также, что животворное пламя, еще улучшенное благодаря совершенству элементов того светила, создаст нового гражданина пылающего мира.

Но у нас есть способ погребения еще лучше. Если какой-нибудь философ, достигнув известного возраста, начинает чувствовать, что ум его слабеет и застывают чувства,

он сзывает друзей на роскошный пир; изложив им причины, по которым он решил расстаться с природой, и пояснив, что у него уже нет надежды добавить что-либо к своим похвальным деяниям, он ждет их приговора, и ему либо оказывают милость, то есть приказывают лишить себя жизни, либо строго-настрого повелевают жить. Если большинством голосов ему предоставляют право покончить с собою, то он извещает самых близких друзей о времени и месте своей смерти; те очищаются и в течение суток воздерживаются от еды, потом, явившись в дом мудреца и принеся жертвоприношение Солнцу, они входят в комнату, где мудрец ожидает их на торжественном ложе. Каждый подходит к нему и целует; когда очередь доходит до самого любимого друга, мудрец, нежно обняв его, прижимает к груди и, прильнув устами к его устам, правой рукой вонзает себе в сердце кинжал. Любимец не прерывает лобзания, пока не почувствует, что друг его при смерти; тогда он извлекает клинок из его груди и, прильнув губами к ране, высасывает и пьет его кровь, за ним подходит следующий, потом третий, четвертый и так все собравшиеся; часа три-четыре спустя для каждого из друзей вводят девушку лет шестнадцати — семнадцати и три-четыре дня, пока друзья наслаждаются радостями любви, они пытаются исключительно лишь мясом покойника, которое им подают в сыром виде, чтобы, в случае, если из сотни объятий родится нечто, они были уверены, что это возродился их друг.

Я прервал эту речь, сказав, что такой образ действий весьма похож на обычай некоторых народов нашего мира; затем я продолжал прогулку, и она так затянулась, что, когда я возвратился, оказалось, что уже целых два часа, как обед готов. Меня спросили, чем вызвано такое опоздание.

— Я не виноват, — сказал я повару, который сетовал на меня, — я несколько раз спрашивал у прохожих: который час? А в ответ они только разевали рот, сжимали зубы и воротили лицо на сторону.

— Так вы не поняли, что тем самым вам отвечали, который час! — послышалось со всех сторон.

— Клянусь честью, — возразил я, — сколько бы они ни повертывали свои длинные носы к Солнцу, я не понял бы, что так они отвечают на мой вопрос.

— Это большое удобство, позволяющее им обходиться без часов, — пояснили мне. — Их зубы представляют собою точнейший циферблат, поэтому, чтобы ответить на вопрос, который час, они просто приоткрывают рот, и тень от носа, падая на зубы, указывает, как на циферблете, точное время. Если же хотите знать, почему здесь у всех длинные носы, то вот вам ответ: как только женщина родит ребенка, повивальная бабка несет его к попечителю приюта; в конце года собираются ученые, и если нос ребенка оказывается короче определенной длины, мерка коей хранится у старосты, то ребенка передают людям, которые должны оскопить его. Вы спросите о причинах такого зверства и как может случиться, чтобы у нас, считающих девственность за преступление, совершили насилие над природой? Но мы поступаем так только потому, что за целых тридцать веков убедились, что большой нос — признак остроумия, учтивости, приветливости, благородства, щедрости, маленький же нос свидетельствует о противоположных чертах. Поэтому курносых делают евнухами, ибо Республика предпочитает во все не иметь детей, чем иметь похожих на евнухов.

Он еще продолжал речь, когда к нам вошел совершенно нагой человек. Из уважения к нему я немедленно сел и надел шляпу, ибо там это знаки самого глубокого уважения, какие только можноказать человеку.

— Правительство желает, чтобы вы, когда решите отправиться в свой мир, предупредили бы об этом чиновников, — сказал он, — ибо один из наших математиков недавно обещал Совету притянуть ваш земной шар и соединить его со здешним, при условии, что вы согласитесь, прибыв к себе, построить по его указаниям нужную для этого машину.

Я ответил, что не премину выполнить поручение.

— Скажите, пожалуйста, — попросил я хозяина, когда голыш ушел, — почему к талии этого посланца подвешены бронзовые срамные части?

Я видел это неоднократно и в те дни, когда сидел в клетке, но спрашивать не решался, ибо возле меня всегда находились дочки королевы, и я боялся оскорбить их, затеяв в их присутствии разговор на столь сальную тему.

Последовал такой ответ:

— Наши женщины, как и мужчины, не настолько неблагодарны, чтобы краснеть при виде того, что их создало; девственницам нравится — и они не стыдятся этого — видеть на нас, в память матери-природы, единственную вещь, которая носит ее имя. Знайте, что повязка, которую удостоен этот человек и на которой в виде медали висит изображение мужского члена, представляет собою эмблему дворянства; по этому знаку отличают благородного человека от простолюдина.

Это показалось мне столь диковинным парадоксом, что я не мог удержаться от смеха.

— Такой обычай представляется мне крайне странным, — сказал я, — ибо в нашем мире дворяне отличаются от простонародья тем, что носят шпагу.

Хозяин хладнокровно отвечал:

— Ах ты, человечек! Неужели у вас вельможи столь безрассудны, что хващаются орудием, которое подходит только палачу и создано лишь для разрушения; словом, хващаются тем, что нельзя назвать иначе, как заклятым врагом всего живущего? И неужели они, напротив, скрывают орган, без которого мы не существовали бы, скрывают то, что можно назвать Прометеем каждого животного и неутомимым восстановителем природных сил? Несчастен мир, где считается постыдным то, что напоминает о рождении, а почетно то, что говорит об уничтожении, словно не самое достохвальное — давать жизнь и не самое позорное — лишать ее.

Во время этой речи мы продолжали обедать, а встав из-за стола, отправились в сад подышать свежим воздухом.

Некоторое время мы беседовали о красоте здешних мест и о событиях дня, но меня не покидало благородное желание обратить в нашу веру душу, столь возвышающуюся над толпою; поэтому я принялся уговаривать юношу, чтобы он

не дал погрязнуть в материи блестящему уму, коим его одарило небо, убеждал высвободить из звериных тисков душу, способную созерцать божество, и просил позаботиться о том, чтобы его грядущее бессмертие было сопряжено с радостью, а не со страданием.

— Как? — воскликнул он, прыснув со смеху, — вы воображаете, будто у вас, в отличие от животных, бессмертная душа? Право же, мой старший друг, гордыне вашей один шаг до дерзости! Почему, скажите на милость, считаете вы свою душу бессмертной в ущерб животным? Не потому ли, что человек наделен разумом, а у животного его нет? Прежде всего я этого не считаю и в любое время докажу вам, что животные рассуждают не хуже нас. Но даже если бы разум был исключительно нашим уделом и преимуществом, то следует ли из этого, что бог одарил человека также и бессмертием? Значит, я должен сегодня дать нищему пистоль только потому, что вчера дал ему экю? Вы сами видите несостоятельность этого вывода и что, напротив, справедливости ради, я должен не давать пистоль вчерашнему, а должен дать экю сегодняшнему, раз он ничего не получил от меня накануне. Отсюда следует, любезный друг мой, что бог, в тысячу раз более справедливый, чем мы с вами, не все отдал одним и не совсем обездолил других. Ссылаясь на пример первородства, существующего в вашем мире, в силу коего старший в семье получает почти все отцовское достояние, — значит ссылаться на слабость отцов, которые желаютувековечить род и боятся, как бы он не захирел и не погряз в бедности. Но бог, вообще непогрешимый, никак не мог допустить столь значительной ошибки, не говоря уже о том, что в вечности нет ни прошлого, ни будущего, поэтому у бога младшие ничуть не моложе старших.

Не скрою, что такое рассуждение смущило меня.

— Позвольте оставить эту тему, ибо я недостаточно силен, чтобы возразить вам, — сказал я, — за разрешением этого вопроса я обращусь к нашему общему наставнику.

Я сразу же, не дожидаясь ответа, отправился к мудрому демону и, минуя подробности, изложил ему слышан-

ные мною доводы против бессмертия души; вот что он сказал мне на это:

— Сын мой, этому юному вертопраху хочется убедить вас, что трудно поверить, будто душа человека бессмертна, ибо из этого следует, что бог, именующий себя отцом всех существ, несправедлив, поскольку один вид существ он облагодетельствовал, а прочие осудил на небытие или страдания. Эти доводы, правда, на первый взгляд довольно убедительны. И хотя я мог бы спросить, откуда он знает, что то, что справедливо для нас, справедливо и для бога, откуда он знает, что бог мерит нашим мерилом, откуда он знает, что в наших законах и обычаях, учрежденных с единственной целью смягчить наше жестокосердие, нуждается также и всемогущество божье, — всего этого я спрашивать у него не стану, ибо на сей предмет имеются божественные ответы ваших Отцов Церкви; я ограничусь тем, что поведаю вам одну тайну, никем еще не раскрытую.

Вам известно, сын мой, что из земли возникает дерево, из дерева — поросенок, из поросенка — человек; так не можем же мы думать, что, поскольку все существующее стремится к совершенству, дерево и поросенок надеются стать людьми, ибо человек — совершеннейшее сочетание, лучшее из всего существующего в мире, и он один представляет собою звено между состоянием скотским и ангельским. Что такие метаморфозы имеют место — отрицать невозможно, если только ты не педант, ибо мы видим, что слиновое дерево при помоши жара своих корней, словно ртом, высасывает и переваривает окружающую его траву, что поросенок поедает сливу и превращает ее в часть самого себя, что человек, поедая поросенка, разогревает это мертвое мясо, присоединяет его к себе и возрождает съеденную скотину, придавая ей облик самого благородного существа. Поэтому почтенный первосвященник, которого вы видите облеченного в митру, быть может, был лет шестьдесят тому назад всего лишь пучком травы в моем огороде. Итак, легко предположить, что бог, как единый отец всех этих существ, одинаково всех их любит и что путем такого

метампсихоза (более разумного, чем предложенный пифагорейцами) все, что чувствует, все, что произрастает, пройдет через человека, и тогда настанет день Страшного суда, к коему сводятся все тайны философии пророков.

Очень довольный полученным разъяснением, я вернулся в сад и принялся излагать противнику все, чему научил меня наш наставник, но тут явился физионом и повел нас ужинать, а потом — спать.

На другой день я, едва проснувшись, отправился будить своего собеседника.

— Застать такой великий ум, как ваш, погруженным в сон, — такое же великое чудо, как видеть пламя неподвижным, — сказал я, подойдя к его постели.

В ответ на этот неудачный комплимент он поморщился.

— Ваши уста и разум, видно, так никогда и не откажутся от пустого слова «чудо»? — воскликнул он в гневе, подогретом любовью. — Знайте, что понятие это позорит философа и что мудрец понимает все, что видит, и все считает доступным пониманию, и ему ненавистны понятия чуда, дива, сверхъестественного феномена — понятия, которые придуманы дураками для оправдания их скучоумия.

Тут я почел себя обязанным возразить.

— Хоть вы и не верите в чудеса, — сказал я, — они все же бывают, и довольно часто. Я видел их собственными глазами. Я знаю более двадцати больных, которые выздоровели чудесным образом.

— Вы говорите, что люди выздоровели чудом, — прервал он меня, — и не знаете того, что воображение в силах излечивать все болезни благодаря наличию в нашем теле некоего естественного бальзама, который состоит из множества начал, противных различным недугам, поражающим нас; так случается, когда воображение, возбужденное болью, вызывает в нас особую силу и направляет ее на творческое начало. Именно поэтому один опытный врач нашего мира советует больным предпочтительнее обращаться к врачу незнающему, которого, однако, считают весьма опытным, чем к весьма опытному, но слывшему незнаю-

щим, — ибо он считает, что воображение, работая на пользу здоровью, может исцелить нас, лишь бы ему пришли на подмогу лекарства; зато даже самые сильные снадобья оказываются слабыми, если воображение не подкрепляет их. Разве вас не удивляет, что первобытные люди вашего мира прожили столько веков, не имея ни малейшего понятия о медицине? А что же, по-вашему, могло быть этому причиной, как не то, что их организмы еще находились в полной силе, а внутренний бальзам еще не был уничтожен всевозможными лекарствами, которыми вас изводят ваши врачи? Тогда у людей не было другого средства поправиться, как только пылко желать этого и воображать, что уже поправился. Итак, их мощное воображение, погружаясь в живительное внутреннее масло, извлекало из него эликсир, накладывало активное на пассивное, и люди в мгновение ока становились здоровыми, как прежде; несмотря на испорченность человеческой природы, это наблюдается и поныне, хотя, правда, довольно редко. А простонародье приписывает это чуду.

Что касается меня, я в чудеса не верю, ибо гораздо легче предположить, что все врачи ошибаются, чем допустить, будто чудо действительно имело место. Я говорю: больной горячкой, только что выздоровевший, во время болезни, само собой разумеется, жаждал поправиться и даже дал обет на случай, если выживет; значит, он должен либо умереть, либо продолжать хворать, либо выздороветь. Если бы он умер, то сказали бы, что бог пожелал вознаградить его за перенесенные им страдания; если бы он выздоровел, его коварно заставили бы говорить, что молитвы его были услышаны и поэтому он исцелился от всех своих недугов; если бы он остался в том же положении, стали бы говорить, что ему недостает веры, — но так как он выздоровел, значит, это чудо. Не правдоподобнее ли, что фантазия его, возбужденная страстным желанием здоровья, оказала соответствующее действие? Ибо я верю, что он поправился. Зачем мне кричать о чуде, раз мы видели множество людей, которые погибли, несмотря на все их обеты?

— Согласитесь, однако, — возразил я, — что если правда то, что вы говорите о внутреннем бальзаме, то это признак разумности нашей души, поскольку она, без помощи самого разума и не опираясь на нашу волю, действует самостоятельно и как бы помимо нас накладывает активное на пассивное. Если же допустить, что она отделена от нас, но разумна, то, следовательно, она духовна, а если вы ее признаете духовной, то я из этого могу заключить, что она бессмертна, поскольку смерть наступает у животного в силу изменения форм, а это свойственно только материи.

Тут юноша сел на постели и, усадив меня, сказал приблизительно следующее:

— Что касается души животного, которая материальна, то я не удивлюсь, если она смертна, принимая во внимание, что она, пожалуй, представляет собою всего лишь сочетание четырех свойств, определенного количества крови и хорошо слаженных органов. Зато было бы удивительным, если наша душа, духовная, бестелесная и бессмертная, должна была выйти из нашего тела по той же причине, по какой она гибнет у быка. Разве она заключила договор с нашим телом о том, что когда тело получит удар шпагой в сердце, или свинцовую пулю в голову, или рану в живот, то она немедленно выселится из дырявого обиталища? Я уж не говорю о том, что она то и дело стала бы нарушать договор, ибо нередко одни умирают от такой раны, при которой другие выживают; пришлось бы каждой душе заключать особый договор со своим телом. Говорят, будто она очень умна, но тогда, право же, ей, должно быть, страшно выходить из своего жилища, если она знает, что новая квартира уготована ей в аду. Если бы душа была духовна и сама по себе так разумна, как говорят, если бы она так же могла рассуждать, даже будучи отделенной от нашей плоти, как рассуждает, будучи в ней облечена, то почему же слепые от рождения, при всех качествах разумной души, не могут представить себе, что значит видеть? Почему глухой не слышит? Не оттого ли, что смерть еще не лишила его вообще всех чувств? Как же так? Неужели я не могу пользоваться правой рукой только пото-

му, что у меня есть и левая? Чтобы доказать, что, как ни духовна душа, она не могла бы действовать, не будь органов чувств, — они ссылаются на пример живописца, который не может писать, не имея кистей. Да, но это не значит, что живописец, не могущий писать без кистей, сможет писать, если вдобавок лишится красок, карандашей, баночек и холста. Наоборот! Чем больше будет препятствий, тем невозможнее ему будет работать. А они хотят, чтобы душа, парализованная утратой в ходе жизни одного из своих инструментов, отлично работала, когда, после смерти, утратит их все до одного. Если они станут мне твердить, что никаких инструментов ей не требуется, то я отвечу, что, значит, всех слепых из Приюта надо высечь за то, что они притворяются, будто ни черта не видят.

— Но если душа умирает (а к такому выводу, насколько я понимаю, вы и клоните), то воскресение, которого мы ожидаем, оказывается несбыточной мечтой, ибо тогда нужно, чтобы бог создал душу вторично, а это уже не будет воскресение.

Он прервал меня кивком.

— Разумеется! — воскликнул он. — А кто вам внушил такие бредни? Вы — воскреснете? Я — воскресну? Моя служанка — воскреснет?

— Это не бредни, это несомненная истина, и я вам ее докажу, — возразил я.

— А я, — не унимался он, — докажу вам обратное. Для начала предположим, что вы съели магометанина, следовательно, вы его превратили в свою субстанцию. Съеденный магометанин превращается, как легко догадаться, частично в плоть, частично в кровь, частично в сперму. Вы ласкаете свою жену и из семени, происходящего из трупа магометанина, создаете прекрасного маленького христианина. Спрашивается: получает ли магометанин свое тело обратно? Если земля возвращает магометанину его тело, значит, маленький христианин не получит своего, раз он сам всего лишь часть тела магометанина. Если вы станете утверждать, что маленький христианин все-таки получит тело, значит, бог отнимет его у магометанина и передаст

маленькому христианину. Итак, один из них неизбежно должен остаться без тела. Вы, пожалуй, возразите, что бог добавит материю тому, у кого ее окажется недостаточно? Допустим. Но тут возникает другая трудность, а именно та, что если проклятый магометанин воскреснет и бог даст ему совершенно новое тело вместо того, которое украл у него христианин, то ввиду того, что ни тело, ни душа в отдельности еще не составляют человека, а должны для этого слиться воедино и так как тело и душа одинаково неотъемлемы от человека, то, если бог создаст для магометанина новое тело вместо его собственного, получится уже другой индивид. Итак, бог поражает проклятием не того, кто заслужил адские муки; итак, некое тело развратничало, предавалось порокам, а бог, чтобы покарать это тело, ввергает в огонь другое, девственное тело, совершенно чистое и не совершившее ни малейших преступлений. А самое нелепое то, что тело это в одно и то же время заслуживает и райского блаженства, и адских мук, ибо как тело магометанина оно должно быть осуждено, а как христианское — подлежит спасению, и бог будет несправедлив, если ввергнет его в ад, заменив вечной смертью блаженство, заслуженное христианином. Поэтому, чтобы быть справедливым, бог должен вечно осуждать и вечно спасать этого человека.

Тут я взял слово:

— Мне нечего ответить на ваши софистические доводы против воскресения, ибо так сказал сам бог, который не может лгать.

— Вы слишком прытки, — возразил он, — вы уже говорите: «так сказал бог», а сначала надо доказать, что бог есть, ибо, что касается меня, то я его решительно отрицаю.

— Я не стану тратить время на перечисление убедительных доказательств, которые приводят философы на этот счет, — отвечал я, — мне пришлось бы повторить все, что спокон веков написано здравомыслящими людьми. Я спрошу только, что препятствует вам поверить этому. Никакого довода, знаю, вы не приведете. Не сможете вы также отрицать и то, что в вере ничего, кроме пользы, нет, так почему

же и вам не поверить в бога? Ибо если бог есть, то, — помимо того, что, не веря, вы заблуждаетесь, вы еще и не выполняете заповеди, которая предписывает верить. Если же бога нет, то ваше положение ничуть не лучше нашего.

— Ошибаетесь, — возразил он, — мое положение окажется лучше, ибо, если бога нет, в игре останемся только мы с вами вдвоем; если же бог есть, то я никак не могу оскорбить его, ибо нельзя оскорбить то, что считаешь несуществующим, и грешить можно, только сознавая, что грешишь, или желая грешить. Разве вы не замечали, что даже самый неразумный человек не обижается на грубяна, если тот оскорбит его невольно, или приняв его за другого человека, или под влиянием винных паров? Тем паче бог при его неуязвимости неужели разгневается на нас за то, что мы его не ведали, раз он сам лишил нас возможности познать его? Но уверяю вас, милая скотинка, если бы вера в бога была для нас уж так необходима, если бы от нее, наконец, зависело наше бессмертие, то разве бог сам не наделил бы всех нас знаниями столько же яркими, как Солнце, которое не скрывается ни от кого? Ибо предполагать, что он хочет играть с людьми в прятки, то есть то надевает маску, то снимает ее, скрывается от одних и является себя другим, — это значит создавать себе образ бога неразумного или коварного; ведь если я познал его силою своего ума, это его заслуга, а не моя, — он мог наделить меня немощными органами и слабой душою, и я не мог бы постичь его. А если бы он наделил меня умом, неспособным постичь его, то это опять-таки была бы не моя, а его вина, поскольку от него зависело одарить меня умом достаточно острым, чтобы познать его.

От этих нелепых, бесовских рассуждений у меня по всему телу пробежала дрожь; я стал внимательнее присматриваться к собеседнику и был поражен, обнаружив в его лице что-то жуткое, чего я прежде не замечал; глаза у него были маленькие и глубоко запавшие, лицо темное, рот широкий, подбородок заросший, ногти черные. «О боже, — подумал я, — этот несчастный осужден уже в этой жизни, и,

быть может, он тот самый Антихрист, о котором столько толкуют в нашем мире».

Я, однако, не хотел обнаружить перед ним своей мысли, потому что высоко ценил его ум, знаки же, под которыми природа создала его, внушали мне к нему довольно дружественные чувства. Тем не менее я не в силах был сдержаться и разразился проклятиями, предсказывая, что кончит он дурно. Но мой гнев только распалил его, и он вскричал:

— Да, смертью...

Не знаю, что собирался он еще сказать, ибо тут к нам постучались, и в комнату вошел высокий, черный и весь мохнатый мужчина. Он приблизился к нам, схватил святотатца за талию и потащил к печной трубе.

Мне стало до того жаль несчастного, что я ухватился за него, чтобы вырвать из когтей эфиопа, но последний оказался столь сильным, что поднял нас обоих, и в мгновение ока мы оказались на облаке. Теперь я крепко обнимал юношу не из любви к ближнему, а из страха низвергнуться вниз. Не знаю, сколько дней я летел с неба, не представляя себе, что со мною станется, как вдруг понял, что приближаюсь к нашему миру. Я уже различал Азию от Европы и Европу от Африки. Наконец мы настолько спустились, что я уже ничего не видел дальше Италии, и тут сердце подсказало мне, что дьявол несет и тело и душу моего хозяина, несомненно, в ад и поэтому-то и направляется к нашей Земле, ибо ад расположен в самом ее центре. Однако я перестал об этом думать и вообще забыл все, что случилось с тех пор, как дьявол стал нашей колесницей, ибо меня охватил несказанный ужас при виде объятой пламенем горы, которой я почти касался. Пылающее зрелище исторгло у меня возглас: «Христос! Пресвятая Дева!» Не успел я выговорить последний звук, как очутился распростертым среди вереска, на холме, где два-три пастуха, певшие молитвы, обратились ко мне по-итальянски.

— Хвала господу! — воскликнул я. — Наконец-то встретил я христиан в лунном мире! Скажите, друзья, в какой области вашего мира нахожусь я теперь?

— В Италии, — отвечали они.

— Как же так? Разве и в лунном мире есть Италия?

Я еще не вполне сообразил, что со мною случилось, и даже не заметил, что они разговаривают со мною по-итальянски, и я отвечаю им так же.

Придя в себя и убедившись, что я снова нахожусь в нашем мире, я, не спрашивая, пошел, куда повели меня крестьяне. Но не успели мы дойти до ворот ***, как на меня бросились все городские псы, и, не спрячься я со страха в одном из домов, где мне удалось запереться, они наверняка растерзали бы меня.

Четверть часа спустя, пока я отдыхал в безопасности, внезапно раздался оглушительный лай; казалось, собрались собаки со всего королевства, — тут были все породы, начиная с догов и кончая болонками, и все они так яростно тявкали, словно впервые увидели человека.

Все это ничуть не удивляло очевидцев; но когда я задумался о причине этого шабаша, я сразу понял, что животные напустились на меня потому, что я явился из другого мира; ведь они имеют обыкновение лаять на Луну, ибо она раздражает их, думал я, а на меня они напали потому, что я пахну Луной, а это их тоже раздражает.

Чтобы избавиться от скверного запаха, я расположился на солнцепеке, на террасе. Так прожарился я часа три-четыре, потом вышел, и все псы, не чувствуя уже запаха, вызывавшего их ненависть, разбежались по домам.

Я справился в гавани о том, когда отплывает корабль во Францию, а погрузившись, только и думал, что о диковинных событиях моего странствия. Я тысячу раз дивился божьему провидению, которое поселило людей, по природе своей безбожных, в таких областях, откуда они не могут дурно влиять на его возлюбленных чад, и которое покарало гордыню безбожников тем, что предоставило их самим себе. И я уверен, что оно до сих пор не послало к ним проповедников Евангелия лишь потому, что они истолкуют его вкрай и вкось, а тем самым заслужат в будущей жизни еще более суровую кару.

Конец

Комментарии

*А. Малеин и Ф. Петровский
«УТОПИЯ» Т. Мора*

Рукописного оригинала «Утопии» («Libellus aureus nec minus salutaris quam festivus de optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia») не сохранилось. Первое печатное издание ее вышло в 1516 году, в бельгийском городе Лувене, где в то время находился друг Мора, Эразм Роттердамский. Главный надзор за изданием, кроме него, имел Петр Эгидий, письмо к которому помещено перед текстом «Утопии». На заглавном листе книжки сказано было, что она издана «весьма тщательно». Но это была только обычная типографская реклама. Текст изобилует опечатками и разного рода ошибками в латинском языке. Отсюда возможно не лишенное остроумия предположение, что первоначальный текст был продиктован. Подобная предосторожность, равно как и печатание в другом городе, скорее всего могут быть объяснены цензурными опасениями.

Интерес, возбужденный книгой, в связи с неудовлетворительностью первого издания вызвал перепечатку его в Париже в 1517 году — у книгопродавца Жиля де Гурмона. Это издание печаталось также без всякого участия автора и имеет еще больше опечаток, чем первое. Оно сделано по первому изданию, но представляет целый ряд интересных вариантов.

Крайняя неисправность первых двух изданий заставила Эразма обратиться в Базель к обычному издателю его собственных произведений, солидному типографу Фробену. Он выпустил в течение одного 1518 года два издания «Утопии» (в марте и ноябре). Эти издания, особенно второе, дают текст значительно более исправный. 1 марта 1517 года Эразм писал Мору из Антверпена: «Пришли сюда возможно скорее твою «Утопию» пересмотренную». Видимо, Мор исполнил это желание друга, так как в конце мая 1517 года тот же Эразм писал ему: «Твои эпиграммы и «Утопию» я послал в Базель». Отсюда можно заключить, что издание 1518 года печаталось по тексту первого издания, просмотренному Мором. Это, конечно, придает ему особую ценность.

В XIX веке на основании первого издания построил свое издание текста Виктор Михельс в сотрудничестве с известным педагогом Теобальдом Циглером (серия «Латинские литературные памятники XV и XVI столетий», Берлин, Вейдеман, 1895). Кроме рабской перепечатки первого издания со всеми его недостатками, Михельс приложил главнейшие варианты изданий Жиля де Гурмона и Фробена, но сделал это достаточно небрежно, особенно в отношении издания де Гурмона.

В том же 1895 году появилось издание Лептона (Оксфорд), построенное на основе издания Фробена (мартовская версия) и снабженное хорошим комментарием. По изданию Лептона сделан и настоящий перевод.

Обратимся теперь к русским трудам. Одним из первых познакомил русских читателей с Мором В. К. Тредьяковский. В одиннадцатом томе «Римской истории» Роллена в «Предведомлении от трудившегося в переводе», автор передает стихами одно произведение «Фомы Мория Англичанина...», «сего славного и мудрого человека».

Что касается собственно «Утопии», то первые два перевода ее относятся к концу XVII столетия. Первый — «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия. Сочинения Томаса Мориса Канцлера Аглинского, в двух книгах. Переведена с Аглинского на Французский Г. Руссо, а с Французского на Российский. С дозволения Управы Благочиния. В Санкт-Петербурге, на иждивении И. К. Шнора. 1789 года». Второй — «Философа Рафаила Гитлоде странствование в Новом Свете и описание любопытства достойных примечаний и благора-

зумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии. Перевод с Аглинского языка, сочинение Томаса Мориса. В Санкт-Петербурге. С дозволения Управы Благочиния. На иждивении И. К. Шнора. 1790 года».

В 1901 году перевод «Утопии» дал Е. В. Тарле в приложении к своей магистерской диссертации «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (СПб. 1901).

В 1903 году вышла работа А. Г. Генкеля: «Томас Мор. Утопия (De optimo rei publici statu, deque nova insula Utopia libri duo illustris viri Thome Mori, regni Britanniarum cancellarii). Перевод с латинского А. Г. Генкель при участии Н. А. Макшеевой. С биографическим очерком Т. Мора, составленным Н. А. Макшеевой (с портретом Т. Мора). СПб. 1903». Перевод этот переиздавался неоднократно даже после Октябрьской революции. Так, третье издание его вышло в 1918 году в Петрограде как «Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов», а четвертое — в Харькове (1923), в издательстве «Пролетарий», причем на каждом из них стоит: «исправленное и дополненное», чего на самом деле не было.

В 1935 году в издательстве «Academia» вышел перевод «Утопии», выполненный профессором А. И. Малеиным. В 1947 году этот же перевод был напечатан издательством Академии наук СССР. В 1953 году текст перевода А. И. Малеина был заново отредактирован и исправлен Ф. А. Петровским для издательства Академии наук СССР. Перевод А. И. Малеина и Ф. А. Петровского воспроизводится и в настоящем издании.

Стр. 7. *Томас Мор...* Эгидио — Так начинали свои письма древние римляне, которым подражает Мор. Петр Эгидий (1486—1533) — гуманист, друг Мора и Эразма Роттердамского.

Стр. 8. ...*мой питомец Иоанн Клемент...* — Иоанн, или Джон, Клемент вырос в доме Мора и женился на его приемной дочери. Он работал в Оксфордском университете при кафедре греческого языка и затем был врачом в Лондоне (ум. в 1572 г.).

Стр. 9. *Гитлодей* — греческое слово, первая часть которого υφλος — пустая болтовня, вздор; вторая: δόξος — опытный, свидущий, или δαΐζω — разделять. Этой фамилией Мор хотел подчеркнуть, что речь идет о лице несуществующем. В уста Гитлодея Мор в дальнейшем из осторожности вкладывает соб-

ственные мысли, а сам выступает его противником из страха перед цензурой.

Амауротский мост (Амаурот). — Название происходит от греческого слова — непознаваемый, темный. Отрицая этим именем существование подобного города в действительности, Мор вместе с тем намекает на «туманный» Лондон, многие черты которого он имеет в виду при последующем детальном описании Амаурота.

Анидр — от греческого: ἀνυδρός — из отрицательной частицы αν и ύδωρ (вода) — то есть река без воды — следовательно, несуществующая.

Стр. 12. ...*немаловажные спорные дела*... — Ссора между английским королем Генрихом VIII (1491–1547) и испанским принцем Карлом (впоследствии германским императором) была вызвана тем, что Карл, обрученный с сестрой Генриха, предпочел ей другую невесту. Поэтому, когда он в 1515 году получил в управление Нидерланды, Генрих заставил английский парламент запретить вывоз шерсти в эту страну. Улаживание конфликта было поручено в 1515 г. английскими купцами Мору.

Кутберт Тунсталл (1474–1559) — занимал ряд очень видных светских и духовных должностей; был другом Эразма и Мора и разделял их прогрессивные взгляды.

...*по пословице... освещать солнце лампой*. — Обилие в «Утопии» пословиц объясняется влиянием вышедшего в 1500 г. огромного сборника их (*«Adagia»*), составленного Эразмом Роттердамским. Эта книга, знакомившая с античным мировоззрением в форме кратких, ясных и остроумных изречений и комментария к ним, имела большой успех.

Георгий Темциций — личность малоизвестная. Обычно его отождествляют с Georg Temsecke, бельгийским сановником и писателем (ум. в 1536 г.).

Кассель — вероятно, город в Северной Франции, где Темциций занимал видный церковный пост.

Стр. 14. *Палинур* — ничем не замечательный кормчий кораблей троянского царевича Энея (по «Энеиде» Вергилия). Здесь — в смысле «заурядный моряк».

Улисс (или Одиссей) — герой поэмы Гомера «Одиссея». В своих долголетних странствованиях после разрушения Трои он приобрел большой опыт и знание людей.

Платон — греческий философ (427–348 гг. до н. а.), ездил в Египет, Сицилию и другие страны с целью расширения своих знаний и проведения в жизнь своих философских взглядов.

...из тех четырех, про которые читают уже повсюду... — Флорентийский мореплаватель Америго Веспуччи (1451–1512) четыре раза посетил Новый Свет и дал первое ценное его описание. Благодаря этому новая часть света, хотя и открытая Колумбом, получила название Америки. «Путешествия» Веспуччи были изданы в прибавлении к «Введению в космографию». Сен-Дье, 1507.

...оставлен в крепости... — у Кабо Фрио в Бразилии. Этот эпизод действительно имел место во время последнего путешествия Веспуччи, в 1503 г.

«Небеса... укроют» — стих римского поэта I в. н. э. Лукана («Фарсалия», VII, 819).

«Дорога к всевышним отовсюду одинакова». — Аналогичное изречение приписывается греческому философу Анаксагору (V в. до н. э.). На вопрос друзей, не хочет ли он быть погребенным на родине, он ответил: «Нет никакой необходимости, ибо дорога в преисподнюю отовсюду одинакова» (Цицерон, Тускуланы, I, 104).

Тапробана — остров к юго-востоку от Индостана.

Каликвут — Каликут, город Малабарской Индии (не смешивать с Калькуттой).

Стр. 16. *Сцилла* — в греческой мифологии — чудовище, олицетворяющее скалу в Мессинском проливе.

Целено — по греческим мифам, одна из гарпий, чудовищ с лицом девушки, телом коршуна и огромными когтями.

Лестригоны — древнеиталийский народ, якобы живший в Кампании, а затем в Сицилии. По преданию, лестригоны были людоедами.

Стр. 20. *...после поражения западных англичан...* — В 1491 г., еще не оправившиеся от разорения, причиненного длительными войнами, жители графства Корнуэлл (на северо-западе Англии) восстали против короля и двинулись на Лондон, но потерпели поражение и были перебиты.

Иоанн Мортон (1420–1500) — государственный деятель, игравший видную роль в войне Алой и Белой Розы. Сторонник Ланкастерской династии, он принимал участие в походе 1461 г. и затем в коронации принца Эдуарда. Он имел благо-

творное влияние на Мора, который в молодости часто бывал в его доме.

Стр. 21. *…после войн с Францией*. — Вероятно, имеются в виду осада Булони Генрихом VII в 1492 г. и военные действия при Генрихе VIII.

Стр. 23. *Саллюстий* (86—34 гг. до н. э.) — римский историк. Цитата взята из его сочинения «О заговоре Катилины», гл. 16.

Стр. 24. *Ваши овцы… стали такими прожорливыми… что поедают даже людей…* — В знаменитом памфлете против обскурантизма и католической схоластики — «Письма темных людей», вышедшем почти одновременно с «Утопией», имеется намек на обилие овец в Англии: один обскурант желает другому здравствовать больше, «чем… овец в Англии» (кн. II, письмо 16). Упоминается об этом и у К. Маркса (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 23, стр. 731, прим. 193). Крылатое слово о прожорливости овец попало в английскую народную поэзию.

Таким образом, с тех пор… — Следующие за тем слова приведены почти в дословном переводе у К. Маркса (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 23, стр. 746, прим. 221а).

Стр. 25. *Олигополия* — право немногих на торговлю; слово, образованное Мором по образцу «монополия».

Стр. 26. *Стопка* — по-видимому, имеется в виду игра в кости, при которой их выбрасывали не из руки, а из стакана или «стопки».

Стр. 28. *…высшее право высшего несправедливостью?* — Уже Цицерон (*«Об обязанностях*», I, 10, 33) называет это выражение «избитой поговоркой». Смысл его тот, что чрезесчур прямолинейное, формальное применение законов приводит к несправедливости.

Маний Торкват — римский полководец (IV в. до н. э.), велевший казнить своего собственного сына за нарушение дисциплины, после того как тот вступил в битву вопреки строгому запрещению отца.

Стр. 29. *Закон Моисеев* — Библия, Исход, XXII, 1—9.

Закон милосердия. — Имеется в виду Евангелие.

Стр. 30. *Полилериты*. — Это название составлено из двух греческих слов: πολύς — многий и λήρος — нелепая болтовня, вздор; этим Мор хотел, вероятно, сказать, что верить в существование такого народа нелепо.

Стр. 33. ...заповедных мест... — В оригинале: *asylorum*, то есть убежищ, укрывшись в которые преступник считался не-прикосновенным; такими местами были прежде всего церкви и их дворы, например Вестминстерское аббатство в Лондоне.

Стр. 34. *Кардинал улыбнулся...* — Последующий эпизод, кончая словами «отпустив нас», попал под папскую цензуру. Он опущен в издании «Утопии», вышедшем в Кельне в 1629 г., где на заглавном листе стоит, что издание «исправлено согласно списку очищенных книг кардиналом и епископом толедским».

«...душами вашими» — Евангелие, Лука, XXI, 19.

«Гневайтесь и не согрешайте». — Библия, псалом IV, 5.

Стр. 35. «*Над Елисеем кто смеялся...*» — Елисей — древнееврейский пророк. Плешивость его вызвала однажды насмешку мальчиков. Елисей разгневался и, по его молитве, из соседнего леса вышли две медведицы и растерзали сорок два ребенка (Библия, Четвертая Книга царств, гл. II). Упоминаемая монахом церковная песнь была составлена средневековым композитором Адамом «из монастыря святого Виктора».

«*Отвечай глупому по глупости, его...*» — Библия, Притчи, XXVI, 4.

Стр. 37. Дионисий Младший — правитель Сицилии (367–356 и 346–343 гг. до н. э.). Дионисий пригласил Платона, чтобы учиться у него управлять государством, но серьезного влияния Платон на Дионисия не оказал, и положение философа при дворе Дионисия было столь шатким, что даже жизнь его, в силу придворных интриг, подвергалась опасности.

...*французского короля...* — Имеется в виду Людовик XII (1462–1515), французский король с 1498 г.

...*удержать Милан...* — В описываемое время Милан принадлежал фамилии Висконти, одна из представительниц этого рода приходилась бабушкой Людовику XII.

...*беглый Неаполь...* — Эпитет «беглый» объясняется тем, что Неаполь ускользнул от пытавшихся захватить его французских королей.

...*разорить Венецию...* — По договору в Камбре (1508 г.) Венеция была разделена между Людовиком XII, Фердинандом Испанским, Максимилианом I Австрийским и папой Юлием II.

...*подчинить себе всю Италию...* — В описываемое время Италия состояла из пяти отдельных и независимых государств

(Милан, Флоренция, Рим, Венеция и Неаполь) и ряда мелких феодальных владений, связанных с ними.

...власть над Фландршей, Брабантом... Бургундией... — В 1477 г. французский король Людовик XI после смерти бургундского герцога Карла Смелого захватил Бургундию. В то же время вследствие брака дочери Карла Марии с Максимилианом I Австрийским Фландрия и Брабант оказались присоединенными к Австрии.

...умилостивить золотом... гнев... императора... — Императором Священной Римской империи в то время был Максимилиан I Австрийский (1493—1519), отличавшийся алчностью.

Королевство Наваррское — Наварра — область на границе Франции и Испании. Владение ею неоднократно переходило по женской линии от одного французского знатного семейства к другому, но арагонские (испанские) короли постоянно изъявляли на нее притязания.

...опутать... брачными надеждами короля Кастилии... — Кастилия — область Испании, в XI—XV вв. была самостоятельным королевством. Во времена написания «Утопии» шли переговоры о заключении союза между ней и Францией путем брака кастильского принца с дочерью Людовика XII.

Стр. 38. *Ахорийцы* — греческое слово, составленное из отрицательной частицы ἀ и χώρα — страна: народ несуществующей страны. Образование, аналогичное слову «Утопия».

Стр. 39. ...повысить стоимость монеты... — Такие операции с деньгами производили английские короли Эдуард IV и Генрих VII.

Стр. 40. ...прекратил кровопролитие. — Подобную демонстрацию проделал английский король Генрих VII в 1492 г. Двинувшись на Францию, он поспешил заключить с ней мир, не начиная военных действий.

Стр. 41. ...неоспоримая прерогатива государя. — Имеется в виду известное английское положение: «Король не ошибается» («King does no wrong»).

...правильность изречения Красса... — Красс — богатый римлянин, член первого триумвирата вместе с Цезарем и Помпей (60 г. до н. э.). Мор имеет здесь в виду текст римского писателя I в. н. э. Плиния Старшего («Естественная история», XXXIII, 10): «Марк Красс признавал богачом только того, кто на свой годичный доход может содержать легион».

...скорее питать овец, чем себя самого... — перефраза из Платона («Государство», I, 343). «Ты думаешь, будто овчары или волопасы заботятся о благе овец либо быков, кормят их и ходят за ними, имея в виду что-нибудь другое, а не благо господ и свое собственное».

Стр. 42. *Фабриций* (II в. до н. э.) — римский консул и полководец.

Стр. 43. *Макарийцы* — от греческого *μάχαιρος* — блаженный, счастливый.

...не иметь... в казне... свыше тысячи фунтов золота или серебра... — Английские комментаторы отмечают, что Генрих VII, умирая, оставил 1 800 000 фунтов стерлингов.

Стр. 44. «*Октавия*» — трагедия, приписываемая римскому писателю в философи Сенеке (ок. 6 г. до н. э. — 65 г. н. э.). Октавия — имя жены римского императора Нерона, им отвергнутой.

Стр. 45. *...на крышах проповедовать...* — Евангелие, Лука, XII, 3.

...приладили его учение к нравам, как свинцовую линейку... — место неясное. По-видимому, свинцовая линейка — это плотничий инструмент, вроде отвеса, или лота, для определения соответственного направления при постройках. Сделанная из свинца, она, в силу своей гибкости применялась при сооружении кривых «лесбийских» сводов.

Стр. 46. *Микион* — действующее лицо в комедии римского писателя Теренция (184—159 гг. до н. э.) «Братья» (I, 2, 65).

...Платон... поясняет правильность воздержания философов от занятых государственными делами. — Платон, «Государство», VI, 496: мудрец «сохраняет спокойствие и делает свое дело, подобно человеку, который от града и вздымаемого ветром бурного вихря спрятался под стеной: тот, смотря, как исполняются беззакония другими, рад, если сам остается чистым от неправды и дел беззаконных, и, проводя таким образом здешнюю жизнь, с прекрасной надеждою, весело и кротко ожидает своего исхода».

Стр. 51. *Миля* — разумеется древнеримская миля, имевшая в длину тысячу двойных шагов (*passus*) — 1478,7 метра.

...остров с обеих сторон... суживается. — Английские комментаторы видят здесь намек на описание Британии у рим-

ского историка I–II вв. н. э. Тацита («Биография Агриколы», гл. X).

Стр. 52. *Абракса*. — В современном коптском языке это слово (в форме «абраксас» или «абрасакс») значит: «священное имя», оно встречается и у средневековых гностиков (философов, стремившихся объединить христианское учение с основами греко-римского и древних восточных мировоззрений) и алхимиков. По цифровому значению греческих букв оно равно 365, то есть числу дней в году. Мор говорит дальше, что утопийцы чтили бога Митру, а у гностиков на их геммах, то есть каменных амулетах, слово «абраксас» часто соединялось с именем Митры.

На острове пятьдесят четыре города... — Пятьдесят четыре города было в тогдашней Англии и Уэльсе.

Стр. 53. ...не подкладывают под курицу яйц, но согревают... их равномерной теплотою... — Искусственное выведение цыплят было известно до нашей эры в Египте, Китае, Индии. В Египте оно производилось в печах, отапливаемых верблюжьим и конским навозом. В XIV в. в Италии делались попытки воскресить это утраченное искусство. В первой половине XVIII в. Реомюр повторил эти опыты, первый инкубатор в собственном смысле слова был сконструирован Боккеманом в 1777 г.

Стр. 56. ...улица в двадцать футов ширины... — Здесь разумеется, вероятно, английский фут, а не римский (равный 0,2957 метра). При Море лондонские улицы имели в ширину от десяти до двенадцати футов, так что двадцать футов была шириной идеальная.

Стр. 57. ...стеклом, которое там в очень большом ходу... — Стеклянные окна были во времена Мора только в домах богатых людей. Еще в 1567 г. для охраны оконных стекол, ввиду их исключительной редкости и ценности, издавались особые распоряжения.

Стр. 59. ...подобную жизнь... ведут рабочие почти повсюду... — Очевидно, имеется в виду Англия с ее рабочим законодательством XIV–XV вв.

Стр. 62. *Барзан* — слово, несомненно, иранского происхождения. Оно встречается дважды как собственное имя: так звали мифического царя Армении и одного из персидских сатрапов, современника Александра Великого. Оно может быть объяснено только из иранских языков и значит «высокий».

Адем — слово, составленное (вероятно, самим Мором) из греческих: отрицания ἀ и δῆμος — народ, то есть без народа.

Стр. 68. *Каждая мать сама кормит ребенка...* — Подобное требование предъявляли к женщинам писатели древности — например Тацит («Германия», гл. XX), Плутарх («О воспитании детей», гл. V). Античным авторам подражали гуманисты, например Эразм в диалоге «Родильница». Все это место «Утопии», особенно же эпизод о кормилицах, напоминает «Государство» Платона (V, 460).

Стр. 74. *Орехи, амулеты и куклы* — игрушки древнеримских детей. «Бросить играть в орехи» было поговорочным выражением, обозначавшим выход из детского возраста. Амулет представлял собой шарик (у богатых и знатных — золотой, у бедных — кожаный), который носили дети, преимущественно мальчики, на шее до принятия ими так называемой мужской одежды; амулет предохранял ребенка от дурного глаза и порчи. В куклы девочки играли до замужества, то есть примерно до четырнадцати — шестнадцати лет.

Анемолийский — от греческого слова ἀνεμόλιος — ветреный, в переносном значении — несуществующий, мнимый.

Стр. 77. *Диалектика* — под греческим словом «диалектика» здесь разумеется искусство вести диспуты и рассуждения, основанное на средневековой формальной логике.

Стр. 78. *«Малая логика»*. — Имеется в виду бездарный схоластический учебник XIII в., составленный Петром Испанцем. Так как автор стал впоследствии папой, книжка получила широкую известность. «Малой» она названа была за свой небольшой объем, но сам Мор шутливо объяснял в одном письме это ее заглавие тем, что в ней «мало логики».

«Самого человека вообще» — то есть абстрактное понятие человека, а не отдельную, индивидуальную личность.

...склоняются к мнению, защищающему удовольствие... — Здесь Мор имеет в виду трактат Цицерона «О высшем благе и зле» откуда взята вся дальнейшая философская терминология.

Стр. 79. *Противная партия* — то есть противники эпикурейцев, философы-стоики, в противовес материалистической этике эпикурейцев выдвигавшие отвлеченную добродетель, понимаемую как отказ от наслаждения, в качестве основы эти-

ки, и тем самым предвосхищавшие христианский аскетизм, против которого боролись гуманисты.

...жизнь, согласную с предписаниями природы. — Имеется в виду учение греческого философа Эпикура (341–270 гг. до н. э.). Веснуччи сближал с ним мировоззрение вновь открытых им в Америке племен, с которыми Мор связывал свой рассказ об Утопии. В действительности, разумеется, между примитивным утилитаризмом этих племен и эпикурейской философией есть лишь то общее, что оба мировоззрения основывают свою этику на материалистических принципах. Именно этой своей стороной они и привлекали внимание гуманистов.

Стр. 83. ...увлекается жемчугом и камушками... — сатирический намек на Генриха VIII и его придворных, питавших сильное пристрастие к драгоценным камням.

Стр. 90. *Феофраст* (ок. 372–287 гг. до н. э.) — греческий философ и натуралист, автор «Истории растений» и «Характеров». Его сочинения были впервые напечатаны в Венеции в 1497 г.

Стр. 91. *Ласкарис* Константин — византийский ученый; его греческая грамматика, изданная в Милане в 1476 г., была первой книгой, напечатанной греческим шрифтом.

Федор Газа (1398–1478) — византийский ученый; его греческая грамматика была напечатана в Венеции в 1495 г.

Тесихий — греческий грамматик, вероятно, VI в.; его греческий словарь был напечатан в Венеции в 1514 г.

Диоскорид Педаний — греческий врач I в. н. э., первое издание его трудов вышло в Венеции в 1499 г.

...мелкие произведения *Плутарха*... — Здесь имеются в виду «Моралии» Плутарха.

Альд Мануций — знаменитый венецианский типограф (ок. 1450–1515 гг.), изобретатель курсивного шрифта. В его мастерской были впервые напечатаны очень многие произведения древних классиков.

Триций Апинат — Это имя составлено Мором из двух латинских слов: *trīcae* и *apīnae*, которые означают: безделки, пустяки.

...не затягивать... своей пагубы... а согласиться умереть... — Самоубийство в подобных случаях рекомендовали стоики.

Стр. 98. ...законов у них очень мало... — Мысль Тацита («Летопись», III, 27): «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов».

Стр. 102. *Нефелогеты*. — вымыщенное греческое имя, составленное из νεφέλη — облако и γήτης — земледелец; значит: жители облаков.

Алаополиты — имя такого же происхождения, первая часть ἄλαος — слепой, вторая πολίτης — гражданин.

Стр. 104. ...тайно... развесить... воззвания... — намек на интриги Генриха VIII и его министра, лорда Дакара, против Шотландии. Эти интриги велись в 1515 г., то есть в то время, когда Мор писал «Утопию».

Стр. 106. *Заполеты* — имя, придуманное Мором, составлено из греческих ζα — усиливающая частица, и πωλητής — продавец, то есть — вполне продажные. Как показывает примечание на полях оригинала, разумеются швейцарцы, из которых преимущественно вербовались наемные войска.

Стр. 107. *В случае... плена или гибели его замещает, как по наследству...* — Подобный обычай был у спартанцев (Фукидид, IV, 38).

Стр. 108. ...поощрение и похвалу... — Обычай сопровождать мужей в военных походах существовал у древних галлов, британцев и германцев («Записки Цезаря о войне с галлами», VII, 51; Тацит, Германия, гл. VIII и XVIII). Об участии женщин в войнах говорится и в «Государстве» Платона (VII, 457).

Стр. 113. ...в наиболее чистых христианских общинах. — Примечание на полях оригинала поясняет, что здесь разумеются монастыри. Сказано это, вероятно, иронически, так как современные Мору монастыри были далеки от идеала.

Стр. 117. ...в конце концов сжигают... — Вопреки христианской точке зрения, Мор считает сожжение трупа гораздо более почетным, чем зарывание его в землю.

...есть лица... — В последующем описании подразумеваются «братья общей жизни», поставившие себе целью реформировать общество на основах христианства. Эта община была основана в Голландии в XIV в. В одной из устроенных ею школ учился Эразм.

Стр. 119. *Бутрески* — Это название, придуманное Мором, обычно объясняется как составленное из греческих: βου — усиливающая частица и Φρόγχος — богобоязненный.

Стр. 124. ...вся их музыка... — Рассуждение о значении музыки написано, по-видимому, под влиянием Аристотеля («Политика», VIII, 5, 8).

Стр. 129. *Рыба-подлипала* — По мнению древних, присасываясь к кораблю, она задерживала его ход (Плиний. Естественная история, IX, 191; XXXII, 1).

A. Малеин и Ф. Петровский
«ГОРОД СОЛНЦА» Кампанеллы

Первоначальный текст «Города Солнца» («Civitas Solis») был написан на итальянском языке; все одиннадцать списков относятся, как предполагает издатель 1941 года Боббио, к первым десятилетиям XVII века. В 1613 году Кампанелла перевел свой «Город Солнца» на латинский язык, но перевод оставался неизданным в течение десяти лет. Впервые латинский текст «Города Солнца» был издан в 1623 году Т. Адами во Франкфурте в книге, озаглавленной: F. Thomeae Campanellae Calabri O. P. realis philosophiae epilogisticae partes quatuor, hoc est de rerum natura, hominum moribus, politica (cui Civitas Solis iuncta est)... Francofurti, 1623, переиздавался затем в XVII столетии дважды. В 1637 году «Город Солнца» был включен во второй том подготовленного самим Кампанеллой Собрания сочинений: Thomeae Campanellae ord. praed. disputationum in quatuor partes suaee philosophiae realis libri quatuor... Suorum operum t. II. Parisiis, 1637. В 1643 году он был издан (уже после смерти автора) в Уtrechtе: F. Thomeae Campanellae Civitas Solis poetica Idea Reipublicae Philosophicae; Ultraiecti, 1643. Эти последние издания (из которых уtrechtское представляет собой перепечатку второго, парижского) довольно существенно разнятся с первым благодаря главным образом ряду дополнений, большая часть которых относится к последним страницам текста. Что же касается текста в этих латинских изданиях, то он иногда значительно отступает от первоначального итальянского, сохранившегося в одиннадцати списках и впервые опубликованного Сольми в 1904 году. В 1912 году ватиканский список итальянского текста вместе с сопоставлениями с текстом венского списка опубликовал И. И. Квачала в Юрьеве (ныне Тарту).

Издание итальянского текста Чамполи вышло в 1911 году (переиздано в 1939 г.), а издание Паладино — в 1920 году в Неаполе. Наконец, в 1941 году вышло критическое издание итальянского текста Боббио, в котором помещен и латинский текст по парижскому изданию 1637 года, а итальянский воспроизводит список, хранящийся в Лукке и являющийся, как указывает Боббио, последней редакцией этого первоначального текста «Города Солнца».

На русский язык «Город Солнца» был переведен в 1906 году и издан в том же году в Петербурге в качестве бесплатного приложения к журналу «Всемирный вестник». В 1907 году перевод А. Г. Генкеля вышел отдельной книгой: «Государство Солнца» (*«Civitas Solis»*). Перевод с латинского, с биографическим очерком, примечаниями и дополнениями А. Г. Генкеля, СПб. 1907. Перевод А. Г. Генкеля неоднократно переиздавался.

В настоящем издании воспроизводится перевод Ф. А. Петровского, впервые напечатанный в издательстве «Academia» в 1934 году.

Перевод этот был сделан с первого латинского издания ввиду того, что хотя последующая редакция (в изданиях 1637 и 1643 гг.) и принадлежит самому автору, а первое издание было выпущено не им самим, а Адами, есть основания полагать, что текст первого издания, несмотря на сомнения, которые могут возбуждать некоторые его части, все-таки ближе и чище воспроизводит идеи Кампанеллы, чем позднейшая его переработка. Дело в том, что в текст второго издания, а за ним и посмертного, третьего, введен целый ряд дополнений, иногда отягощающих, а порою даже искажающих первоначальные мысли автора и представляющих, в иных случаях, компромиссы с его противниками.

Что касается итальянского текста «Города Солнца», его невозможно было принять за основной, так как, во-первых, он никогда не был издан Кампанеллой и не являлся для него окончательным, а во-вторых, без самостоятельного сличения списков этого текста невозможен его необходимый анализ. Важнейшие случаи разнотечений в латинских текстах оговорены в примечаниях.

Стр. 133. *Тапробана* — старинное название одного из островов Индийского океана, скорее всего Цейлона. Географическое расположение Цейлона не соответствует указанному в тек-

сте, так как Цейлон расположен не на экваторе, а между экватором и тропиком Рака. Но на старинных картах, которые, несомненно, видел Кампанелла, экватор проходит через Тапробану. Остров этот упоминается уже у географа Страбона (род. в 66 г. до н. э. — ум. в 24 г. н. э.), Плиния (23—79 гг. н. э.) и других древних авторов. Упоминается он и в «Утопии» Мора.

Стр. 134. *Семь планет* — согласно системе Птоломея, Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

Стр. 136. *Свод храма* изображает небо так, как оно видно на экваторе. Южный и Северный полюсы должны находиться в противоположных точках нижней окружности свода, или купола, а экватор и эклиптика («большие круги») проходят по его середине. «Малые круги» — это суточные параллели. Все эти круги (или полукруги), таким образом, расположены «перпендикулярно к горизонту», или к плоскости главного купола. Устройство храма, как и устройство всего города, напоминает схему всей Солнечной системы, как она представлялась Кампанелле. Это «астрономическое» построение подчеркивается и «глобусами» алтаря, и семью лампадами, изображающими семь планет. В изд. 1643 г. при описании храма добавлено примечание на полях: «Моисей, следуя образцу Вселенной, подобным же образом описывает храм и его лампады».

Ветров... они насчитывают до тридцати шести. — Кампанелла увеличивает обычное число направлений ветра («румбов») — тридцать два — до тридцати шести, так как оно кратно числу шести, которому Кампанелла приписывает мистическое значение.

Верховный правитель... именующийся на их языке «Солнце»... — В первом издании «Города Солнца» он называется здесь именно «Солнце» — «Sol». В дальнейшем тексте Кампанелла продолжает называть его или «Sol», или обозначает астрономическим знаком Солнца ☽. В изданиях 1637 и 1643 гг. верховный правитель здесь назван НОН («Гог» или «Хох»), но в дальнейшем обозначается или ☽, или просто О. Следуя тексту первого издания, мы не вводили обозначения НОН, которого нет и в итальянском тексте.

Стр. 137. *Пон, Син и Мор.* — Обозначения этих правителей взяты из соответствующих букв итальянских слов, обозначающих мощь, мудрость и любовь (Possanza, Sapienza, Amore), то есть, по учению Кампанеллы, трех положительных определений.

ний всякого бытия, которые все вместе в совершенном виде соединяются в верховном существе, а в Городе Солнца — в его верховном правителе Солнце (Метафизике).

Число подчиненных ему должностных лиц... — В числе должностных лиц в изд. 1643 г. упомянут еще Арифметик, а вместо Физика — Физиолог.

Пифагорейцы — последователи древнегреческого мыслителя Пифагора. В связи со своим учением о мире, основой которого было число, пифагорейцы выработали сложную систему обрядов, которые Кампанелла имеет в виду, говоря о жителях Города Солнца.

Стр. 138. *...изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.* — После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Они владеют также искусством воспроизводить в комнатах всякие атмосферные явления: ветер, дождь, грозу, радугу и т. д.».

Стр. 139. *Феникс* — мифическая птица египтян, связанная с культом Солнца. Изображалась она в виде орла с красными и золотыми перьями. Согласно наиболее распространенному преданию, через каждые пятьсот лет Феникс сжигает себя самого и вновь возникает из пепла. Предания о Фениксе есть у Геродота (II, 73), в «Анналах» Тацита (VI, 28), у Плиния Старшего (X, 2) и других древних авторов.

Помпилий — полулегендарный римский царь. Нума Помпилий считался учредителем религиозных и гражданских законов Древнего Рима.

Замолксий — по преданию, ученик Пифагора, проводивший политические реформы у фракийцев.

Стр. 140. *...Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание.* — Способ печатания с наборного шрифта известен был китайцам с 1041 г. н. э., а за несколько веков до этого они уже умели печатать с каменных (со II в. н. э.) и деревянных досок (VI в. н. э.). Изобретение китайцами тряпичной бумаги относится к 105 г. н. э. Что касается огнестрельного оружия, то оно начало употребляться в Китае тоже раньше, чем в Европе, но, вероятно, не ранее XIII в.

...республика, монархия или аристократия? — Собеседник генуэзского моряка исходит из установленных Аристотелем «правильных» форм государственного устройства. Генуэзец не отвечает прямо на вопрос Гостинника, а начинает описывать государственный строй Города Солнца, указывая тем самым,

что этот строй не подходит ни под одно из определений Аристотеля.

Стр. 141. ...*дышиали бы большею любовью к ближнему*. — После этого в изд. 1643 г. добавлено: «каковыми были они во времена апостольские и каковы они в большинстве и теперь», — явная уступка «клирикам и монахам», не вяжущаяся с предшествующим рассуждением.

Августин (354—430) — один из первых христианских теологов, влиятельнейший авторитет католической церкви.

Стр. 147. ...*правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками*. — В изд. 1643 г. добавлено: «То же относится и к остальным двум соправителям».

Стр. 149. *Знаки Овна, Рака, Весов и Козерога* — то есть в начале марта, июня, сентября и декабря, соответственно четырем временам года. Здесь имеются в виду именно знаки зодиака, а не одноименные созвездия.

Стр. 151. ...*статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают...* — Представление о том, что изображение, на которое смотрят женщины при зачатии, определит наружность потомства, существовало в глубокой древности. В Библии рассказывается, что Иаков клал перед скотом прутья с вырезанными полосами на коре, чтобы рождался скот пестрый, с крапинками и с пятнами. Кампанелла, в свою очередь, рекомендует этот способ для производства хорошего потомства как у людей, так и у животных (см. ниже, в отделе «О скотоводстве»).

...*в благоприятном Доме...* — «Дома» — это деления воображеного неподвижного небесного круга — круга генитуры (половина которого скрыта под горизонтом), по которому движется зодиак со своими созвездиями или знаками и планетами. Всех «домов» — двенадцать. Это: 1) дом жизни, подходящий к точке пересечения круга генитуры с горизонтом на востоке, 2) дом прибыли, 3) дом братьев и дружбы, 4) дом родителей, 5) дом детей, 6) дом пороков, 7) дом брака, 8) дом смерти и наследства, 9) дом религии и странствий, 10) дом чести, 11) дом заслуги и 12) дом вражды и неволи.

...*в хорошем аспекте Юпитера...* — Весь зодиакальный круг делится на двенадцать знаков (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы; исходя от каждой из этих двенадцати точек, в зодиакальный

круг можно вписать равносторонний треугольник, четырехугольник (квадрат) и шестиугольник и провести из любой точки диаметры круга: этим путем мы получим аспекты, в которых одни точки круга находятся к другим. Так, взяв за исходную точку, например, знак Льва, мы увидим, что он будет находиться в противоположном (диаметральном) аспекте с Водолеем, в квадратном аспекте — с Тельцом и Скорпионом, в треугольном (или тригональном) — с Овном и Стрельцом и в шестиугольном (или секстильном) — с Близнецами и Весами. С остальными знаками Лев не находится в аспекте.

Планеты, находясь в разных знаках зодиакального круга, точно так же могут находиться в определенных аспектах друг к другу. Эти аспекты разделялись на благоприятные (хорошие) и неблагоприятные (дурные); к первым относятся «тригональный» и «секстильный», ко вторым — «квадратный» и «диаметральный».

...для Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами. — Птоломею и всем позднейшим астрологам жизнь представлялась движением, зависившим от начального ее импульса, или «пуска» (по-гречески — ἀφῆσις). Эта зависимость жизни от начального (случайного) импульса указывает на механистическую точку зрения, которой держались Птоломей и его последователи в области биологии. В этом движении пущенной, подобно стреле из лука, жизни первенствующую роль играла та планета, которая являлась в данный момент господствующей и, так сказать, «пускающей» жизнь, по греческой терминологии — афетой, которая при этом должна была находиться в одном из афетических мест круга генитуры (всех этих мест считалось пять). «Афетами» могли быть или Солнце, или Луна, а другие планеты лишь в том случае, если ни Солнце, ни Луна не находились в данный момент в каком-нибудь «афетическом месте».

...Деву в гороскопе... — Имеется в виду созвездие или знак Девы в пункте гороскопа, то есть на восточном краю горизонта.

Они добиваются не столько сопутствия... — Сопутствие — астрологический термин в применении к находящимся близко друг от друга планетам, двигающимся в данный момент в одинаковом направлении.

Стр. 154. *Святой Фома* — Фома Аквинский (1225–1274), главнейший представитель средневекового католического богословия и схоластики.

Стр. 156. ...*обязанности, художества, труды и работы...* — В изд. 1643 г. слов «художества, труды» нет.

Стр. 157. ...*превозносят апостолов*. — Кампанелла имеет в виду описываемую в библейских «Деяниях апостолов» (гл. 4 и др.) христианскую общину с ее чертами «потребительского коммунизма». Идеализация ранней христианской общины как общины коммунистической характерна не только для Кампанеллы, но и для более поздних утопистов, вплоть до XIX в.

Климент Римский — один из первых епископов римской церкви. Ему приписывалось много сочинений, но достоверно принадлежит ему только так называемое «Первое Климентово послание к Коринфянам», относящееся к периоду от 92 до 101 г. н. э.

Глосса — толкование. Кампанелла имеет в виду комментированное издание сочинения Грациана (XII в.), получившее название «*Decretum Gratiani*».

Тертуллиан (ок. 160–222 гг.) — христианский богослов. В его сочинениях находятся интересные сведения о жизни первых христианских общин.

Стр. 158. *Катон Младший* (95–46 гг. до н. э.) — римский государственный деятель. Мнение Катона Кампанелла извлек из биографии Плутарха.

Ересь Николаитов — одна из первых христианских ересей, сведения о которой очень скучны и недостоверны. Ее связывают с именем Николая, одного из семи первых диаконов; ей приписывали впоследствии заповедь общности жен, и безнравственное поведение.

Кайета (Гаэтано) (1480–1547) — итальянский богослов, автор комментариев к произведениям Фомы Аквинского.

Стр. 159. *Брахманы*. — Брахманизм — древнейшая религия индийцев. По ее учению, все исходит от высшего божества — Брамы — и к нему возвращается; на этом основано учение о переселении душ. Жрецы этой религии составляют высшее сословие, или касту брахманов.

Иисус Навин — по библейскому рассказу, предводитель евреев после смерти Моисея.

Маккавеи — название еврейской династии, правившей около ста лет Иудеей (по 37 г. до н. э.). Маккавеи возглавили восстание против сирийского владычества и освободили Иудею от его ига.

Стр. 160. *Сципион* — имя нескольких римских полководцев из одного и того же рода. Кого из них Кампанелла имеет в виду, решить трудно.

Стр. 161. ...*орудия, называемые пушками...* — В изд. 1643 г. пропущено несколько слов о перевозке снаряжения и припасов.

Стр. 162. ...*венок из травы...* — Обычай раздачи венков взят Кампанеллой из Древнего Рима. Самой почетной была согона *civica* из дубовых листьев. Из Рима же взят и обычай приносить в жертву доспехи, снятые с предводителя врагов.

...*тяжеловооруженные всадники...* — В изд. 1643 г.: «легко-вооруженные воины».

...*как Ахилл на Кикна...* — Кикн — по греческой мифологии, сын бога Посейдона, неуязвимый для оружия; был во время Троянской войны убит Ахиллом, который сбил его наземь и задушил ремнями от шлема (*Овидий. Метаморфозы*, кн. XII, с. 64—145).

Стр. 165. ...*но поединки не допускаются...* — После этих слов в изд. 1637 и 1643 гг. добавлено: «потому что этим унижается Суд, а также потому, что они часто ведут к несправедливости, если побежденным оказывается правый». Дальше — как в изд. 1623 г. Недопущение поединков у Кампанеллы представляет собой характерную черту нового правопорядка, пришедшего на смену «рыцарским» правовым нормам. Последние, однако, были еще в полной силе в эпоху Кампанеллы.

Стр. 167. *Георгика* (от греческого γεωργός — земледелец) и ниже *Буколика* (от греческого βούκόλος — пастух). — «Георгиками» и «Буколиками» называются поэма Вергилия о земледелии и сборник «пастушеских» стихотворений (эклог).

Авраам — библейский патриарх, легендарный родоначальник еврейского народа.

Стр. 168. *Плеяды* — небольшая группа звезд, входящая в со-звездие Тельца.

Стр. 169. ...*жизнь еще более похвальнюю и достойную.* — После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Они восхищаются христианскими установлениями и с надеждою ожидают для себя и для нас апостольской жизни».

Каукакина — одна из провинций Индокитая (Кохинхина).

...*твёрдые знаки в четырех углах мира.* — Твердыми знаками в зодиаке (*signa fixa*) назывались знаки Тельца, Льва, Стрельца и Водолея, то есть следующие за знаками начал четырех

времен года. «Fixa» они назывались потому, что при вступлении в них Солнца каждое из времен года уже твердо устанавливалось.

Фортуна с Алголем. — Под Фортуной разумеется особая точка гороскопа, определявшаяся в астрологии из положения Солнца и Луны. Алголь (по-арабски — «дьявол») — одна из крупнейших переменных звезд в созвездии Персея.

Абсида. — Абсидами называются две крайних точки планетной орбиты, в которых планета находится всего ближе или всего дальше от Земли (Земля принимается за неподвижную). Первая из этих точек называется перигеем, вторая — апогеем, а прямая, их соединяющая, — линией абсид.

Меркурий... радостен... (по-латыни — *Jovialis*) — то есть обладает свойствами Юпитера, планеты «благоприятной».

...как уже было указано. — После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Ибо они говорят, что бог установил причины вещей, которыми мудрец должен пользоваться, но не злоупотреблять». Это добавлено, чтобы смягчить астрологические выводы.

Стр. 171. *О болезнях Соляриев...* — Описание болезней и их причин, а также и средств их лечения основано главным образом на учениях античных врачей — Гиппократа, Цельса и Галена.

...телесными упражнениями... — В изд. 1643 г.: «умеренностью и телесными упражнениями».

Стр. 172. *Скот Дунс* (1265–1308) — известный богослов-схоластик.

Каллимах —alexандрийский ученый и поэт III в. до н. э.

Стр. 174. *Юстициарий* — очевидно, руководитель военных упражнений или поединков в Древнем Риме. К этому же роду должностей относится и должность гладиатора.

Стр. 175. *Ликторы* — стражники-исполнители в Древнем Риме, носившие, как знак власти сопровождаемых ими должностных лиц, связки прутьев со вложенным в них топором. Здесь, очевидно, имеются в виду помощники палачей.

Стр. 177. *...затем исповедует всенародно свои собственные грехи...* — В изд. 1643 г. этих слов нет.

Стр. 179. *Четыре поворотные точки мира* — знаки Рака, Весов, Козерога и Овна, с которых начинаются времена года: знак Рака — летнего солнцестояния, Весов — осеннего равноденствия.

денствия, Козерога — зимнего солнцестояния и Овна — весеннего равноденствия.

Стр. 181. *Счет времени ведется у них по тропическому, а не по сидерическому году...* — Тропический год — время между двумя последовательными прохождениями Солнца через точку весеннего равноденствия; сидерическим, или звездным, годом называется время полного оборота Солнца, то есть возращения Солнца к одной и той же точке неба. Ввиду так называемой «прецессии», или предварения равноденствия, то есть постепенного отступательного движения точки весеннего равноденствия, тропический год несколько короче сидерического («предваряет» его).

...в наклонности... — Очевидно, имеется в виду постепенное изменение наклонности эклиптики (круга годичного движения Солнца) к экватору.

Голова Дракона. — Головой и хвостом Дракона называются восходящий и нисходящий лунные узлы, то есть точки пересечения лунной орбиты, с эклиптикой. Кампанелла имеет в виду изменение положения плоскости лунной орбиты, при котором эти «узлы» все время движутся по эклиптике к западу и полный оборот делают приблизительно в девятнадцать лет.

Они восхваляют Птоломея... — Кампанелла, который выступал в защиту Галилея, не понимал, однако, сущности учения Коперника и Галилея, а в «Городе Солнца» он на основании своих физических, астрологических и религиозно-философских воззрений пытается создать свою собственную астрономическую систему, содержание которой он здесь и излагает. Колебание Кампанеллы в вопросе о том, правильна ли геоцентрическая (Птоломеева) или гелиоцентрическая (Коперникова) система, формулировано в конце его рассуждения («При этом, однако, они не уверены... является ли Солнце центром...»).

Аристарх (III в. до н. э.) — греческий астроном, учивший, что Земля движется вокруг своей оси и вокруг Солнца.

Филолай (V в. до н. э.) — ученик Пифагора. Ему приписывали учение о шарообразности Земли и считали его сторонником гелиоцентрической системы. Но от сочинений Филолая дошли до нас только скудные отрывки, по которым нельзя судить о его системе. Гелиоцентрическое учение приписывали

и самому Пифагору (теория Коперника в папском запрещении 1616 г. названа «ложным Пифагоровым учением»), но это — недоразумение. Система Пифагора была геоцентрической.

Пророчество Иисуса Христа. — Имеется в виду «пророчество» о знамениях, предвмещающих «конец мира».

...*как и во многом другом...* — Эти слова содержатся только в изд. 1623 г.

Стр. 181—182. ...*ненавидят они Аристотеля...* — По учению Аристотеля, мир не был создан и не возник, а существовал вечно. Это учение противоречило и христианскому и астрологическому мировоззрениям.

Стр. 182. ...*на основании аномалий.* — То есть ввиду отклонения планет от равномерного кругового движения.

...*Птоломеевы и Коперниковые эксцентрики и эпициклы...* — По теории Птоломея, планеты имеют двойное движение: они движутся по малому кругу, или «эпицикли», около некоторого центра, который в то же время сам движется по большому кругу около Земли. Соединение этих двух движений образует видимый путь планеты на небесном своде, состоящий из ряда петель. Наблюдая движения Солнца и Луны, греческий астроном Гиппарх (II в. до н. э.) еще до Птоломея установил, что эти движения не равномерны. Чтобы объяснить эту неравномерность, он предполагал, что центр кругового движения этих светил не совпадает с центром Земли, а передвигается по эксцентрическому кругу, или, как говорит Кампанелла, по «эксцентрику». Отношение расстояния между центром земли и центром этих орбит к их радиусу было названо эксцентриитетом орбиты. У Коперника эпициклы имеют иное значение, чем у Птоломея: они служили для объяснения тех неправильностей в действительных движениях планет, которые не могли быть истолкованы эксцентричностью орбит.

Одно небо — против учения Птоломея и других древних астрономов об отдельных небесах, или сферах.

Дальше Кампанелла описывает видимое движение планет по небу и дает свои собственные толкования этих движений, при которых планеты то идут вперед, то попятно, то останавливаются. Сложность этих видимых движений объясняется на самом деле комбинацией их с движением Земли вокруг Солнца. Свои объяснения Кампанелла основывает не столько на астрономических, сколько на астролого-физических толкова-

ниях. В его построениях интересно то, что он не согласен с современными ему астрономами и считает «попятное движение» планет не действительным, а кажущимся.

Соединение, квадратура, противостояние — различные положения планет относительно Земли и Солнца; соединение — положение планеты перед или за Солнцем (для Луны — это новолуние); квадратура — такое положение планеты, когда прямые, проведенные от Земли к планете и к Солнцу, образуют прямой угол (для Луны — это первая и последняя четверти); противостояние — положение планеты в точке, противоположной Солнцу (для Луны — полнолуние).

Стр. 183. *Первое небо*. — Здесь разумеется небо неподвижных звезд. Хотя Кампанелла и приписывает гражданам Города Солнца утверждение, что существует только одно небо, но здесь он сохраняет терминологию Птоломея. В течение суток Луна перемещается на небе к востоку на 13°.

Солнце дальше задерживается в северной области, чем в южной, так как движение Солнца неравномерно, и весна и лето Северного полушария делятся приблизительно 186 суток, а весна и лето в Южном полушарии Земли (соответствующие нашим осени и зиме) делятся только 169 суток.

Халдеи — народ, населявший в древности юго-западную часть Вавилонии. Халдеи славились, наряду с египтянами, как замечательные астрономы и астрологи.

...является ли Солнце центром Нижнего мира... — В этих и последующих словах соединены вкратце различные сомнения, какие возбуждала у Кампанеллы система Птоломея, которую, однако, он не решается прямо отвергнуть. Слова: «обращаются ли вокруг других планет луны» — намек на открытие Галилеем спутников Юпитера. Так как это открытие было опубликовано в 1610 г., то понятно, что в первоначальном тексте «Города Солнца», написанном около 1602 г., ничего о планетных спутниках не говорится. Об этом открытии (не называя, однако, Галилея) говорит Кампанелла и в своей «Астрологии» (1630), упоминая не только о четырех спутниках Юпитера, открытых при помощи телескопа, но и о двух спутниках Сатурна, за которых на самом деле были приняты части его кольца.

Для астрологических соображений Кампанеллы было решительно безразлично (как он сам говорит), обращается ли

Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца, так как для его выводов важно было только видимое или чувственно воспринимаемое движение, а не то, как оно происходит на самом деле.

Стр. 186. *...из-за перемещения абсид...* — Под перемещением абсид Кампанелла, очевидно, разумеет медленные изменения форм и положения планетных орбит, замеченные Коперником на основании сравнения данных современных ему наблюдений с наблюдениями эпохи Птоломея. Основываясь на разных астрологических соображениях и предсказаниях, в 1000 г. н. э. многие ждали конца мира. Сам Кампанелла ждал если не конца мира, то, во всяком случае, какого-то великого мирового переворота в 1600 г., что и явилось для него одной из побудительных причин приурочить к кануну этого «рекордного» года возглавлявшееся им восстание в Калабрии.

Великие соединения. — Разумеются соединения планет.

Стр. 187. *Чего не хочешь самому себе...* — Имеются в виду слова Евангелия (Матфей, VII, 12, и Лука, VI, 31).

Стр. 188. *...великих синодов в треугольнике Рака...* — «Синоды» — астрологический термин для обозначения соединения планет в определенных знаках зодиака. «Треугольник Рака» — то есть треугольник, образуемый знаками Рака, Скорпиона и Рыб, которые находятся между собою в «треугольном», или «тригональном» аспекте.

Новая звезда в Кассиопее. — Эта новая звезда вспыхнула в созвездии Кассиопеи осенью 1572 г. и достигла такого блеска, что была видна даже днем. В 1574 г. она совершенно исчезла из виду. Звезду эту описал известный датский астроном Тихо Браге (1546–1601).

Стр. 189. *Подзорные и слуховые трубы.* — Подзорная труба была изобретена около 1608 г. Наряду с этим Кампанелла предвещает и изобретение слуховых инструментов, при помощи которых будет слышна гармония неба, или музыка сфер, которая, по учению древних, происходит будто бы от взаимного трения небесных сфер друг о друга. Кампанелла здесь совершенно забывает, что Солярии отвергают учение о сферах и признают только одно небо (см. прим. к стр. 182).

...Рак — ...женский знак Венеры и Луны... — По учению астрологов, знаки зодиака, как и планеты, разделялись по раз-

ным признакам: они делились на «мужские» и «женские», на «водные» (или «влажные»), «воздушные», «огненные» и т. д.

После слов: «раз он — знак водный» в позднейших изданиях следует (текст дается по изд. 1643 г.):

«И каким образом звезды могут это знать и делать? Все совершается в надлежащие сроки, установленные богом. Они уж слишком увлекаются астрологией!

Мореход. Вот что они ответили мне: бог есть непосредственно-всеобщая причина вещей, но не в смысле непосредственности частной причины, а всеобщего начала и силы; ибо не бог ест, когда ест Петр, как и не бог мочится и ворует, хотя и дает возможность и способность есть, мочиться и брать, как непосредственная причина, прежде которой никакой другой нет и по отношению к которой всякая другая является более частной, модифицирующей бесконечность божественного действия.

Гостинник. О, как прекрасно говорят о том же наши учёные схоластики, в особенности божественный Фома в сочинении против магометанских философов, утверждающих, что действие первой причины более непосредственно в смысле прямого контакта, чем действие второй: см. 3 con. Gen. cap. 70 u 2 dist. 37 u pot. q. 1 art. 3 u 5 u opusc. 9 q. 38, где он учит, что всеобщая причина действует непосредственно в смысле начала, а не в смысле контакта, как действует частная причина. Продолжай.

Мореход. Итак, они говорят, что бог создал для всех будущих действий и всеобщие и частные причины, причем эти последние не могут действовать, когда не действуют первые. Так, растение не может цвести, если не согревает его Солнце. Смена же времен зависит от всеобщих причин, то есть от небесных; и, следовательно, все наши действия возможны при условии действия неба. Но причины свободные используют время как по отношению к себе самим, так иногда и по отношению к другим вещам. Ибо человек заставляет деревья цвести при помощи огня, и светильник освещает дом в отсутствие Солнца. Причины же естественные принудительно зависят от времени. Таким образом, как одно происходит днем, другое — ночью, одно — зимою, другое — летом, или весною, или осенью столько же по причинам свободным, сколько и по естественным, так и одно — в одном веке, другое — в другом. И как

свободная причина не принуждается ни спать, когда наступает ночь, ни вставать при наступлении утра, но действует сообразно своей потребности, используя таким образом в своих интересах смену времен, — точно так же ничто не вынуждает ее изобретать аркебузы или книгопечатание при великих соединениях в Раке, ни учреждать монархии, когда приходятся они в Овне. Это же относится и к прочему — к посевам в сентябре, подрезыванию деревьев в марте и т. д. И они не могут поверить, чтобы первосвященник премудрых христиан запрещал астрологию иначе как тем, кто злоупотребляет ею для предсказания действий, зависящих от свободной воли и сверхъестественных событий: ибо звезды служат для сверхъестественных явлений лишь знамениями, для естественных — всеобщими причинами, а для волевых актов — только поводами, побуждениями и склоняющими к ним мотивами. Ведь восход Солнца не принуждает нас вставать с постели, а только побуждает, представляя к этому удобства, как и ночь представляется неудобной для вставания и удобной для спанья. Значит, когда они воздействуют на свободную волю косвенно и случайно, действуя на тело и на свойственное телу ощущение, связанное с телесным органом, то душа возбуждается этим ощущением или к любви, или к ненависти, или ко гневу и к прочим страстям. Но и тут еще она может поддаться или не поддаться возбужденной в ней страсти. Таким образом, и ереси, и войны, и голод, указываемые звездами, возникают большей частью оттого, что люди большей частью допускают управлять собою чувственным побуждениям, а не разуму, из-за чего совершают поступки, разуму противные. Но иногда они следуют страстям разумно, когда, например, в порыве справедливого гнева начинают справедливую войну.

Гостинник. И об этом превосходно говорит божественный Фома, а также наш первосвященник. Он допускает применение астрологии и в медицине, и в земледелии, и в мореплавании, вместе со всеми своими схоластиками, разрешающими предположительные предсказания даже относительно произвольных действий. Но, ввиду разрастания злонамеренности и злоупотребления этим разрешением, они запрещают хотя и не самые предположения, но основанные на них предсказания, не потому, что они всегда лживы, но потому, что они большей частью или всегда опасны. Ведь полагающиеся на

астрологию государи и народы затевают бесчисленное множество или прямо зловредных предприятий, или хоть и полезных, но обреченных на неудачу, как это видно на примерах Арбака, Агафокла, Друза, Архелая; наконец, мы ожидаем того же самого и в отношении некоего герцога Финляндии, поло-жившегося на предсказание Тихо Браге. Да и против наших первосвященников на многое осмеливаются государи, дове-ряясь подобным предсказаниям наглых обманщиков.

Мореход. Так же и Солярии говорят, что одно надо запре-щать как лживое, другое — как опасное, поскольку оно может привести к идолопоклонству, или к уничтожению свободы, или к разложению государственного строя. Наоборот, я гово-рю тебе, Солярии уже изобрели способ избегать звездного рока, ибо всякое искусство дается богом не иначе, как на пользу. Поэтому всякий раз, когда приближается затмение — или толь-ко нездоровое, при господстве в это время благодетельных планет, или прямо губительное, при междуцарствии зловред-ных, — или зловещая комета, или дурное направление в афет-ическом месте, того, кому звезды угрожают несчастьем, за-ключают они в белую комнату, опрысканную благовониями и розовым уксусом, зажигают семь светильников из воска, смешанного с ароматами, исполняют радостную музыку и за-водят веселые разговоры, дабы развеять семена заразы, рас-пространяющиеся с неба в воздухе.

Гостинник. Какие, право, все полезные средства и как муд-ро они их применяют! Небо ведь воздействует вещественно, и противодействовать ему можно вещественными противо-ядиями. Но вызывает возражения число светильников, сила которых как будто бы заключается в самом их числе, что от-дает суеверием.

Мореход. Действительно, они опираются на пифагорей-ское учение о действенных свойствах чисел, но не знаю, по суе-верию ли: они основываются не на одном лишь числе, но на числе в соединении с врачебными средствами.

Гостинник. Тогда это совсем не суеверие: ибо никакой канон, ни божественное Писание не осудили силы чисел; на-оборот, врачи пользуются этою силой применительно к пе-риодам и кризисам болезней. И в Писании сказано, что бог сотворил все числом, весом и мерою, и таинственные свой-ства чисел подтверждаются семью днями творения, семью ан-

гелами, трубящими в трубы, семью чашами, семью громами, семью светильниками, семью печатями, семью таинствами, семью дарами святого духа и семью очами на камне Захарии. Сколько это породило философских рассуждений о числах, и в особенности о седмерице у святого Августина, святого Илария и Оригена! Итак, я не осуждал бы Соляриев, раз они, как видно, являются врачами недугов, нисходящих с неба, и защитниками свободы воли.

Ведь они своими семью факелами подражают небу, подобно тому как подражал ему Моисей своими семью светильниками: и в Риме считается суеверием лишь то, когда сила, имеющая свой источник в боже, приписывается одним только числам, а не исчисленным вещам и тому, по отношению к чему числа не имеют ни применения, ни силы. Также суеверно поступает и тот, кто старается использовать небесные явления или травы там, где они ни при чем: это чистейшее пустосвятство, которым дьявол, обезьяна бога, подражает богу — создателю чисел. И у Вергилия радуется он нечетному числу. Наоборот, когда естественная сила ревеня приписывается труту по невежеству, это — не суеверие; но если труту или числу приписывается сила божественная, это — суеверие. Смотри богословие. Теперь продолжай свой рассказ, от которого мы отклонились.

Мореход. Итак, Солярии полагают, что женские знаки сообщают плодородие тем областям, где властвуют женщины, и дают господство на Земле вещам слабейшим, поддерживая, способствуя и доставляя выгоды или невыгоды одним и отстраняя их от других, как было сказано».

Дальше следует, как и в изд. 1623 г.; «Откуда и понятно...» — и т. д.

Нубия — страна к югу от Египта, по среднему течению Нила.

Монопотана или Мономотапа — негритянское государство в Африке по нижнему течению реки Замбези, существовавшее до XVIII в.

Русская в Турции — султанша Роксолана, любимая жена Солимана II Великолепного (1520—1566). По одним источникам, была русской, по другим — итальянкой. Она имела неограниченное влияние на султана.

Бона в Польше — королева польская, жена Сигизмунда I (1506—1548).

Мария в Венгрии — венгерская королева Мария (1505—1558), дочь Филиппа I Красивого, бывшая женою венгерского короля Людовика II (ум. в 1522 г.).

Елизавета в Англии — Елизавета Тюдор (1558—1603), королева английская, при которой была совершенно разбита «Непобедимая армада», флот короля испанского Филиппа II.

Екатерина во Франции — знаменитая Екатерина Медичи (1519—1589), королева французская, жена Генриха II, после смерти которого в царствование своих сыновей Франциска II, Карла IX и Генриха III была полновластной правительницей Франции. По ее распоряжению произошло избиение гугенотов 24 августа 1572 г. («Варфоломеевская ночь»).

Бьянка в Тоскане — Бьянка Капелли (ум. в 1587 г.), дочь венецианского сенатора, вторая жена великого герцога тосканского Франциска.

Маргарита в Бельгии (т. е. в Нидерландах) — Маргарита Пармская (1522—1586), побочная дочь Карла V, воспитывавшаяся при дворе венгерской королевы Марии. В 1558 г. была назначена Филиппом II Испанским наместницей в Нидерландах.

Мария в Шотландии. — Имеется в виду, вероятно, не Мария Стюарт, о которой Кампанелла написал трагедию, а ее мать, Мария Гиз (1515—1560), жестоко преследовавшая протестантов.

Изабелла — королева кастильская (1450—1504), жена короля испанского Фердинанда V.

Le donne... — первый стих поэмы Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд».

Стр. 190....*бесчисленные мерзости*. — После этих слов в изд. 1643 г. следует: «которым состояние мира способствует, но к которым не принуждает».

Место экзальтации Юпитера. — «Экзальтация», «тройственность» — астрологические термины, обозначающие «достоинства» планет, то есть свойства, приписывавшиеся им в различных положениях в созвездиях зодиака. Апогей Солнца — то есть точка летнего солнцестояния, находящаяся в знаке Рака.

...изобретению книгопечатания и огнестрельного оружия. — После этих слов в изд. 1643 г. следует:

«И это не было причиной, а скорей только случаем для великой перемены законов по промыслу божию, всегда направленному ко благу, если только мы его не извращаем.

Тут рассказали они мне удивительные вещи о соответствии небесного и земного, о состоянии умов, о распространении христианского закона в Новом Свете, о его непоколебленной силе в Италии, о шатаниях в Северной Германии, Англии, Скандинавии и Паннонии. Об этих предзнаменованиях я не хочу и говорить, потому что по справедливым причинам это запрещено премудрым нашим папою. Не буду говорить о реформах Ксерифа и София в Африке и Персии, происходивших в то время, как у нас Виклеф, Гус и Лютер расшатывали религию, а Минориты и Капуцины ее прославляли, и о том, каким образом одним и тем же перемещением светил на небе одни пользуются ко благу, другие же используют его ко злу, хотя ересь и упоминается апостолом в числе дел плоти и потому относится к чувственным страстям, возбуждаемым Марсом, Сатурном и Венерою при беспрепятственном подчинении им нашей воли.

Расскажу, однако, о том, что Солярии уже изобрели искусство летать и разные другие искусства под влиянием Луны и Меркурия и при содействии абсиды Солнца...»

Дальше, со слов: «при содействии абсиды Солнца» — текст опять совпадает с изд. 1643 г.

...служат определяющими причинами. — На полях изд. 1643 г. при этих словах стоит примечание: «Светила в отношении дел божественных суть только знаки. В отношении же человеческих — они суть знаки и причины, но только побудительные. В отношении же естественных — знаки и причины или побудительные, или иногда и принудительные. И так как ересь, согласно апостолу, есть дело плоти, — ибо ум склоняется к ереси плотским разумением, — то светила, действуя непосредственно на тело и чувство, суть причины ересей постольку, поскольку поддающийся влиянию человек предается нечестию».

Слова: «ересь, согласно апостолу, есть дело плоти» — указание на апостола Павла, который говорит об этом в Послании к Колоссянам.

Секта Али, восстановленная Софием... — Али — приемный сын и зять Магомета. Его сторонники образовали секту шиитов. Шиитский исламизм стал с 1499 г. официальной религии в Персии. Секта Суфи, или суфиев — самая значительная из шиитских сект.

Знаки Стрельца и Льва. — Все страны в области земного шара находятся, по учению Птоломея, под господством определенных знаков зодиака; так, в Африке господствует Рак, в Италии — Лев, в Испании — Скорпион и т. д. Подобное же влияние на разные страны приписывалось астрологами и определенным планетам.

Домом Солнца... Домом Луны... — В астрологии считалось, что все планеты имеют свои «дома», или жилища, в отдельных знаках зодиака, при нахождении в которых они проявляют свою наибольшую силу. При «перевертывании» знаков зодиака и окажется, что если домом Солнца, например, считается знак Льва, то в Южном полушарии таким домом должен будет оказаться противоположный ему знак Водолея и т. д. Эти «дома» не следует путать с «домами» круга генитуры.

Между словами: «И все знаки... перевертываются» и «это необходимо, согласно законам природы» в изд. 1643 г. добавлено: «И на экваторе между тропиками и самые знаки называются по-иному, чем за его пределами и в полярных областях».

Стр. 191....почтаемого... философа... — Кампанелла подразумевает здесь самого себя и описывает свою пытку на допросе.

...поступать против нашего решения. — После этих слов в изд. 1643 г. поставлено: «ни бог не управляет нами принудительно; ибо человек настолько свободен, что способен даже богохульствовать. И разве бог разделен?»

...из трупов еретиков... — В изд. 1643 г.: «из тлетворного мозга еретиков».

Иезуиты — духовный орден, учрежденный в 1534 г. Игнацием Лойолой с целью распространения и укрепления католицизма. Был главным органом борьбы католической реакции против протестантизма. Был уничтожен в 1773 г. папой Климентом XIV, но восстановлен в 1814 г. Пием VII.

Минориты, или францисканцы — монашеский орден, основанный в 1209 г. Франциском Ассизским.

Капуцины — католический монашеский орден, одна из ветвей ордена францисканцев (миноритов). Основан в 1525 г.

Фернанд Кортес (1485—1554) — завоеватель Мексики.

Вместо: «Ересь апостол Павел...» до «Аминь» — в изд. 1643 г. такой текст:

Гостинник. Скажи только одно: каким образом заставляют они двигаться корабли без помощи ветра и весел?

Мореход. Посредством устроенного на корме большого опахала с шестом, к которому привешен уравновешивающий его груз, так что мальчик может поднимать и опускать его одной рукой. У большого же паруса оно укреплено на свободно вращающейся оси на двух вилках. Кроме того, некоторые суда двигаются у них двумя колесами, поворачивающимися в воде при помощи канатов, идущих от большого колеса, поставленного на носу и крест-накрест надетых на кормовые колеса. Большое колесо, которое вертит малые, находящиеся в воде колеса, приводится в движение так же легко, как на том приспособлении, при помощи которого Калабрийки и Француженки крутят, сучат и прядут нитки.

Ф. Петровский
«НОВАЯ АТЛАНТИДА» Фрэнсиса Бэкона

После смерти Фрэнсиса Бэкона, последовавшей 9 апреля 1626 года, «Новая Атлантида» («New Atlantis») осталась в виде неоконченного фрагмента и была впервые опубликована его духовником и литературным душеприказчиком Раули в 1627 году. Написана же она была Бэконом, по словам Раули, около 1623 года по-английски, причем через короткое время был сделан перевод «Новой Атлантиды» на латинский язык «для пользы других народов». В 1638 году Раули выпустил том сочинений Бэкона, переведенных на латынь, «Operum Moralium et Civilium Tomus», включивший «Новую Атлантиду».

Первый русский перевод «Новой Атлантиды» вышел в 1821 году: «Новая Атлантида; сочинение Франциска Бакона, Аглинского канцлера; перевод с французского. Москва, типография г-жи Божуковой, 1821 г.». В 1922 году в издательстве «Былое» «Новая Атлантида» вышла в переводе и с примечаниями проф. С. Я. Лурье. Этот перевод неоднократно переиздавался.

Настоящий перевод «Новой Атлантиды», выполненный З. Е. Александровой, был впервые опубликован в издании Академии наук СССР (Москва, 1954).

Стр. 195. *Южные моря*. — Имеется в виду Тихий океан.

Стр. 208. *Геркулесовы столбы* — древнее название Гибралтара.

Камбалу. — У мусульманских писателей «Хан-Балык» (т. е. «город хана») часто неправильно произносилось как «Камбалау»; под этим названием известен был (по описанию Марко Поло) в средневековой Европе город, расположенный около нынешнего Пекина. Название «Камбалу» относится к периоду монгольского владычества; при Минской династии (XIV–XVII вв.) город был переименован в Пекин (т. е. «северная столица»).

Кинсаи. — Под этим названием у Марко Поло описан Ханчжоу.

...одним из... великих людей... — Имеется в виду Платон, давший в диалогах «Тимей» и «Критий» описание устройства и судеб государства, существовавшего некогда на острове Атлантиде.

Стр. 209....великий писатель ваш... — Платон.

Стр. 221. ...в одной вашей книге... — Имеется в виду «Утопия» Томаса Мора.

Ф. Коган-Бернштейн «ГОСУДАРСТВА ЛУНЫ» Сирено де Бержерака

Трактат Сирено де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны» (*L'Autre Monde ou les Etats et les Empires de la Lune*) был закончен около 1650 года. Однако напечатан он был, как, впрочем, и почти все произведения Сирено, только после смерти автора, стараниями старого приятеля Сирено, его школьного товарища Никола Лебре в 1656 году. Изданье снабжено довольно нелепым предисловием Лебре, где последний старается защитить своего умершего друга от обвинений в антирелигиозности и тем обеспечить «Государствам Луны» мирное печатное существование. Текст трактата напечатан по рукописи, бывшей в руках Лебре; он носит следы многочисленных поправок и переделок, сделанных, вероятнее всего, рукой Лебре, который таким образом оказался и редактором сочинений Сирено. Цель редакционных поправок все та же — по возможности очистить текст от таких мест, которые могли бы очернить «память автора» и «создать затруднения» издателю. В 1659 году это издание было повторено. Все последующие издания «Государств Луны» перепечатывались

с издания 1659 года. Всего до конца столетия во Франции вышло пять или шесть изданий как «Государств Луны», так и других сочинений Сирано. С 1699 года утопические трактаты, а также письма были неоднократно издаваемы в Амстердаме. Наконец, в 1858 году в Париже были изданы сочинения Сирано (под редакцией П. Лакруа); еще одно издание вышло в 1875 году.

Лишь в 1861 году на аукционной распродаже одного книжного и рукописного собрания, происходившей в Париже, была впервые обнаружена рукопись «Государств Луны», поступившая затем в Парижскую национальную библиотеку. В 1908 году в Мюнхенской королевской библиотеке был отыскан второй рукописный экземпляр этой книги. Он, как оказалось, попал в Мюнхен в составе библиотечного наследия курфюрстов Пфальцских, которые в XVII веке были в культурном отношении тесно связаны с Францией. Сравнительное изучение обеих рукописей показало, что парижская является, по всей вероятности, одной из очень ранних копий еще не вполне отредактированного труда, а мюнхенская — копией вполне отредактированной, вероятно одной из тех, которые Сирано распространял среди друзей после 1650 года. На основании этих двух рукописей, по сравнению их с традиционным текстом, восходящим к изданию 1659 года, немецкий ученый Лео Иордан издал в 1910 году критически проверенный сводный текст «Государств Луны», положенный в основу первого русского перевода, вышедшего в издательстве «Academia» в 1931 году (Москва — Ленинград) под редакцией академика В. И. Невского. Издание Лео Иордана, а также хорошо комментированный солидный, снабженный вариантами труд Ф. Лашевра, выпустившего в 1921 году в Париже Собрание сочинений Сирано, были учтены в современном французском издании «Государств Луны и Солнца» с предисловием и комментариями Х. Вебера («Эдиссон Сосьяль», Париж, 1959), по которому был сделан новый русский перевод «Государств Луны», выполненный Е. А. Гунстом для настоящего издания. В примечаниях к настоящему изданию использованы комментарии Х. Вебера к французскому изданию 1959 года и комментарии к русскому изданию 1931 года.

Стр. 238. Кардано Джироламо (1501—1576) — итальянский ученый, математик, медик и философ. С 1534 г. был профес-

сором математики в Милане и Болонье, занимался врачеванием и составлением астрологических альманахов и гороскопов. В 1570 г. был посажен в тюрьму по подозрению в волшебстве, но в следующем году выпущен на свободу. Последние годы жил в Риме. Занимаясь составлением гороскопов, Кардано составил и свой собственный, в котором предсказал день своей смерти. Чтобы оправдать свое предсказание, он, как рассказывали, уморил себя голодом в 1576 г. Кардано оставил многочисленные ученые трактаты. В математике его имя связано с открытием формул для решения уравнений третьей степени. Философские воззрения его носят пантеистический характер; изложение их очень туманно и запутано.

Стр. 240. *Вы доложитесь лекарскому начальнику?* — В обязанности лекарского начальника портовых городов входила проверка состояния здоровья экипажей и пассажиров всех прибывающих кораблей на предмет предотвращения эпидемий.

Стр. 241. ...*во Франции, но в Новой...* — Новой Францией называлась теперешняя Канада, точнее земли, прилегавшие с севера и юга к реке Св. Лаврентия. Название это было дано стране французским мореплавателем Жаком Картье, исследовавшим в 1534 г. течение реки Св. Лаврентия и провозгласившим открытые им земли владениями Франции. Однако попытки колонизовать Новую Францию эмигрантами из метрополии начались только в первые годы XVII столетия. С 1628 по 1674 г. Новая Франция находилась в ведении частных компаний, субсидируемых правительством, но с губернатором во главе. С 1674 г. колония получила окончательную организацию с некоторыми чертами самоуправления. Очень рано стало сказываться враждебное отношение между Новой Францией и лежавшей к югу от нее Новой Англией, то есть английскими колониями, составившими позднее основное ядро США. Вражда эта, объясняемая местными причинами и в то же время бывшая отголоском неприязненных отношений обеих метрополий, окончилась завоеванием Новой Франции англичанами в 1763 г.

...*меня представили вице-королю...* — В рукописи называется имя господина Монманни, который был губернатором Квебека и Новой Франции с 1636 по 1647 г. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям творчества Сирано думать, что начало его работы над трактатом о «Государствах Луны» относится еще к 30-м годам XVII в.

...с нашими отцами иезуитами? — Иезуитский орден, или «Общество Иисуса», самый младший по времени основания монашеский орден католической церкви, в XVII в. проник и в Новую Францию, где ставил себе задачей христианизацию туземного населения. Очень скоро иезуиты приобрели там настолько могущественное и влиятельное положение, что светская администрация колонии была всецело в их руках. Чрезмерное влияние католического духовенства, и в частности иезуитов, в Канаде немало способствовало обострению вражды между французской колонией и соседними английскими, население которых состояло по большей части из крайних протестантов, выселившихся из Европы из-за преследований со стороны католиков; это обстоятельство имело большое значение в процессе гибели Канады как французской колонии.

Стр. 243. *А зачем предполагать, что небо круглое, раз убедиться в этом нельзя...* — Сирано выступает здесь против Птоломея, учившего, что звезды находятся на равном расстоянии от земли.

...о наличии какой-то разумной силы, которая приводит светила в движение и управляет ими. — Наличием в мироздании разумной силы объясняли движение светил Платон (в диалоге «Тимей») и Аристотель. Эта мысль была подхвачена и развита средневековой схоластикой.

...на эту тему несколько сочинений Гассенди. — Основное сочинение Гассенди, являющееся изложением его проникнутого доктрины Эпикура философского учения «*Syntagma philosophicum*», увидело свет лишь в 1658 году, то есть после смерти Сирано, но такие важные его произведения, как «*Epistola de apparente magnitudine solis*» и «*Institutio Astronomica*», были напечатаны соответственно в 1642 и 1647 гг.

Стр. 244. ...Солнце — огромное тело, которое в четыреста тридцать четыре раза больше Земли... — По данным современной науки, Солнце в 1283 раза больше Земли.

Неужели только потому, что Солнце отмеривает наши дни и годы, можно утверждать, что оно создано для того, чтобы мы не натыкались лбом на стены? — Важное для концепции Сирано возражение официальной христианской доктрине: человек не есть центр мироздания, не на потребу человеку создана Вселенная.

Стр. 246. ...дало повод пифагорейцам предсказывать всемирный пожар. — Гибель мира от огня предсказывали пифагорей-

цы и стоики. Эпикур также считал возможным подобный вариант конца света.

...Солнце, очищаясь от ржавчины, далеко отбросило ее от себя... центр нашего мира притянул их к себе... — Сходная идея образования планет Солнечной системы из частиц, отторгнутых Солнцем, лежит в основе гипотезы Лапласа.

Стр. 247. *...темные места на Солнце, кажущиеся нам пятнами, не что иное, как миры, находящиеся в стадии образования.* — Открытие пятен на Солнце, сделанное почти одновременно Яном Фабрициусом в 1611 г., Шейнером и Галилеем в 1612 г., возбудило в среде ученых противоречивые отклики. Так, итальянец Рейта счел эти пятна небольшими планетами-спутниками Солнца. Напротив, Галилей, а вслед за ним и Гассенди высказали предположение, что пятна на Солнце представляют собой сущности, родственные нашим облакам.

...в лес за хворостом для праздничного костра... — Рассказывая о кострах Ивановой ночи (24 июня), автор имеет в виду общераспространенный по всей Европе обычай, являющийся пережитком древнего язычества и перенесенный европейскими колонистами в Америку.

Стр. 249. *...масса Луны меньше массы... Земли...* значит, и воздействует она на меньшее пространство; поэтому-то я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения. — Здесь в рассуждениях Сирано мелькает догадка о законе, позднее сформулированном Ньютона как Закон всемирного тяготения.

...местность эта оказалась... Земным раем... — По библейским сказаниям, Земной рай находился в Месопотамии и был орошаен реками Тигром и Евфратом.

Древо жизни — по библейским сказаниям, находилось в Земном раю; его плоды, вкушаемые человеком, избавляли последнего от болезней и смерти.

Стр. 252. *Енох* — по библейским сказаниям, потомок Сифа, сына Адама и Евы, седьмой патриарх, считая от Адама, и дед Ноя. О нем рассказывается, что он «ходил перед богом», то есть стремился к высшей чистоте и святости; в награду за это ему было даровано бессмертие, отнятое у рода человеческого за грех его прародителей Адама и Евы, и он живым был взят в рай.

Илия — ветхозаветный пророк, жизнь которого излагается в Третьей и Четвертой Книгах царств. Современник изра-

ильского царя Ахава Илия рисуется как ревностный защитник культа Иеговы против наводнявших Палестину финикийских культов. Сказания о нем говорят, что в конце жизни он был живым взят на небо на огненной колеснице.

Евангелист Иоанн — один из двенадцати апостолов, пережил всех остальных своих товарищей и, после долгого заточения на острове Патмосе, умер в конце I в. н. э. в городе Эфесе, где имел очень много учеников и последователей. Легенда о том, что он был взят живым в рай, распространилась значительно позднее и вероятнее всего восходит к каким-нибудь апокрифическим сочинениям.

Стр. 253. *Лестница Иакова*. — По библейским сказаниям, еврейский праотец Иаков, внук Авраама и сын Исаака, видел во сне лестницу, поднимавшуюся от земли на небо к престолу Иеговы (Бытие, XXVIII, 12–16).

Стр. 254. ...ибо их влияние на гороскоп Людовика Справедливого... весьма благотворно. — Имеется в виду король Людовик XIII, умерший в 1643 г. Сторонники мнения, что сочинение Сирано было задумано, и даже, может быть, частью написано, гораздо ранее 1650 г., ссылаются на это место в тексте в подтверждение своих догадок.

Ахав — мифическое имя дочери Ноя, не встречающееся в Книге Бытия.

Стр. 256. *Елисей* — ветхозаветный пророк, деятельность которого относится к IX–VIII вв. до н. э. и изложена в Четвертой Книге царств, ученик и последователь Илии, ведший борьбу против последних царей израильского царства. С его именем связано развитие так называемых пророческих школ, в которых под руководством признанных и известных своей деятельности народных вождей-пророков воспитывались молодые люди, продолжавшие дело своих учителей.

Стр. 258. *Эскулап* — греческое название Асклепия — древнегреческий бог врачебного искусства, кульп которого проник в Рим в III в. до н. э. Как в Греции, так и в Риме Эскулапу были посвящены змеи, разводимые в его храмах. Отсюда, вероятно, и позднейшее предание, приводимое здесь.

Сципион. — Вероятно, имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала, умерший около 183 г. до н. э. и стоявший во главе культурного движения в сторону греческой образованности, или Публий Корнелий

Сципион Эмилиан (185–129 гг. до н. э.), разрушитель Карфагена и представитель того же культурного направления.

Александр. — Несомненно, имеется в виду Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.).

Карл Мартел — в 715–741 гг. майордом, или правитель, франкских королевств Австразии и Нейстрии (Западной Германии и Северной Франции), известный своими победами над арабами, проникшими в 730-х годах из Испании во Францию. Был очень нелюбим духовенством за крутую политику по отношению к высшим духовным лицам. Отсюда, может быть, следует объяснять возникновение легенды о змеях.

Эдуард Английский. — Неясно, о каком короле Англии здесь может идти речь; предположительно можно думать, что имеется в виду Эдуард II (1307–1327), приобретший при жизни сильную ненависть как со стороны дворянства, так, особенно, со стороны духовенства.

Стр. 259. *Моисей* — древнееврейский вождь и пророк, с именем которого связаны предания о выходе евреев из Египта. Его жизнь и деятельность следует относить к XIII–XII вв. до н. э. С именем того же Моисея связано предание о составлении пяти древнейших и основных частей Библии, так называемого «Пятикнижия» (Книги Бытия, Исход, Левит, Чисел и Второзакония). В первой из них записаны космогонические сказания евреев и сказания о последующих временах до переселения евреев в Египет. Это последнее обстоятельство имеет в виду Сирано, шутливо говоря устами пророка Илии, что Адам и все его потомки ничего не могли сказать о сотворении мира вплоть до Моисея.

Стр. 260. *Архангел* — привратник рая; имеется в виду архангел Михаил, по библейским сказаниям, вождь небесного воинства в борьбе с темными силами ада; ему, между прочим, поручено было изгнание Адама и Евы из рая.

Стр. 261. ...*для сорочек одиннадцати тысяч девственниц.* — Иронический намек на одиннадцать тысяч дев-мучениц, которые были предметом особого почитания в прирейнских странах и отчасти в восточной Франции.

Стр. 265. *Демон Сократа.* — Понятие «демон» у древних греков вообще означало существо, обладающее сверхъестественной силой, принадлежащее к невидимому миру и имеющее влияние на жизнь и судьбу людей. Замечаемое в жизни людей

преобладание благополучия или несчастия привело к представлению об особом демоне, который при самом рождениидается человеку на всю жизнь и своим характером определяет его судьбу; счастливый человек — тот, кто при рождении получил доброго демона. Очень большое значение отводил демонам и Сократ, который признавал, что он сам находится под постоянным и непосредственным воздействием состоявшего при нем демона. Об этом-то «демоне Сократа» и говорит Сирано, делая из него своего собственного покровителя в лунном мире.

Фивы — главный город греческой области Беотии, получившей в IV в. до н. э. перед македонскими завоеваниями на очень короткое время руководящее влияние на общие греческие дела.

Эпаминонд — греческий полководец и политический деятель IV в. до н. э., своею деятельностью доставивший родному городу Фивам, до тех пор не имевшему большого значения в общегреческих делах, первое и руководящее место среди греческих государств и сломивший вековую гегемонию Спарты. С его смертью в 362 г. до н. э. значение Фив снова упало, благодаря чему открылся путь для прямого вмешательства Македонии во внутренние дела Греции.

Катон Марк Порций — см. прим. к стр. 163. Всю жизнь оставался сторонником республиканской партии. Этим объясняется его упорная борьба против стремившегося к диктатуре Цезаря. В 46 г. до н. э. Катон, находясь в Африке, в городе Утике, лишил себя жизни, узнав о победе Цезаря над республиканским войском.

Брут Марк Юний (79–42 гг. до н. э.) — зять Катона Утического, римский политический деятель и вождь республиканской партии. Глава заговора против Цезаря, приведшего к убийству последнего в 44 г. до н. э. В 42 г. до н. э., после поражения руководимых им республиканских войск при Филиппах, в Македонии, лишил себя жизни.

Император Август — Юлий Цезарь Октавиан Август (ум. в 14 г. н. э.) — племянник и приемный сын Цезаря, продолжатель его дела, окончательно установивший в Риме единоличную власть, сохранив, однако, внешнее значение прежних республиканских учреждений.

Друз Нерон Клавдий — пасынок императора Августа и младший брат императора Тиберия. Известен своими похо-

дами из Галлии в Германию. Во время этих походов Друз перешел за Везер и проник так далеко в Германию, как после него не проникал ни один римлянин. Умер, упав с лошади, в обратном походе из Германии.

Ливия — вторая жена императора Августа, мать Друса и императора Тиберия.

Стр. 266. *Агриппа* (Корнелиус Генрих) Неттесгеймский (1486–1538) — немецкий гуманист, врач, философ, особенно склонный к мистике и алхимии. У современников и в истории Агриппа приобрел славу великого чародея и волшебника.

Аббат Тритем. — Имеется в виду гуманист Иоганн Гейденберг (1462–1516), известный под именем Иоганна Тритема, Триттенгейма или Трителисуса, от селения Триттенгейм близ Трира, где он родился. С 1483 г. был аббатом; позднее стал настоятелем в одном из монастырей города Вюрцбурга. Как ученый-гуманист, собирая рукописи и книги. В составленных им хрониках — «Шпонгеймской» и «Гирсауской» (о происхождении франков) он пользовался источниками, позднее утерянными. Известен Тритем также и как библиограф: ему принадлежит «Книга церковных писателей» с данными о 963 авторах и «Каталог знаменитых мужей Германии» (303 лица). Однако особенно прославился Тритем еще при жизни изобретенным им криптографическим письмом, получившим широкое распространение. Это обстоятельство приобрело ему славу оккультиста и колдуна, каким его здесь и разумеет автор.

Доктор Фауст. — Первое известие о нем восходит к упомянутому выше аббату Тритему, который в 1507 г. писал своему другу о некоем маге и чародее Сабеллике, прозванном Фаустом, предостерегая от его шарлатанства. Точных сведений о жизни этого лица не сохранилось, но уже в XVI столетии о нем ходили баснословные рассказы, сводившиеся к тому, что Фауст в молодости учился в Кракове, затем продал душу черту, заключив с ним договор, подписанный кровью. Двадцать четыре года Фауст вел веселую и разгульную жизнь, путешествуя по Средней Европе в сопровождении черта в виде лошади или собаки. Легенда о Фаусте впервые была издана в 1587 г.; в ней связь Фауста с чертом уже объясняется не только стремлением Фауста к материальным благам, но также его ненасытною жаждой знания. Позднее история Фауста неоднократно служила предметом обработки, пока эта полулеген-

дарная личность не получила окончательного оформления в произведении Гёте.

Ла Бросс Пьер — любимец французского короля Филиппа III (1270—1285), управлявший его двором. В 1285 г. был обвинен в отравлении старшего сына короля посредством волшебства и казнен. О нем осталось воспоминание как о кудеснике и чародее. В первой половине XVII в. во Франции два различных *Ла Бросса* подвергались обвинению в чародействе.

Цезарь — Здесь имеется в виду или Цезарий Гейстербахский — цистерцианский монах, настоятель монастыря в Гейстербахе близ Кёльна (ок. 1180—1240 гг.), автор пользовавшихся большой известностью «Бесед о чудесах», или же Цезарь Нострадамус (1505—1566) — известный французский астролог, составитель гороскопов, придворный врач французского короля Карла IX.

Орден Розенкрайцеров — тайное общество, возникшее в начале XVII в. Его члены ставили себе целью всестороннее улучшение состояния церкви и государства. Основателем союза Розенкрайцеров был Иоганн Андреэ; в одном из изданных им анонимных памфлетов Андреэ рассказывает о некоем немецком дворянине Розенкрайце, который будто бы ездил в 1378 г. на Восток и там от индийских мудрецов узнал тайны философского камня и жизненного эликсира. В действительности под Розенкрайцем Андреэ подразумевал самого себя. В своих сочинениях и письмах он употреблял печать в виде креста с четырьмя розами, откуда произошли и эмблема позднейших розенкрайцеров, и самое их название. Первоначальные розенкрайцеры, члены братства, учрежденного Андреэ, не были особенно ясно выражены мистиками; большого распространения это братство не получило, так как этому мешала изнурявшая Германию Тридцатилетняя война. В 1622 г. в Гааге возникло другое братство розенкрайцеров, довольно быстро распространившееся в Голландии, Германии и Италии; в этом обществе мистика и алхимия стояли на первом плане. Вероятно, именно этот союз «Истинных Розенкрайцеров», как они себя называли, и имеет в виду Сирено.

«*De sensu rerum*» («О смысле вещей»). — Это сочинение Кампанеллы, напечатанное во Франкфурте в 1620 г., носит на себе явные следы увлечения астрологией и так называемой «натуральной магией».

Ламот Ле Вейе Франсуа (1588–1672) — французский писатель, воспитатель дофина, позднее короля Людовика XIV, представитель скептических традиций, шедших от Монтеня.

Тристан Лермит Франсуа (1601–1655) — французский драматический писатель. Молодость провел очень бурно и за поединок вынужден был даже бежать в Англию. Позднее был помилован и служил при дворе герцога Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII. Всю свою жизнь имел репутацию отчаянного игрока и, вероятно, на этой почве познакомился и сблизился с Сирено. Написал ряд трагедий, из которых одна, «Марианна», имела большой успех и заставляла сравнивать автора с Корнелем. С 1643 г. был членом Французской Академии.

Стр. 267. ...*Диоген отверг предложения Александра, когда последний подошел к его бочке.* — Диоген — греческий философ (414–323 гг. до н. э.), ученик Антисфена, последователя Сократа. Антисфен, понимая односторонне учение Сократа, цель жизни видел в добродетели, а добродетель — в воздержании. Диоген не прибавил ничего к учению Антисфена, но сам своею жизнью довел его до крайности. На этой почве еще в древности возникло множество анекдотических рассказов о Диогене, из которых многие были чистыми выдумками. Один из таких анекдотов описывал встречу Диогена с Александром Македонским и заключался в том, что первый, в ответ на обещание македонского царя исполнить любую его просьбу, попросил его не загораживать ему своей фигурой солнце.

Стр. 272. ...*вдыхал нос жестокосердого богача.* — Здесь подразумевается богатый, выведенный в евангельской притче о богатом и Лазаре. Богатый, весь день заполняющий пиршествами, противополагается бедняку Лазарю, лежащему у ворот его дома и стремящемуся питаться хотя бы крохами, падающими со стола богача.

Стр. 275. *Гортензий* — комическое действующее лицо в хорошо известном и много читавшемся в XVII в. романе Шарля Сореля «Франсион». Первое издание его вышло в 1622 г. Это место трактата Сирено показывает, что автор не только был хорошо знаком с произведением Сореля, но и делал из него некоторые заимствования.

Стр. 277. ...*европеец, родом из Старой Кастилии. Он умудрился с помощью птиц взлететь в лунный мир...* — Сирено име-

ет здесь в виду Доминго Гонзалеса, героя «Путешествия на Луну» Фрэнсиса Годуина, напечатанного в Шотландии в городе Перте в 1638 г. и переведенного на французский язык в 1648 г.

Стр. 278. *…если поглубже вникнуть в вещество, убеждаешься, что оно едино…* — Представление о единстве материи, восходящее к атомистической теории Демокрита и Эпикура, разделялось и Гассенди.

…он по симпатии стремится обратить все… в такое же состояние, в каком находится сам. — О симпатии и антиподии между элементами много рассуждали алхимики, с которыми спорил Гассенди.

Стр. 280. *Гордиеев узел* — находился в храме Юпитера в Гордионе (Малая Азия). По преданию, был разрублен Александром Македонским.

…чтобы занять некое место, до тех пор не занятое. — Сирано выступает здесь последователем Лукреция и Гассенди.

Стр. 282. *…все пребывает во всем…* — Это изречение принадлежит греческому философу Анаксагору (V в. до н. э.), однако Сирано вкладывает в него совсем иной смысл, нежели Анаксагор, не признававший за материей способности к качественному изменению.

Перипатетики — последователи философии Аристотеля, составлявшие школу, непрерывно существовавшую в течение почти восьми веков. Название происходит от греческого слова περιπατέω — прогуливаюсь; название объясняется тем, что Аристотель любил вести философские беседы с учениками, прогуливаясь в роще Ликея. В данном месте произведения Сирано под «перипатетиками» подразумеваются глухие к голосам современности люди, продолжающие держаться средневековой лжеаристотелевской схоластической философии.

Стр. 284. *…дуба, живительный огонь коего…* — По учению атомистов, тела растений, так же как и тела животных, оживлял содержащийся в них огонь.

Стр. 290. *…короля, носящего брыжи, или короля, предпочитающего плоеный воротничок.* — Намек на вражду Франции и Испании.

Стр. 294. *…сколько бы он ни утверждал, что поверил, он все равно верить не будет.* — Здесь Сирано весьма прозрачно на-

мекает на Галилея, которого инквизиция принудила отречься от своих убеждений на суде в 1633 г.

Стр. 298. ...выходит, что Геракл, Ахилл, Эпаминонд, Александр и Цезарь не заслуживают никаких почестей на том основании, что они умерли, не дожив и до сорока лет... — Не считая Геракла и Ахилла, возраст которых, по мифичности этих лиц, не может быть учтен, утверждение Сирено правильно только относительно Александра Македонского, умершего тридцати трех лет; Эпаминонд умер в возрасте около пятидесяти лет, Цезарь — пятидесяти шести.

Стр. 299. Семь греческих мудрецов. — Так называли Питтака из Митилены на о. Лесбосе, Солона Афинского, Клеобула с о. Родоса, Периандра Коринфского, Хилона, эфора из Спарты, Фалеса Мiletского и Бианта из Приэны в Малой Азии, живших в VII—VI вв. до н. э.

Стр. 300. Кассий Гай Лонгин — римский политический деятель, сторонник республики, долголетний политический враг Цезаря и, вместе с Брутом, глава заговора, приведшего к убийству Цезаря в 44 г. до н. э. Кончил жизнь самоубийством после поражения республиканских войск при Филиппах в 42 г. до н. э.

...сказали бы парке: «Любезная барышня, возьми другую чью-нибудь нить...» — Парки — первоначально три латинские богини, покровительствовавшие рождению человека; позднее они слились с тремя греческими божествами мойрами, из которых одна была божеством рождения, другая — жизни, третья — смерти. Их обычное изображение в виде трех прядущих женщин восходит к Греции и было воспринято в Риме.

Стр. 302. Лaisa — имя двух знаменитых греческих гетер, живших в V и IV вв. до н. э.

Стр. 303. ...пифагорейцы... придерживались таких же взглядов... — Пифагорейцы верили в переселение душ и, видимо, поэтому были вегетарианцами.

Стр. 304. Ведь у обоих вас отец и мать — бог и его отрицание. — Сирено иронизирует здесь над неоплатониками, определявшими материю как простое отрицание бога, источника духовности и единственно подлинной реальности.

Стр. 316. Один великий поэт и мыслитель нашего мира... — Имеется в виду Лукреций.

Стр. 328. ...воображение в силах излечивать все болезни... — Подобное же считали Кардано и Монтень, теория эта восходит к взглядам античных врачей.

Содержание

<i>Томас Мор. Утопия. Перевод Ф. Петровского и А. Малеина</i>	5
<i>Томмазо Кампанелла. Город Солнца. Перевод Ф. Петровского и А. Малеина</i>	131
<i>Фрэнсис Бэкон. Новая Атлантида. Перевод З. Александровой</i>	193
<i>Сирано де Бержерак. Иной свет, или Государства и империи Луны. Перевод Е. Гунста.</i>	235
<i>Комментарии</i>	336

Литературно-художественное издание

**Мор Томас
Кампанелла Томмазо
Бэкон Фрэнсис
Бержерак Сирано де
КЛАССИЧЕСКАЯ УТОПИЯ
*Сборник***

Ответственный редактор *E. Булгакова*
Компьютерная верстка *P. Рыдалин*
Технический редактор *T. Полонская*

Подписано в печать 29.05.2018. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 12. Тираж экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

Е-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жүлдөздөй гүлзар, д. 21, 1 күрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасында импортташы «РДЦ-Алматы» ЖЦС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша арыз-таларапарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кош., 3 «а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаган

